

Валерий Шаров

Путь в небо. За чертой инстинкта

© Шаров В.Ю., 2013

© Ланских Д.И., обложка, иллюстрации, 2013

© В. Секачев, издание, 2013

Моим дорогим родителям – маме Марине Максимовне Шаровой (урождённой Довгаль) и папе Юрию Григорьевичу Шарову – посвящается

Если хочешь, мы можем начать работать над временем... и ты научишься летать в прошлое и будущее. Тогда ты будешь подготовлен к тому, чтобы приступить к самому трудному, самому дерзновенному, самому интересному. Ты будешь подготовлен к тому, чтобы летать ввысь...

Ричард Бах

«Чайка по имени Джонатан Ливингстон»

Предисловие

Моя предыдущая книга начиналась с трагического происшествия на колхозном поле под Рязанью в начале семидесятых годов прошлого века, когда двое деревенских жителей оказались рядом с загоревшимся трактором, пламя с которого перекинулось на пшеничное поле. И один из них, восемнадцатилетний Толя Мерзлов, не раздумывая, бросился тушить огонь, другой же ушёл в сторону. Она так и называется «Шаг в сторону», а событие это стало для меня точкой отсчёта и разделительной линией в поведении людей в экстремальных ситуациях. Действительно, вроде бы люди одного происхождения, из одного села оказались в одной и той же критической обстановке, а, поди ж ты, так по-разному себя повели! О первом, шагнувшем подальше от опасности и оставшемся жить, сейчас не помнит никто. А второй, погибший в борьбе с огнём за колхозную собственность Толя Мерзлов, навсегда остался в сердцах благодарных сельчан как настоящий герой.

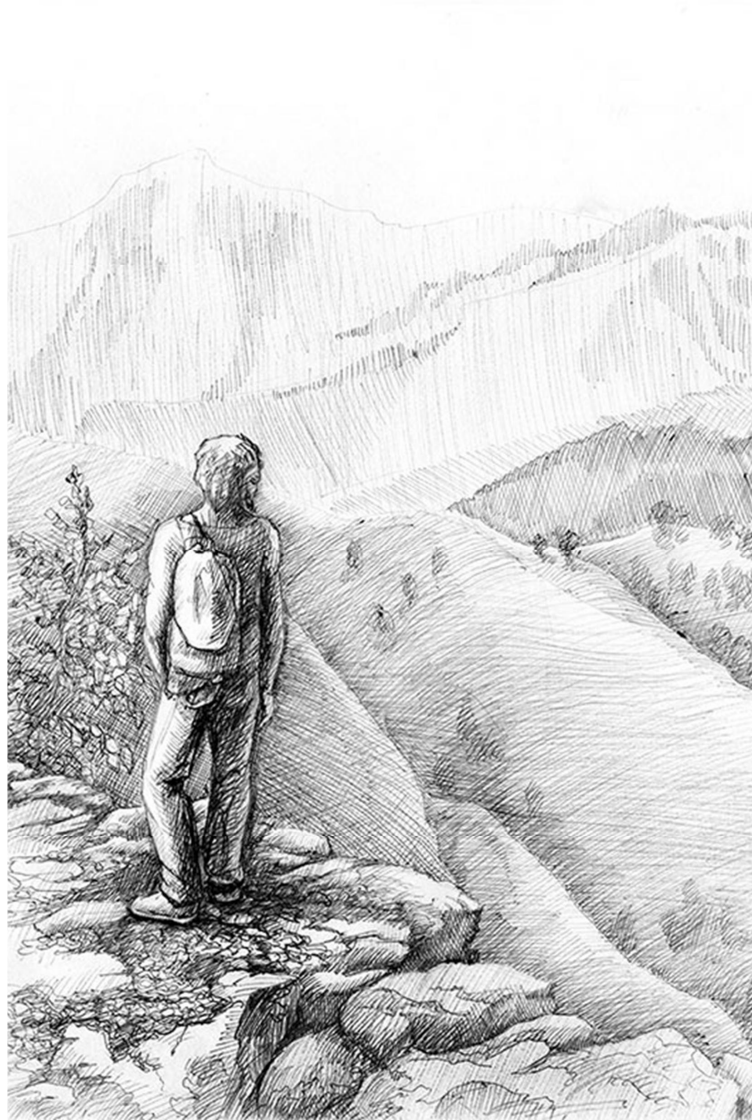
Признаюсь, когда я писал первую книгу, было довольно грустно – хотелось поскорее обратиться к куда более интересным и высоким материям. Но я прекрасно понимал, что как Луна имеет тёмную и светлую стороны, так и человеческое поведение не может состоять из одних мыслей и поступков, вызывающих восхищение, возвышающих дух. И, рассказывая только о них, я тем самым сильно обедню общую картину, сделаю её пусть и красивой, но однобокой.

Понятно, жизнь прежде всего принадлежит и нужна самому человеку и каждый имеет право прожить её как хочет и проживает по-своему. Но совершаемое в ней может быть как отталкивающее, бессмысленно и неинтересно для окружающих и всего общества, о чём я рассказывал в первой книге, так и необыкновенно содержательно, восхитительно, вдохновляюще для самого человека и других людей – как прекрасный образец поведения, достойный подражания. Таковы поступки и отношение к жизни героев этой книги. Великого спортсмена Шаварша Карапетяна, всякий раз немислимим образом оказывавшегося в нужном месте в нужный час и спасшего ценой своего здоровья десятки жизней. Необыкновенного учёного Лазаря Меклера, сделавшего удивительное открытие в биологии наперекор существующей в СССР порочной системе отношений в науке. Уникальной певицы Елены Камбуровой, вынесшей из шокировавшей её в детстве ситуации первого публичного выступления понимание высочайшей ответственности перед зрителями. Деревенских мужиков, покоряющих на самодельных самолётах небо над тайгой, несмотря на все технические проблемы и официальные препоны. И поступки других людей, схожих в самом главном, о чём и рассказывает эта книга.

Зачем я всё это пишу? Да потому, что мне очень интересно исследовать человеческое поведение. И, в конце концов, каждому из нас, идущему ясным и вроде бы определённым путём, вдруг приходится делать этот шаг – свой выбор. Одному – под давлением независимых от него чрезвычайных, роковых обстоятельств, другому – по собственной воле решившему изменить свою жизнь и попавшему в непривычную ситуацию. Шаг с проторённой дороги, от ставшего уже привычного ритма жизни к совершенно иному измерению времени, поступков и ценностей. Когда резко изменяется окружающий мир, уплотняется или, наоборот, неизмеримо растягивается время и нужно быстро принимать какое-то решение, действовать, а от этого зависит судьба, карьера, здоровье или даже жизнь. И порой не только твоя жизнь. Шаг вниз или вверх – это уж как у кого получится, как кому предназначено его внутренним содержанием, судьбой. Возможно, об этом будет интересно узнать ещё кому-то и сделать выводы, которые смогут в чём-то помочь.

Благодаря щедрости судьбы и профессии, мне довелось стать участником, свидетелем или летописцем ряда удивительных событий, близко познакомиться с необычными и очень интересными людьми, узнать их поразительные истории. Добавив к этому багажу некоторые уже известные факты, я вдруг увидел, что выстраивается прелюбопытная цепочка – своего рода эволюция поведения людей в экстремальных ситуациях. От нелепого и не имеющего абсолютно никакого разумного объяснения до достойного всяческого поклонения и подражания, возвышающего человека в его высоком звании разумного существа. Особую наглядность эта разнообразная картина поведения людей в необычных ситуациях приобрела, когда я избрал в качестве некоторой срединной точки отсчёта поведение в экстремальных обстоятельствах животных, которое основывается исключительно на основных природных инстинктах – сохранения жизни и продолжения рода. В отличие от животных, устроившихся на этой условной шкале в «нулевой зоне» по объяснимости и предсказуемости их поведенческих реакций, люди, действуя в экстремальных ситуациях, порой вообще напрочь игнорируют основные инстинкты, данные им природой.

Мне осталось только расположить собранные истории, сообразно моему видению этой эволюции. Они естественным образом разделились на две книги: «Шаг в сторону» и «Путь в небо».

Глава 1. Преодоление

Человек умирает столько раз, сколько раз он теряет близких.

Публий Сир

Начнём с конца. Точнее, с самого последнего и наиболее загадочного в жизни человека – с того, с чем приходится сталкиваться абсолютно каждому из нас, независимо от семейного, социального или экономического положения. Независимо от религиозных и философских взглядов. Что самое интересное, независимо от желания! И хотя явление это вполне заурядное в биологической жизни (поскольку является её неотъемлемой частью, можно даже сказать, обратной стороной жизни), пожалуй, нет ничего другого, что было бы всякий раз столь неожиданным и предельно стрессующим для любого человека.

Все уже поняли, о чём идёт речь. Конечно же, о смерти. О смерти, о которой все знают как о неотвратимом и непреложном моменте бытия, но с которой так не хотят встречаться и всячески стараются отложить этот вполне естественный, но в то же время крайне неприятный момент жизни. Благодатная и беспроегрешная тема, которую можно эксплуатировать бесконечно, и читатель будет глотать любые рассуждения на этот счёт, раскрыв рот. А если ещё присовокупить к ней способы обретения бессмертия, которое почему-то волнует людей куда больше, чем сама смерть!.. Ну, допустим, можно сделать подробный экскурс в историю и познакомиться с тем, как решалась эта

трагическая (трагическая, потому что, дураку ясно, смерти избежать невозможно, однако же невозможно и убить в человеке мысль о бессмертии) проблема в разные времена и у разных народов. Как, например, эпикурейцы при ясном понимании наступления смерти позже или раньше считали, что по этому поводу не стоит расстраиваться, а надо брать от жизни всё, что возможно, и тем самым делать её более наполненной и вроде бы бессмертной. А выдающийся испанский философ и писатель Мигель де Унамуно пришёл к иному решению: он считал, что поскольку физическое бессмертие получить невозможно, то нужно обрести его в умах и душах других людей. Для чего следует делать как можно больше того, что запечатлеет тебя, твой образ в них (ну там, добрые дела, выдающиеся произведения искусства, научные открытия, всяческие доблести и подвиги), и тем самым даст тебе такое своеобразное бессмертие. И так далее.

Но я сейчас о другой смерти – о смерти в достаточной степени близкого, хорошо знакомого человека, которая, как известно, порой переживается значительно тяжелее, чем ожидание личной смерти или даже наступление её. Все мы на протяжении жизни теряем родных, близких и знакомых людей – это непреложный закон бытия. В детстве такие потери ощущаются, как правило, менее трагично. В силу того, что мы ещё недостаточно взрослые и не ощущаем всей глубины потери, а также потому, что в нашем детстве большей частью уходят не самые близкие родственники, то есть люди, к которым привязаны не так сильно. Тёти и дяди, бабушки и дедушки. Настоящее потрясение происходит, когда умирает кто-то из родителей. Я до сих пор очень хорошо помню страшный шок, который испытал много лет назад, когда безвременно, в 56 лет, умерла моя мама. И хотя произошло это в результате долгой хронической болезни, которая неизменно вела человека к концу, для меня таких объяснений трагедии не существовало – я погрузился в жуткое состояние, замешанное на невыразимой, незнакомой мне доселе печали и тягостном чувстве вины перед ней. Вины за то, что недостаточно проявлял к ней тёплых чувств, что мало уделял внимания в последнее время, что не оказался в больнице непосредственно перед её смертью и не попрощался с ней. И за многое, многое другое. Мне исполнилось уже 29 лет, у меня была своя семья и дети, жили мы отдельно, но я не мог найти себе места от свалившегося на меня горя. Помогла бабушка жены Руфь Максовна Адлер (мама Руфа, как просто и ласково звали её все родственники) – опытный педагог и просто мудрая женщина, немало пережившая на своём веку, а теперь и сама уже ушедшая из этого мира.

– Работайте, Валерий, старайтесь как можно больше работать, – сказала она спокойно и строго после выражения соболезнования и сочувствия.

Пересиливая сжигающее меня горе и патологическое желание жить в нём, я сел за статью, которую должен был сдавать в редакцию, и если не удавалось включать творческие процессы в сознании, то тупо, механически писал и писал, глотая порой слёзы. Именно этот рецепт в конце концов помог выбраться из того очень тягостного состояния.

Собственная смерть сильно отличается от чужой тем, что если в первом случае ты можешь переживать и страдать только до неё, а с её приходом всё для тебя заканчивается, то во втором муки, страдания и переживания со смертью только начинаются. Они могут продолжаться очень долго, воздействуя на твою жизнь, психику, а при определённых обстоятельствах – привести даже к уходу из жизни, если не удастся найти адекватный выход из возникшей критической ситуации. Особую остроту они принимают, когда смерть близкого или хорошо знакомого человека произошла в твоём присутствии или, что называется, умер он на твоих руках.

Так уж сложилась история моей собственной семьи, что подобный тяжёлый опыт получил мой младший сын Алёша, когда ему было одиннадцать лет и он летом в очередной раз поехал с компанией друзей и родственников в горный поход на Кавказ. Помимо большого количества людей, знакомых по прошлым подобным поездкам, с ним были и наши родственники – сестра жены с мужем и его отец, старый походник и большой любитель гор Юрий Владимирович. Лёша его хорошо знал, любил с ним ходить в походы, и неудивительно, что, когда в горах вся компания разбилась на маленькие группы,

чтобы отрабатывать различные маршруты, оказался с ним в паре. Они ушли довольно далеко от общего лагеря, где собирались фотографировать живописные картины гор. В этот момент случилась беда – у Юрия Владимировича произошёл сердечный приступ и он умер от него в течение нескольких минут. Ему было 68 лет, он не любил обсуждать собственное здоровье, но как-то раз сказал, что мечтает умереть в своих любимых горах. Так оно и произошло: человек ушёл из жизни без особых страданий и там, где ему хотелось. Но оказавшийся рядом ребёнок, никогда раньше не только не видевший смерти, но и не задумывавшийся о ней, конечно же, не думал об этом слабом утешении ухода из жизни близкого человека. Его добрый друг умирал у него на руках, он абсолютно ничего не мог сделать, а рядом никого не было. Оказавшись один на один с этим страшным событием, он прежде всего должен был понять, что вообще происходит, и попытаться как-то помочь умирающему человеку. Потом осознать, что случилось непоправимое, и принять нужное решение – звать старших товарищей, до которых надо было ещё добратся. Он в итоге так и поступил. Но что было с ним до этого?

Я не знаю, что пережил мой сын в те страшные минуты смерти довольно близкого для него человека, который умер у него на руках. Он этим ни с кем не делился, но наши родственники рассказали потом, что первые два дня после этой смерти Лёша безудержно и беспричинно... смеялся. То была, конечно, реакция не сформировавшейся ещё детской психики на экстраординарное трагическое событие. В последовавшие за этой смертью часы и дни, конечно же, всем было не до странного поведения подростка – надо было спускать с гор тело умершего человека, отправлять его в Москву, – а потом мой сын вроде бы успокоился, отошёл от пережитого потрясения. И это была наша ошибка в оценке последствий для него того страшного события. Нам следовало немедленно пойти с ним к психологу или психотерапевту, чтобы скорректировать его психическое состояние. Но нам показалось, что всё обошлось. Не обошлось...

Я заметил, что после той трагедии Лёша стал как-то очень безразлично и даже нарочито пренебрежительно относиться к себе, в частности к собственному здоровью. Катаясь на роликовых коньках, необъяснимо часто падал и расшибал колени, локти; в горах на горных лыжах, а затем и на сноуборде несколько раз ломал конечности. На мои настоятельные советы и просьбы быть осторожнее он почти не реагировал, и всё продолжалось в том же духе. Вот тут бы мне проявить твёрдость и любой ценой отвести сына к психологу, поскольку я, конечно, усматривал связь его поведения с пережитой смертью Юрия Владимировича, – но наши с женой намёки и разговоры об этом отменялись им напроочь. Он ни в какую не хотел идти к специалисту и разговаривать на эти темы. И мы не проявили жёсткости. А в 16 лет случилось несчастье.

Первого сентября, после праздничной линейки, на которой Алёша присутствовал как будущий выпускник, он шёл из школы домой и прямо на пешеходном переходе среди бела дня его сбил «мерседес», выехавший на встречную полосу и мчавшийся по городу со скоростью более ста километров в час. Конечно, вина ненормального водителя была очевидна и полностью доказана. Но я почему-то уверен, не случись с сыном той трагической истории в горах и не получи он тогда сильнейшей психологической травмы, приведшей к столь наплевательскому отношению к себе, он был бы более осмотрителен и избежал бы несчастья. Но, что случилось – то случилось. Несмотря на многочисленные переломы, тяжёлую черепно-мозговую травму с ушибом мозга и почти сутки, проведённые в реанимации, произошло чудо – мой сын остался жив и, похоже, даже обошлось без тяжелейших последствий. Он благополучно, правда находясь на домашнем обучении, окончил школу, а затем в тот же год поступил в институт. Но тут мы уже настояли на своём и заставили парня пообщаться с опытным психологом. И надо было видеть, как изменился наш сын после всего нескольких встреч со специалистом. Психолог подтвердил наши предположения о связи двух трагических ситуаций и помог преодолеть их последствия.

А несколькими годами позже судьбе угодно было послать подобное испытание и мне. У меня на руках умер давний приятель, которого я знал более четверти века. Умер скоропостижно в 44 года. И тогда я понял, какое это тяжёлое переживание. Понял, что пришлось испытать моему сыну тогда в горах, и сам

ощутил это необычное и жуткое состояние глубокого вхождения чужой смерти в твою жизнь. Вот об этом драматичном моменте жизни для любого человека и, главное, о возможностях преодоления его последствий я и хочу рассказать.

Но прежде должен признаться в одной своей любви – что поделаешь, любовь и смерть нередко тесно переплетаются, и порой одно приводит к другому. Итак, я хочу признаться в любви к... бегу. Да, да, к обычному бегу, при котором человек передвигается вперёд, быстро или не очень быстро перебирая ногами. Ещё в начальных классах школы я упивался этим действием с собственным телом, когда мы с друзьями по двору играли в популярную в наше время игру казаки-разбойники или просто приходили на маленький школьный стадион и наматывали там один за другим круги по гаревому покрытию. Уже учась в университете и выступая на втором курсе за свой факультет на общеуниверситетских соревнованиях по лёгкой атлетике, я неожиданно получил предложение от тренера прийти на тренировки этой секции и стал спринтером – бегуном на короткие дистанции. Это было изумительное время занятия любимым делом, которое сочеталось с учёбой на любимом же факультете со всеми составляющими счастливой студенческой жизни. Много позже, уже учась в другом городе, другом университете и получая другую специальность, я продолжал заниматься бегом, но мне захотелось от спорта большего: иных результатов, иных побед. Поначалу в шутку, а потом и всерьёз у меня появились планы попасть сначала в сборную Москвы, а потом и страны, с предельной мечтой участвовать в Олимпийских играх. Новым, весьма честолюбивым тренером был составлен долгосрочный план, вплоть до грядущей через четыре года Олимпиады в Лос-Анджелесе. Моей специализацией в лёгкой атлетике была самая трудная в этом виде спорта дисциплина – бег на 400 метров, и тренер в подготовке взял за основу опыт каторжных тренировок на этой дистанции американских чернокожих атлетов, который назывался «Изо дня в день, из недели в неделю, из месяца в месяц...». Случалось, после некоторых беговых отрезков на тренировке мы натурально падали без сил и катались по земле от боли в перегруженных мышцах.

Дима пришёл в нашу группу в самый разгар общего энтузиазма, первых спортивных успехов и прекрасно влился в неё, поскольку был спортсменом до мозга костей. В свои девятнадцать лет успел уже серьёзно позаниматься борьбой, хоккеем и сразу пробежал стометровку за 11 секунд, что являлось нормативом первого разряда. Несомненно, мой новый товарищ был талантливым в спорте человеком, но в то же время – и немного несобраным, не полностью сконцентрированным на одном деле. Начав довольно серьёзно заниматься лёгкой атлетикой, он мог, например, в разгар интенсивных тренировок целый вечер играть во дворе в хоккей, что приводило к большой трате сил, а нередко – и к травмам. Или накануне тяжёлого тренировочного дня позволить себе хорошо посидеть в компании, приняв при этом изрядную долю алкоголя. Всё это, впрочем, абсолютно не мешало ему выходить на беговую дорожку, компенсируя нарушения режима талантом и, как нам тогда казалось, железным здоровьем. А ещё он был большим любителем побалагурить и пошутить во время тренировки, разбавляя этим монотонную и тяжёлую работу на стадионе. Именно он придумал шутивно-серьёзное завершение названия американской системы занятий: «Изо дня в день, из недели в неделю, из месяца в месяц... **из жизни – в смерть!**». Как мне теперь кажется, в этих четырёх шутивных словах Димы, весело подхваченных нами, оказался заложен ужасный и трагический смысл того, что произошло с ним (и, как выяснилось, не только с ним) четверть века спустя.

Жизнь развела нас довольно скоро. Мне исполнилось уже тридцать лет. Став мастером спорта, серебряным призёром чемпионата СССР и обзаведясь семьёй, я принял решение закончить с большим спортом, полностью посвятив себя новой профессии – журналистике. Как биолог и человек, проведший в спорте более десяти лет, я прекрасно понимал, что после стольких лет интенсивных физических занятий мой организм перестроился на иной лад, нагрузки следует снижать постепенно и лучше вообще не прекращать их надолго. Помимо двух-трёх еженедельных занятий возле своего дома я частенько приходил на знакомый мне до последнего камешка университетский стадион, где, конечно же, время от времени встречался со старыми друзьями. В том числе и с Димой, который продолжал активно тренироваться, выступать на различных соревнованиях, стал мастером спорта СССР по лёгкой

атлетике. Вскоре я с семьёй вообще надолго уехал на другой конец страны и на какое-то время потерял его из виду.

Наши более-менее регулярные встречи возобновились, когда спустя несколько лет я окончательно возвратился в Москву и снова стал посещать ставший мне родным университетский стадион, причём нередко – со своей семьёй. Моя жена тоже занималась лёгкой атлетикой, познакомились мы с ней именно в нашей спортивной группе и вот теперь раз в неделю приезжали в университет на тренировку, иногда с обоими нашими сыновьями. Как-то само собой получилось, что к нашей семейной компании подключился и Дима, тоже закончивший свою спортивную карьеру. В то время я увлёкся ветеранскими соревнованиями по лёгкой атлетике, которые регулярно проводились в Москве, и мой товарищ нередко высказывал намерение присоединиться ко мне, правда, дальше разговоров у него дело не шло.

– Дима, – который раз говорил я ему, когда он, измученный, но счастливый от того, что смог продержаться со мной на равных на очередном беговом отрезке, отфыркивался после бега, – тебе следует чаще тренироваться – одного занятия в неделю совершенно недостаточно. С твоими способностями таких трёхразовых тренировок тебе за глаза хватило бы, чтобы всех там побеждать. И для здоровья было бы намного полезнее.

– Да, да, пора... – в тон мне и как-то задумчиво отвечал мой товарищ. – А то я что-то и лишний вес набрал. Но времени не хватает даже два раза в неделю заниматься.

При этом у него хватало времени для периодических загулов с друзьями по бизнесу, иногда до утра, сопровождаемых непременно возлияниями, да ещё перемежаемыми заходами в парилку. Баловался он и курением, причём мог позволить себе сигарету и до тренировки, и сразу после неё. Я всё это, конечно, осуждал, но никогда не делал этого в назидательном, категоричном тоне. В конце концов, Дима был взрослым, отвечающим за свои поступки и за свою жизнь самостоятельным человеком, со своими ценностями и режимом жизни. Слава богу, что мы ещё хоть иногда встречались на стадионе, отдавая каждый по-своему дань любимому с давних пор делу, получая от него массу положительных эмоций. Оно нужно было нам обоим. Радостные от осознания всего этого, мы расставались до следующей тренировки и шли проживать каждый свою жизнь.

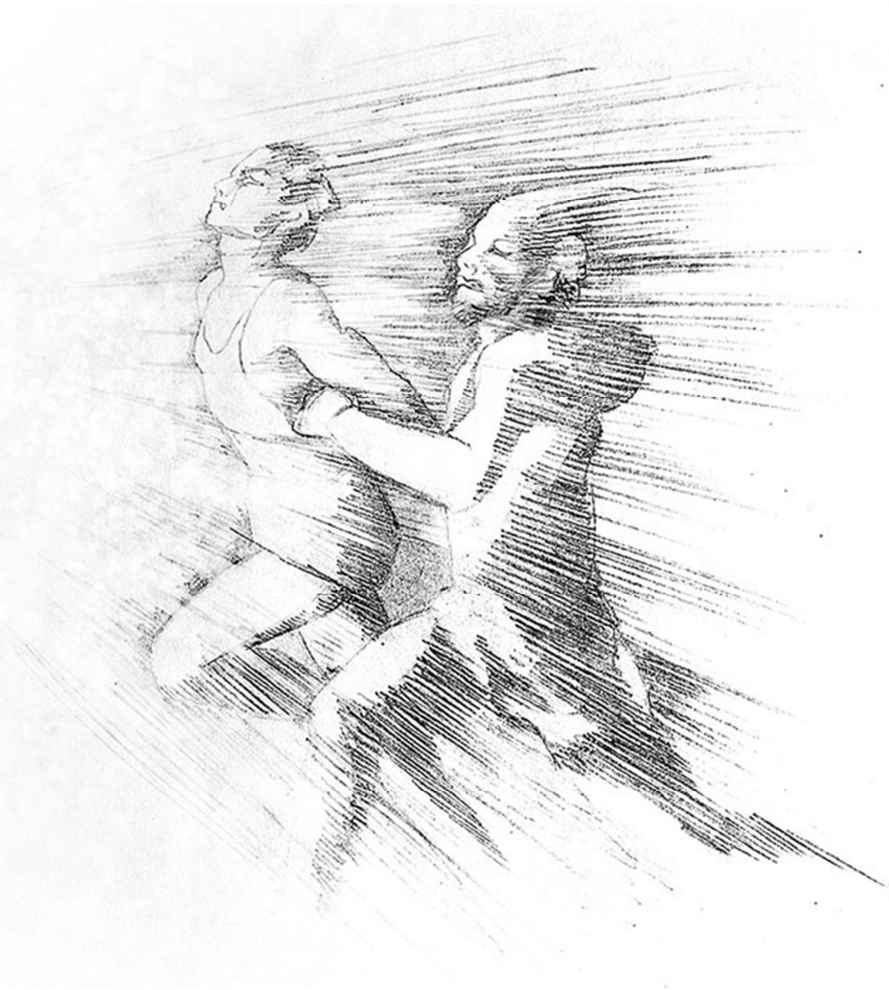
В то трагическое лето я, как обычно, готовился к очередному ветеранскому чемпионату России по лёгкой атлетике и один-два раза в неделю проводил специальные тренировки на стадионе. Вдруг совершенно неожиданно, как это нередко бывало, после примерно полугодового молчания объявился Дима. Спросил, как поживаю, и, узнав, что я периодически тренируюсь на университетском стадионе, высказал желание присоединиться. Договорились на вечер ближайшей пятницы. Когда мы встретились там и подошли поприветствовать одного из знакомых нам тренеров, проводивших на стадионе занятия со своими спортсменами, то были ошарашены известием о смерти хорошо известной нам обоим спортсменки из группы, где мы вместе когда-то тренировались, которая умерла месяц назад от инсульта в возрасте всего 46 лет. Это был не просто знакомый нам обоим человек. Инна была одной из самых преданных спорту девушек, которые оказались в группе нашего тренера, когда он только начинал свою тренерскую работу. Мы все её очень любили. В разговорах о безвременно ушедшей из жизни общей знакомой и о возможных причинах её смерти прошло наше с Димой очередное занятие спортом. Было ужасно грустно и тяжело сознавать, что мы никогда больше не увидим её, не услышим её голоса. Но мы не знали тогда, что очень близкое будущее готовит нам обоим ещё более страшное испытание. Сильно расстроенные, мы расстались, договорившись встретиться через неделю на тренировке.

В намеченный день я опоздал минут на пятнадцать. Быстро переодевшись в раздевалке и выбежав на университетский стадион, тут же увидел своего товарища и его приятеля, которого он давно обещал пригласить потренироваться с нами. Они бежали разминочной трусцой по дорожке. Дима познакомил меня со своим другом Валерой, и дальше у нас всё пошло по заведённому сценарию. Я понимал, что присутствие товарища действует на Диму тонизирующе и ему хочется показать себя перед ним в

лучшем виде, потому старался не заводиться и спокойно уступал товарищу всякий раз, когда он пытался опередить меня в разминочных пробежках. Пришла пора серьезной работы – бега на двести метров. Я надел шиповки и спросил его, настроен ли он бежать со мной сегодня. Весь вид Димы подтверждал, что на этот счёт у меня не должно быть никаких сомнений. Он не только продержался за мной в одном темпе, но даже попытался обыграть на финише.

Восстанавливая дыхание после энергичного бега, мы не спеша побрели по дорожке стадиона, обмениваясь какими-то незначительными фразами на самые разные темы. В мои сегодняшние планы входило ещё раз пробежать такую же дистанцию, но скорость, с которой мы преодолели её первый раз, меня явно не устраивала. Я опасался, что Дима побежит тоже и непременно потянется за мной. Но он, похоже, и сам понял, что нужно попридержать коней, и легко согласился оставить меня одного. И так, я почти в соревновательном режиме пролетел свою дистанцию, а мои компаньоны пробежали её значительно медленнее. Всё шло по плану. После бега мы занялись каждый своими упражнениями: я – прыжками, Дима с Валерой – гимнастикой. При этом Дима успевал ещё и о чем-то оживлённо говорить с нашим общим знакомым, который здесь тренировал группу своих учеников. День клонился к вечеру, мы находились на стадионе уже почти полтора часа, и настала пора заканчивать тренировку.

Втроём вышли мы на дорожку и очень расслабленно и спокойно – чуть быстрее обычной ходьбы – потрусили по четырёхсотметровому кругу родного университетского стадиона, наслаждаясь идущим к закату спокойным июньским днём, греясь на тёплом ещё солнце и получая большое удовольствие от того, что мы вместе здесь делали. Миновали первую стометровую прямую. Получилось так, что Дима оказался между мной и Валерой – он был хорошо знаком с обоими и так легче было поддерживать непринуждённый разговор в нашей общей компании. «Диме можно желание загадывать, находясь между двумя Валерами!» – подумал я совершенно неожиданно, без какой-либо связи с тем, чем мы здесь занимались, но тут же эта мысль и отлетела, перебитая какой-то шуткой, брошенной моим товарищем. Не спеша вбежали в первый вираж, а когда подбегали к его середине, Дима буквально на полметра отстал от нас. И вдруг краем глаза я заметил, что он падает.

«Споткнулся», – мелькнула самая первая мысль, но вслед за этим я понял, что он падает совсем не так, как это бывает при спотыкании. Обычно в подобной ситуации, внезапно теряя равновесие, человек выбрасывает вперёд ногу или руку, чтобы не упасть на землю. А здесь было нечто иное – Дима падал как подкошенный: всем телом и лицом вниз. «Нет, он не споткнулся», – сменилась первая спокойная мысль на тревожную. И тут же в районе сердца у меня как-то странно защемило. Такого тоскливого ощущения я раньше не испытывал никогда.

Он свалился на дорожку с поджатыми к поясу руками, сильно ударившись о её чёрную твёрдую резину левой стороной лица.

– Дима, Дима, что с тобой, что случилось?! – бросились мы к нему, пытаясь поднять.

Но он не только не поднимался, но и будто вообще не слышал наших тревожных вопросов. Удалось лишь перевернуть его лицом вверх. Наш товарищ, только что спокойно бежавший рядом и непринуждённо болтавший с нами, лежал теперь на дорожке стадиона с открытыми глазами, судорожно, с хрипом дыша и наполовину сжав пальцы обеих рук. Мы пытались до него достучаться – хлопали по щекам, трепали за волосы, брали за руки и сжимали пальцы, желая вызвать его ответное пожатие, но всё было напрасно. Дима никак не реагировал. Он будто один на один схватился с каким-то внезапно напавшим на него, невидимым нам страшным врагом, и борьба эта не оставляла сил ни для каких других действий, в том числе и для ответов нам.

Мы ещё не сознавали, что случилось нечто страшное и непоправимое, и поначалу пытались добиться от него хоть какой-то ответной реакции, однако все наши усилия привести Диму в чувство были напрасны. Надо было немедленно вызывать скорую помощь. Это мы сообразили очень быстро, но, как назло, мобильные телефоны вместе с вещами находились на противоположном конце стадиона, и мы с

Валерой не могли оторваться от лежащего товарища, чтобы побежать за ними. К счастью, совсем недалеко от нас тренировалась группа одного из наших общих знакомых тренеров по лёгкой атлетике – и он сам, и его ребята быстро подбежали к нам, и кто-то уже набирал по мобильнику телефон «скорой». Несмотря на полную безысходность, жизнь ещё была в Диме, и, не в состоянии привести его в сознание, мы все свои силы направили на её поддержание. Для чего перевернули лежащего на боку товарища на спину и начали делать искусственное дыхание, разводя его руки в стороны и надавливая на грудную клетку в ритме дыхания. Кто-то из подбежавших молодых ребят вспомнил, как их этому недавно учили в школе на ОБЖ, и даже попытался сделать искусственное дыхание изо рта в рот. В момент переворачивания я увидел на краю губ Димы кровь и сначала подумал, что он прикусил язык или губу. Но сквозь хриплое судорожное дыхание слышались какие-то булькающие звуки в груди, и вскоре я понял, что кровь оттуда. Это был совсем плохой признак, означавший по моим биологическим познаниям кровоизлияние в лёгких. И значит, искусственное дыхание тут вряд ли поможет. Вдобавок к этому его пальцы начали синеть и холодеть. Мы пытались делать и массаж сердца. Всё было напрасно. Постепенно дыхание Димы становилось всё глуше, а пульс вообще не прослушивался. Внезапно напавший на него страшный враг, похоже, брал верх.

Машина скорой помощи появилась минут через двадцать пять после звонка. Уже по тому, как подошёл врач к Диме, осмотрел его и попытался нащупать пульс, я понял, что всё кончено. Его характерное покачивание головой в сторону медсестры после попыток найти пульс подтвердило мои опасения. Они даже не доставали никаких лекарств и не делали никаких уколов.

– Тромб, – лаконично и страшно безысходно подвёл итог врач. – Судя по всему, у него оторвался тромб и закупорил какой-то из крупных сосудов в сердце. Такое могло случиться когда угодно и где угодно.

Мы рассказали, как всё произошло и что пытались делать, чтобы помочь нашему товарищу, но врач категорично отверг наши сомнения относительно правильных или неправильных действий.

– Вы ничего бы и не сделали. Он умер практически сразу после падения. В такой ситуации помочь человеку можно только в том случае, если произошло это в больнице, да и то, если его успеют быстро доставить в реанимацию...

Последующие события того вечера прошли как в тумане. Каждое из них будто вырывается из этого тумана и быстро исчезает в нём. А через весь этот туман рефреном проходит точащая меня мысль о том, что трагедия произошла именно на тренировке. И хотя случилось это не во время интенсивного бега на двести метров, а во время бега трусцой, я никак не могу освободиться от чувства вины: будто происшедшее неким образом связано с какими-то моими действиями, а не с тем, что произошло с самим моим другом. И все выплывающие из тумана эпизоды в той или иной мере имеют отношение к этой моей вине – подтверждают или опровергают её.

Вот возникает подошедший ещё до приезда врачей один из тренеров, который отлично знает и меня, и Диму. Я почему-то ожидаю от него укоров, а он вдруг тихо говорит мне: «Вот она – эта потогонная система тренировок вашего тренера! Сначала Инна, теперь Дима... Мой тебе совет: заканчивай со своими ветеранскими соревнованиями. Надо очень спокойно и умеренно заниматься спортом в нашем возрасте. А там ведь и эмоции соревновательные, и серьёзные физические нагрузки». И я тут же решаю не бежать на предстоящих ветеранских соревнованиях, к которым готовился в последнее время и одной из подготовительных тренировок к которым была сегодняшняя. Причём не знаю и сам, почему так решаю: то ли опасаясь за собственное здоровье, то ли чтобы не оскорблять память о погибшем на стадионе друге.

Затем в памяти всплывает, как появившаяся милиция вызывает меня к себе в машину и опрашивает в качестве свидетеля. После этого вдруг – эпизод звонка Диминой жене, который не решались делать ни я, ни Валера. И в итоге звонит ей по мобильному милиционер и говорит почти не дрогнувшим голосом после уточнения фамилии, имени и родства: «Вам надо сейчас приехать в университет, где находится

ваш муж... Нет-нет, ничего страшного не случилось, но вам надо приехать, чтобы забрать его... Да-да, это на стадионе... Приезжайте, мы всё объясним». Я пытаюсь представить, каково сейчас ей, и у меня это не получается.

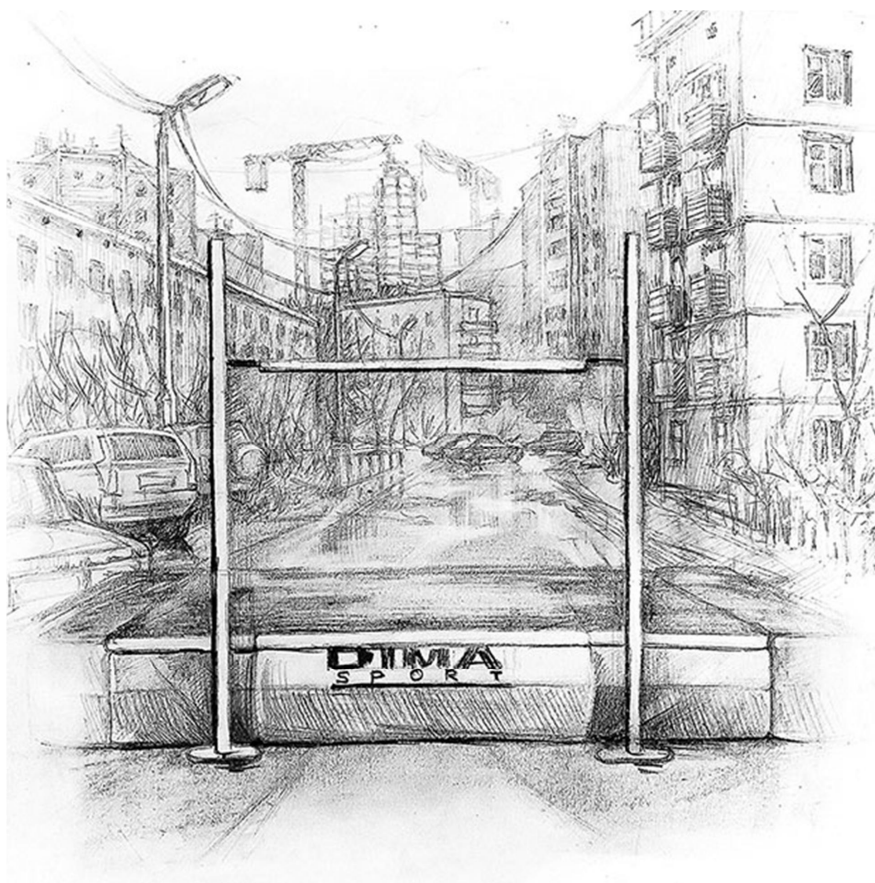
А потом, ожидая приезда жены Димы, мы обсуждаем происшедшее с Валерой, и я, не в силах освободиться от навалившегося на меня чувства вины, корю себя за то, что зря согласился бежать с Димой двести метров. И, наконец, появление Аллы, которая, конечно же, поняла уже по разговору с милиционером, что с её мужем случилось что-то страшное. Но до того, пока не увидела его бездыханное тело на дорожке стадиона, она не верила, не хотела верить, что произошло самое страшное, самое необратимое, самое безысходное. Её успокаивает приехавший с ней её отец, и Валера, и я. Но она безутешна и сквозь ужас происшедшего и какой-то ступор говорит нам и скорее мне: «Зачем вы поехали сегодня тренироваться? Ведь он же такой неугомонный, такой азартный – он решил перед вами покрасоваться и вот...»

Уже в темноте приезжает перевозка, и на Диму, который продолжает лежать на дорожке стадиона, надевают чёрный клеёнчатый мешок и увозят. Тут я вдруг вспоминаю о своей жене – уже ведь ночь почти, я обещал быть дома около восьми и в кошмаре происшедшего не сообщил, что задерживаюсь. Звоню ей и, насколько это возможно, спокойно говорю, что со мной всё в порядке, но произошло нечто, что меня задержало, о чем расскажу, когда приеду. И только в половине первого ночи я оказываюсь дома и могу немного успокоиться, попытаться осмыслить происшедшее, рассказать обо всём Гале, которая очень хорошо знает Диму, – мы ведь вместе занимались лёгкой атлетикой в студенческие годы, а потом часто встречались на стадионе. Сделать всё это у меня получилось только после стакана водки. Но даже после него я долго не мог заснуть и только под утро забылся в сумбуре ночных мыслей, состоящих из воспоминаний о своей долгой спортивной жизни, последней нашей тренировке и картинок встреч с погибшим товарищем.

Прошедшие до похорон моего приятеля трое суток стали продолжением этого сна наяву, за исключением того, что надо было что-то делать из повседневной работы, куда-то ходить и определить место внезапной смерти Димы в моей жизни. Вот тут-то и было самое трудное – незнакомое мне доселе смешение негативных, болезненных ощущений из совершенно разных сфер человеческого бытия. Оно заключалось в том, что на меня накатывали то волны личной вины за уход из жизни друга, то волны реальной опасности за собственную жизнь. Ведь это я невольно способствовал втягиванию Димы в периодические для меня и нерегулярные для него тренировки, и вместе со мной бежал он свои последние метры по дорожке стадиона. А если бы не тренировались мы с ним время от времени, если бы не побежал он на последней тренировке со мной двухсотметровую дистанцию, соревнуясь в скорости, – кто знает, может, был бы он жив? И ведь мы с ним бок о бок, да ещё и по одной изнурительной методике тренировались в прошлом у одного тренера, а за полтора месяца до его смерти умерла Инна – ещё одна спортсменка из нашей же группы. А не ждёт ли поэтому и меня та же печальная участь? В общем, я твердо решил отказаться от участия в ветеранских соревнованиях и в первые дни после несчастья не выходил на стадион даже для лёгкой разминки.

Случившееся с моим другом отчасти можно было объяснить образом жизни, который он вёл после ухода из спорта и перехода к деятельности бизнесмена с сопутствующими ей стрессами, корпоративными вечеринками и тому подобным. Но это объяснение не снимало мои сомнения и переживания. Они теперь дополнились ещё и неприятными физическими ощущениями, связанными с прекращением мною регулярных и интенсивных занятий спортом. В один прекрасный день я заставил себя выйти на лёгкую пробежку в парк. Однако стоило мне только начать привычный бег трусцой, как моментально в памяти всплыла картинка нашего совместного с погибшим приятелем бега по стадиону пять дней назад и я почти физически почувствовал его падающую фигуру сбоку от себя. Всё, связанное с его смертью и моим восприятием её, моментально всколыхнулось в сознании: и его синюющие губы, и сжатые в судороге руки, и хрипы из груди. И беспомощная фигурка его жены, и моё обострённое ощущение вины. Сердце забилося в судорожном ритме, и мне пришлось остановиться, чтобы

успокоиться. Ещё через день, с трудом освободившись от мучивших меня тяжёлых мыслей, я бежал по дорожке стадиона в Лужниках. Вдруг передо мной возникли высокие мягкие маты для прыжков в высоту с крупной надписью на них фирмы-производителя «ДИМА-СПОРТ» – и неожиданное напоминание о погибшем друге мгновенно перечеркнуло все мои рациональные объяснения происшедшего с ним. Я начинал представлять, как ЭТО будет со мной, сердце будто останавливалось, происходило ужасное головокружение, и я едва не падал на тартановую дорожку стадиона. Надо было что-то делать, но я не знал что.

Спасительное решение пришло столь же неожиданно, как накатывали на меня напоминания о Диминой смерти и связанные с ней тяжёлые мысли.

– А почему же мне не принять участие в этих соревнованиях? – подумалось совершенно неожиданно. – Ведь я более пяти лет участвую в них зимой и летом, и ничего со мной не случилось. Более того, подготовка к ним, как и они сами, доставляют мне массу положительных эмоций и удовольствия. И я уже столько времени посвятил подготовке к очередному старту! К тому же и Дима тоже мечтал в них поучаствовать, откладывая это, правда, на будущее. Да ведь теперь, после его смерти на стадионе, я просто обязан в память о нём непременно пробежать на соревнованиях нашу с ним любимую спринтерскую дистанцию в двести метров. И не просто пробежать, а победить. И не просто победить, а посвятить эту победу безвременному ушедшему другу, с которым мы долгие годы были связаны любовью к лёгкой атлетике. А там пусть будет что будет. От судьбы не уйдёшь.

Как только всё это связалось в моей голове, мне вдруг стало очень легко и спокойно. Сразу вспомнился давний французский фильм «Большой приз» о профессиональных гонщиках из «Формулы-1» и слова главного героя, которого играл замечательный французский актёр Ив Монтан: «Если бы кто-нибудь из нас хоть на мгновение представил себе, что с ним будет, если он на полной скорости врежется в дерево, то он никогда не сел бы за руль болида. Поэтому, когда я вижу подобное, я... увеличиваю скорость!» Выход был найден, решение принято, и надо было теперь просто претворять его в жизнь. Оставшуюся

неделю до чемпионата России я провёл в привычных для себя тренировках к предстоящему соревнованию, быстро набрав потерянную было форму. Воспоминания об умершем у меня на руках друге, конечно, не исчезли – тем более на дорожке стадиона, без которого ни он, ни я не могли жить, но теперь переживания стали значительно легче. Они были окрашены в более спокойный цвет целью, которую я не имел права не достигнуть.

Эта золотая медаль за первое место в беге на двести метров на чемпионате России среди ветеранов того года висит у меня вместе со всеми остальными легкоатлетическими наградами, завоёванными на протяжении жизни. Она имеет особую цену и смысл. Прежде всего, приняв нужное решение и направив свои силы на достижение поставленной цели, я смог переключиться с предельно экстремальной и опасной для себя ситуации на активное достижение поставленной цели и преодолеть таким образом тяжёлое стрессовое состояние, вызванное смертью друга, которое не давало мне нормально жить. А ещё, когда я смотрю на выигранную тогда медаль, то сразу вспоминаю своего погибшего товарища и он продолжает жить в моих мыслях и сердце. Память об ушедшем человеке может быть и такой.

Глава 2. Терпение

Только он один знал – чего не ведали даже посвящённые, – как, в сущности, легко голодать. На свете нет ничего легче. И он говорил об этом совершенно открыто, но ему никто не верил, – в лучшем случае его слова объясняли скромностью, но большинство усматривало в них саморекламу или считало его шарлатаном, которому, конечно же, легко голодать, потому что он знает, как облегчить свою задачу, да ещё имеет наглость в этом признаваться...

Франц Кафка «Голодарь»

Из всех инстинктов, присущих человеку как биологическому виду, утоление голода является одним из самых сильных. Поставить его можно рядом с сохранением жизни и таким мощным движителем эволюции и существования вида, как продолжение рода. Великий учёный, основоположник психоанализа Зигмунд Фрейд неспроста говорил: «Любовь и голод правят миром». Так что, хотя в эпиграфе к этой главе Кафка и представляет своего героя существом, начисто освободившимся от этой преследующей человека всю жизнь обузы – постоянной необходимости набивать свой желудок какой-то едой, – да ещё пребывающим в состоянии хронического, абсолютного голода с видимым удовольствием, думаю, сие удивляющее описание стоит отнести к области художественного вымысла, нежели принимать за реальность.

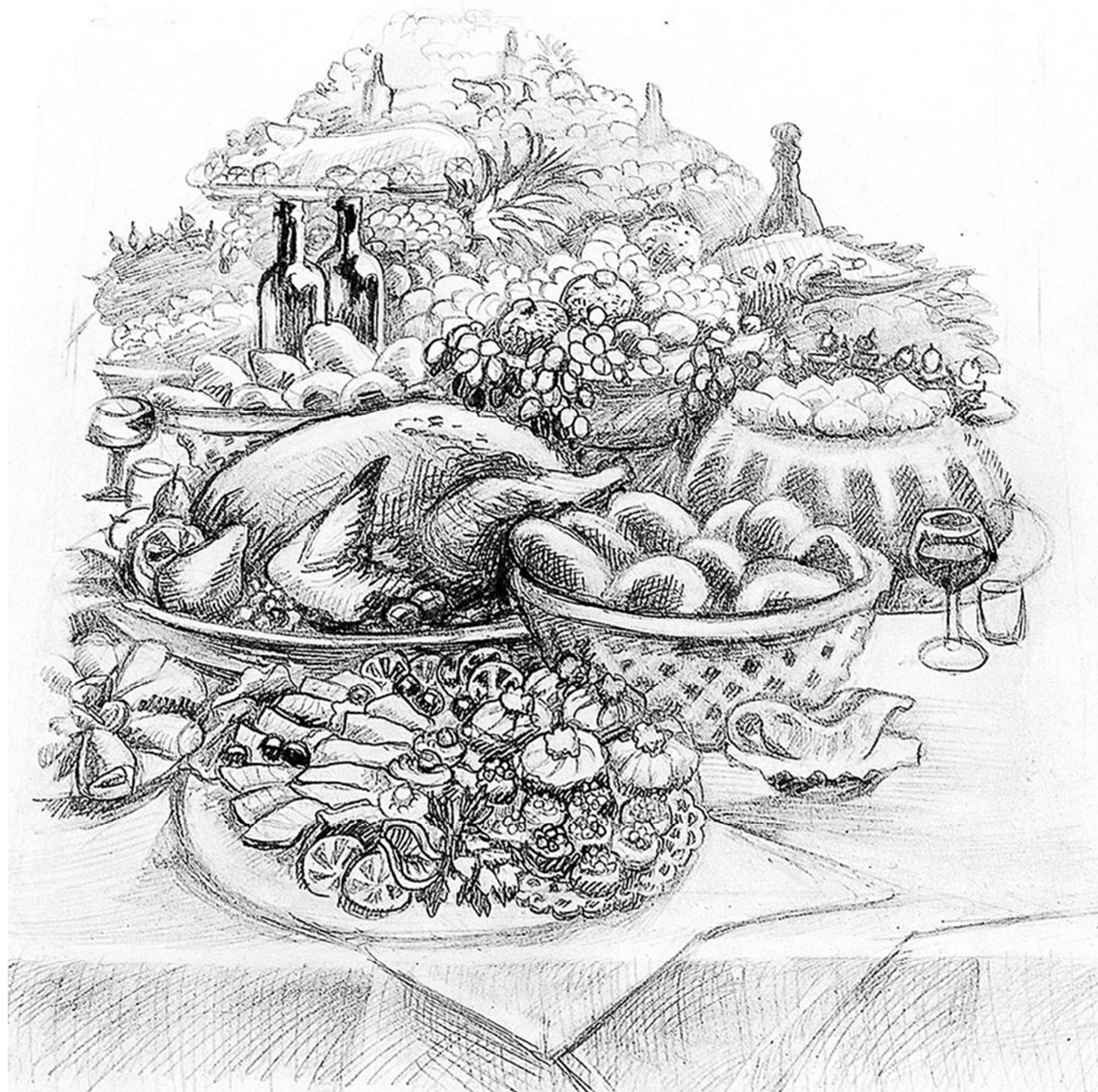
Посмотрите, как ведут себя долго не евшие животные, попробуйте сами пожить без еды день-другой – и вы убедитесь, что это испытание не из простых. Длительное полуголодное, а уж тем более голодное существование может разрушающе подействовать на здоровье (в том числе и психическое). Так что продолжительное лишение пищи определённо является для человека чрезвычайной, весьма тяжёлой травмирующей ситуацией.

Неспроста проникшая уже, кажется, во все сферы нашей жизни навязчивая реклама наполовину посвящена тому, что отправляется в желудок. То же касается и количества окружающих нас магазинов. На их посещение, приготовление из купленных продуктов всевозможных блюд, а затем их поедание мы тратим не менее трети своей жизни – чуть ли не столько же, сколько на сон! Вкусив с прогрессом цивилизации прелестей разнообразного питания, человечество отдаётся утолению голода – этому жизненно необходимому и, как оказалось, очень приятному процессу – с особым энтузиазмом и даже с каким-то остервенением, доставая доступные для переваривания объекты с поверхности земли и из-под

неё, из рек и озёр, с ветвей деревьев и морских глубин. Разве только из космоса нет у нас блюд на столе, да и то только лишь потому, что ничего съедобного в нём пока не нашли. Но, уверен, как только достигнем мы других планет, обнаружим там что-то пригодное в пищу – полетят оттуда на Землю звездолёты с баснословно дорогой, экзотической и оттого ещё более желанной пищей.

Количество национальных кухонь и блюд, приготавливаемых даже из одних и тех же продуктов, не поддаётся счёту. Тема еды – наряду с описаниями природы или любовными сценами – занимает весьма почётное место в произведениях художников и поэтов, кинорежиссёров и прозаиков. Вот послушайте, как, например, отрабатывает её великий Гоголь в бессмертном своём произведении «Мёртвые души». Во второй части романа его главный герой Чичиков попадает в гости к жизнерадостному помещику Петру Петровичу Петуху, обожающему поесть, и после обильных и разнообразных пищевых возлияний в обед, ужин и во всё остальное свободное время оказывается к ночи в комнате, примыкающей к кабинету хозяина. И, засыпая, едва дыша при этом от обильного ужина, слышит он, как тот заказывает повару на утро ранний завтрак:

«Да кулебяку сделай на четыре угла. В один угол положи ты мне щёки осетра да вязигу, в другой запусти гречневой кашицы, да грибочков с лучком, да молок сладких, да мозгов, да ещё чего знаешь там этакого... Да чтобы с одного боку она, понимаешь, зарумянилась бы, а с другого пусти её полегче. Да исподку-то, исподку-то, понимаешь, пропеки её так, чтобы рассыпалась, чтобы всю её проняло, знаешь, соком, чтобы и не услышал её во рту – как снег бы растаяла... Да сделай ты мне свиной сычуг. Положи в серёдку кусочек льду, чтобы он взбухнул хорошенько. Да чтобы к осетру обкладка, гарнир-то, гарнир-то чтобы был побогаче! Обложи его раками, да поджаренной маленькой рыбкой, да проложи фаршецом из снеточков, да подбавь мелкой сечки, хренку, да груздочков, да репушки, да морковки, да бобков, да нет ли ещё там какого коренья?.. Подпусти и брюкву и свёклу. А к жаркому ты сделай мне вот какую обкладку...»

Ей-богу, сколько читаю эти строки – всякий раз возникает томление в желудке, неудержимо текут слюнки и начинает кружиться голова. Оно, конечно, писано великим мастером, но и предмет-то писания, согласитесь, каков! Да, неотделим человек от пищи, как река от берегов. И всё же...

Всё же случается, что приходится ему голодать. И не только по вине обстоятельств – засух, неурожаев, войн да прочих внешних катаклизмов, – но, что особенно поразительно, по собственной инициативе!

Мишель Монтень в своих «Опытах» описывает удивительный случай с неким Помпонием Аттиком, жившим в последнем веке до нашей эры. Тяжело заболев, он призвал к себе своего тестя Агриппу и ещё двух-трёх друзей и сказал им, что принял решение отказаться от пищи. Так как он понял, что лечение ему не поможет и что всё, что он делает, дабы продлить себе жизнь, вместе с тем продлевает и усиливает его страдания, он принял решение разом положить конец всему, умерев от голода. Несчастный больной попросил пришедших одобрить его необычное решение и уж во всяком случае не разубеждать его воздержаться от такого шага. Монтень не пишет, чем был болен этот человек, – только то, что взамен мук и страданий от болезни он избрал для себя голодную смерть. Однако, сознательно отказавшись от пищи и ожидая скорой кончины, он получил совершенно неожиданный и потрясающий результат: исцелился! Средство, применённое для ухода из жизни, вдруг возвратило ему здоровье.

Ныне точно известно, что для древних врачевателей подобное парадоксальное явление, донесённое до нас Монтемом, – воздержание от пищи излечивает – не было откровением. Это старо как мир и активно применяется в наше время. Долгий российский опыт использования в медицине метода лечебного голодания (по-научному его предусмотрительно не называют настораживающим и, возможно даже, пугающим словом «голодание», а заменяют более умеренным выражением «разгрузочно-диетическая терапия»), накопленный профессором Юрием Николаевым и его единомышленниками, привёл к появлению во многих лечебных учреждениях специальных отделений и попыткам лечить с его помощью всё новые и новые заболевания. В том числе и трудно излечиваемые традиционными методами недуги из области нервно-психических, дерматологических, аллергических и геронтологических расстройств. Тысячи и тысячи больных прошли курсы частичного или полного воздержания от пищи в стационарных условиях, и число излечившихся с помощью лечебного голодания (навсегда или временно) довольно велико. Правда, разговоры и споры о его эффективности или опасности идут и по сей день. Я не хочу касаться здесь особенностей физиологического и биохимического воздействия голодания на организм человека, как и подробно останавливаться на немалых трудностях долгого воздержания от пищи. Кто не верит – пусть, повторяю, попробует ничего не есть дня два-три. Хочу ещё раз напомнить, что голодание (тем более длительное) является нелёгким испытанием для любого живого существа, и перейти к основной теме этой главы.

Итак, с одной стороны – потрясающие возможности выдерживания человеком долгого лишения пищи и особый лечебный эффект такого запрограммированного голодания, с другой – десятки, сотни случаев попадания человека в условия, когда приходится оставаться без еды, без огня и спасать свою жизнь, надеясь только на удачу, счастливый случай. Потерпевшие бедствие моряки и рыбаки, военные лётчики, туристы, когда группа вдали от населённого пункта остаётся вдруг без продовольствия (опрокинулась байдарка со всем провиантом, уничтожил припасы медведь и тому подобное), – сколько людей ежегодно по тем или иным причинам оказываются наедине с такой вроде бы ласковой и манящей издали природой, но в подобных обстоятельствах становящейся вдруг страшной и неизвестной?! Попав в такую ситуацию, многие, выясняется, не способны преодолеть её и, случается, даже гибнут. Почему гибнут? Ведь человек так силён, такие огромные возможности заложены в нём!

«Я пришёл к убеждению, – писал в 1964 году известный французский путешественник Ален Бомбар, – что в отдельных случаях человек может перешагнуть через все нормы, обусловленные физиологией, и всё-таки остаться в живых... Жертвы кораблекрушений, погибшие преждевременно, я знаю: вас убило не море, вас убил не голод, вас убила не жажда!.. Вы умерли от страха...»

Добавить к этому ещё нужно – и... от незнания. Незнания собственных возможностей и того, как правильно ими распорядиться.

А нельзя ли, зная уже так много о возможностях человека длительно переносить голод, выработать для подобных случаев конкретные и доступные для каждого рекомендации? Чтобы любой человек хорошо представлял себе, что он может, на что ему рассчитывать и как себя вести, попади он в критическую ситуацию. Существуют же чёткие инструкции действий на случай внезапного пожара, неожиданно начавшегося землетрясения. Однако одно дело – голодать, лёжа в постели, под наблюдением опытного врача, и совсем иное – оказаться совсем без пищи в тот момент, когда надо активно заботиться о своём спасении, двигаться к ближайшему жилью, людям. Реально ли соединение двух таких нагрузок? Оказывается, да!

«...День третий. Подъём, как обычно, в 6:00... Уже забылось, что такое еда... Сегодня мы размахнулись на 29 километров, и особой усталости я не замечаю. Даже, наоборот, иду на полном расслаблении – получается довольно легко.

...День четвёртый. Под вечер ко мне пришли силы, и я с большим удовольствием потренировался, дал нагрузку рукам. Бодрость вернулась не только ко мне – все ребята сидят у костра и поют под гитару.

...День тринадцатый. Двигаться тяжело, но мы идём. Хорошо идём! «Странное у меня чувство, – делится с командиром один из наших товарищей, – почти две недели ничего не едим, а чешем как в обычном походе... Откуда силы берутся?» «Всё по науке, – отвечает тот, – хотя я и сам думал, что будет гораздо труднее...»

Поход, о котором фрагментарно рассказывают дневниковые записи, сделанные одним из его участников, состоялся летом 1981 года. Это было, пожалуй, первое специально организованное «голодное» путешествие в России. За четырнадцать с половиной суток полного воздержания от пищи группа под руководством мастера спорта по туризму Геннадия Рыжавского преодолела пешком по лесам и болотам Тверской и Новгородской областей более 400 километров. И, как видно из приведённых выше записей, бодрость, оптимизм и работоспособность не терялись в этом смелом эксперименте, несмотря на жару и пройденные километры. Удивительно!

Однако есть одно очень важное обстоятельство, без которого не может быть понят этот потрясающий результат. Всю идейно-методическую работу по подготовке эксперимента и психологическую работу с участвующими в нём людьми вёл опытный врач-психотерапевт, досконально познавший лечебное голодание как врач на многих пациентах и как голодающий – на собственном опыте. Это ученик Юрия Николаева, кандидат медицинских наук Валерий Гурвич.

Ещё задолго до этого похода его заинтересовала малоизученная, и уж во всяком случае совершенно не разработанная у нас сторона воздействия голодания на человека, связанная с существованием и воспитанием человеческого духа. Метод, которым активно пользовались древние люди, да потом и многие наши современники, но о котором мало что известно. Своими корнями он уходит к древним мудрецам и философам, служителям религиозных культов. Совершенствование с помощью голодания своего духа – как говорили древние, «просветление психики, просветление ума». Такой учитель брал в свою школу ученика и заставлял его голодать десять дней – для постижения себя, постижения мира. Это было одновременно и физическое испытание, и подготовка к чрезвычайно интересному пути – достижению гармонии, жизни в гармонии. Голодание с точки зрения духовного просветления. Ограничение, воздержание, голодание – всё это обязательно входит во все йогические системы. Для достижения недоступных в обыденной жизни каких-то новых откровений, мироощущений. Об этом же говорил и Гиппократ. Многие религиозные деятели на своём примере показали эффективность такого пути воспитания духа: по несколько лет они находились вдали от людей, вели аскетический образ жизни, голодали различные периоды – так закаляли, воспитывали свой дух и только после этого возвращались в мир, становились известными священниками.

Постоянно применял голодание и великий индус Махатма Ганди, черпая в нём новые духовные силы, особенно в трудных жизненных ситуациях, связанных с борьбой с английскими колонизаторами. Многие политические заключённые в качестве форм борьбы и протеста избирали именно голодовки. Потому что во время демонстративного отказа от того, от чего обычно человек не отказывается ни на день своей жизни, голодающий показывает своим тюремщикам, что он не боится смерти своего тела, – таков его дух, который не сломить ничем! По мнению В. Гурвича, эта духовная сторона голодания – совершенствование, воспитание духа – является очень интересным и перспективным направлением. И в подготовке добровольцев к первому «голодному» походу именно она привлекла его в первую очередь. Вот что он сам рассказывает о своих взглядах:

«Очень близко ко всему этому огромному пласту мы подходим в клинике, когда, например, проводим голодание душевнобольных и одновременно с голодом осуществляем интенсивную психотерапию: гипнотическое воздействие, рациональную, групповую психотерапию. Во время голодания больного мы с помощью разнообразных психотерапевтических методов, исходя из особенностей личности и его заболевания, можем запланировать его будущее и фактически помочь ему сделать первый, очень важный шаг к выздоровлению. Этот же аспект голодания мы решили использовать и в предстоящем голодном походе. При подготовке к нему подолгу работали с каждым кандидатом. Мы, например,

взяли в поход женщину, у которой при росте 170 сантиметров вес был всего 56 килограммов (явно недостаточный!), и мужчину с ростом 180 сантиметров при весе 98 килограммов (сильно избыточный). Но я знал, что они пройдут по своим психологическим качествам. И в то же время, например, забраковал идеального по всем физическим параметрам парня – увидел, что он не готов к испытанию психологически. Хотя отобранные в поход были, в общем, и физически, и психически здоровыми людьми, у каждого из них имелись свои проблемы в жизни – а у кого их нет?! Один, доктор наук, пришёл в новый коллектив со своими оригинальными идеями, а у них там своя лавочка давно сложилась, им хорошо жилось и без его идей – начался конфликт. У другого была серьёзная личная проблема. У третьего – просто дурная привычка, курение, от которой он мечтал избавиться. У четвёртого – социально-сексуальные проблемы: вроде бы достаточно умный, привлекательный и полноценный мужчина, но в то же время была у него какая-то застенчивость к противоположному полу, мучившая его. У одной женщины развилось сильное потрясение, оттого что её бросил любимый человек, которому она очень верила. Всё это не болезни, но определённо мучительные, а иногда и сильно стрессующие ситуации, преодоление которых мы сделали сверхзадачей предстоящего похода. Не голод, который надо во что бы то ни стало выдержать, а гораздо более высокие, значимые для личности цели. И из одиннадцати участников нашего первого «голодного» похода десять реализовали заложенные установки!»

Что же ещё надо?! Однако не всё оказалось так просто.

«...День третий. При подъёме почувствовал слабость, как после болезни... При выходе из лагеря самочувствие лучше, но через час снова наваливается слабость... Ночью сводит икроножные мышцы.

...День пятый. Вчера при засыпании чувствовал мучительный голод, в полузабытых приступы его вызывают стоны... Утром сильная слабость. После самых незначительных усилий или нескольких шагов начинаю задыхаться. Не могу поспеть за товарищами, нет сил, одышка. При взвешивании отмечена большая потеря веса...»

Что это? Строки письма североирландского узника, требующего с помощью голодовки статуса политзаключённого? Но почему тогда в его дневнике нет ни слова о политике?

«...День седьмой. Во сне видел очень вкусную жареную картошку... Тошнота изменилась: усиливается без всякой связи с нагрузкой, иногда на привалах... К вечеру самочувствие улучшается, но нарастает слабость в ногах.

...День восьмой. Состояние лучше... Несмотря на плохую дорогу, группа идёт быстро – даже приходится сдерживать ребят...»

А может быть, это дневник самоубийцы, избравшего для сведения счётов с жизнью столь изощрённый, долгий и мучительный путь? Однако при чём тогда какие-то физические нагрузки и совсем уж неуместные в таком пути песни? Или приведены воспоминания пациентов того самого отделения разгрузочно-диетической терапии? Но какое отношение к пребыванию в стационаре имеют изнурительные переходы?

Всё гораздо проще и в то же время запутаннее. Речь идёт о другом «голодном» походе, в более сложных условиях, который почти год спустя после описанного выше предприняла группа нижегородских туристов под руководством мастера спорта Александра Ляленкова. Ранним утром 6 ноября 1982 года она вышла в это необычное путешествие из небольшого села Каменки. Вышла, неся за спиной в рюкзаках привычные для холодных ноябрьских ночёвок на природе тёплые вещи (по 15–20 килограммов груза на каждого) и не имея ни грамма еды. Их ждало голодное восьмисуточное существование, скрашиваемое лишь водой из ручьёв и талого снега, да напряжённые, в среднем по 20 километров в день, переходы по живописным уголкам средней полосы России. *«Места... ни дать ни взять окаменелые волны бурного моря: горки, пригорки, бугры, холмы, изволоки грядками и кряжами*

тянутся во все стороны меж долов, логов, оврагов и суходолов...» — так писал о них в книге «На горах» известный нижегородский писатель П. Мельников-Печёрский.

Однако откуда у здоровых, в общем-то, людей, не страдающих ни отсутствием аппетита, ни недостатком средств для приобретения необходимого минимума продуктов, появилась такая безумная идея – вступить в единоборство с голодом, да ещё усугубить его тяжёлыми переходами?

Всё дело в том, что среди многомиллионного человеческого племени существуют люди, которым мало удобного, комфортного времяпрепровождения, подаренного нам цивилизацией. Они в свободное от работы время идут в походы в леса и в горы, лазают в пещеры, сплавляются по рекам, пересекают океаны, поднимаются в небо на шарах и дельтапланах. Рискуют здоровьем и жизнью, а порой их предприятия заканчиваются настоящими трагедиями. Но они всё равно упорно идут, спускаются, поднимаются... в общем, не останавливаются. Они – фанаты, чудаки, «психи», а с точки зрения обывателей потерянные для общества люди, но без них общество это вряд ли двигалось бы вперёд и развивалось.

В отличие от своих московских предшественников, нижегородские туристы не стали прибегать к изощрённым психологическим установкам – ведь в реальных условиях беды их не бывает, как не бывает и специального отбора участников. И ещё они решили использовать себя в качестве подопытных кроликов, чтобы выяснить, какие объективные изменения наступают в состоянии здоровья человека в сложном походе при полном голодании. Программа этого очередного эксперимента «на себе» разрабатывалась с участием специалистов нижегородского мединститута. На маршруте все научные исследования проводил опытный походник, врач группы Александр Сучков. Естественно, он находился в точно таких же условиях, что и все участники похода, то есть голодал и отмерял километры с тяжёлым рюкзаком наравне со всеми. Особое внимание уделили обеспечению безопасности необычного похода – ведь кто знает, какие сюрпризы может преподнести голод в таком испытании?! Врач группы во время подготовки похода подробно ознакомился с методикой лечебного голодания, патофизиологией голода, возможными отклонениями в состоянии здоровья и методикой их исправления на кафедре лечебного факультета мединститута. Кроме обычного набора медикаментов и перевязочных средств, в аптечку добавили глюкозу, пищевую соду и поваренную соль – вещества первой необходимости при возможных нарушениях здоровья, которые способны вызвать длительное голодание. За два предшествующих года провели несколько трёх-пятидневных подготовительных походов без пищи, в которых сами убедились, что «на голоде» можно не только лежать в постели, но и активно двигаться. А за две недели до выхода на маршрут все участники похода прошли медицинский осмотр с анализом крови и мочи и совершили однодневный поход, где отработали некоторые методики будущих исследований. С этого момента начали вести дневники, в которых записывали режим дня, пульс, температуру тела, артериальное давление и другие физиологические характеристики.

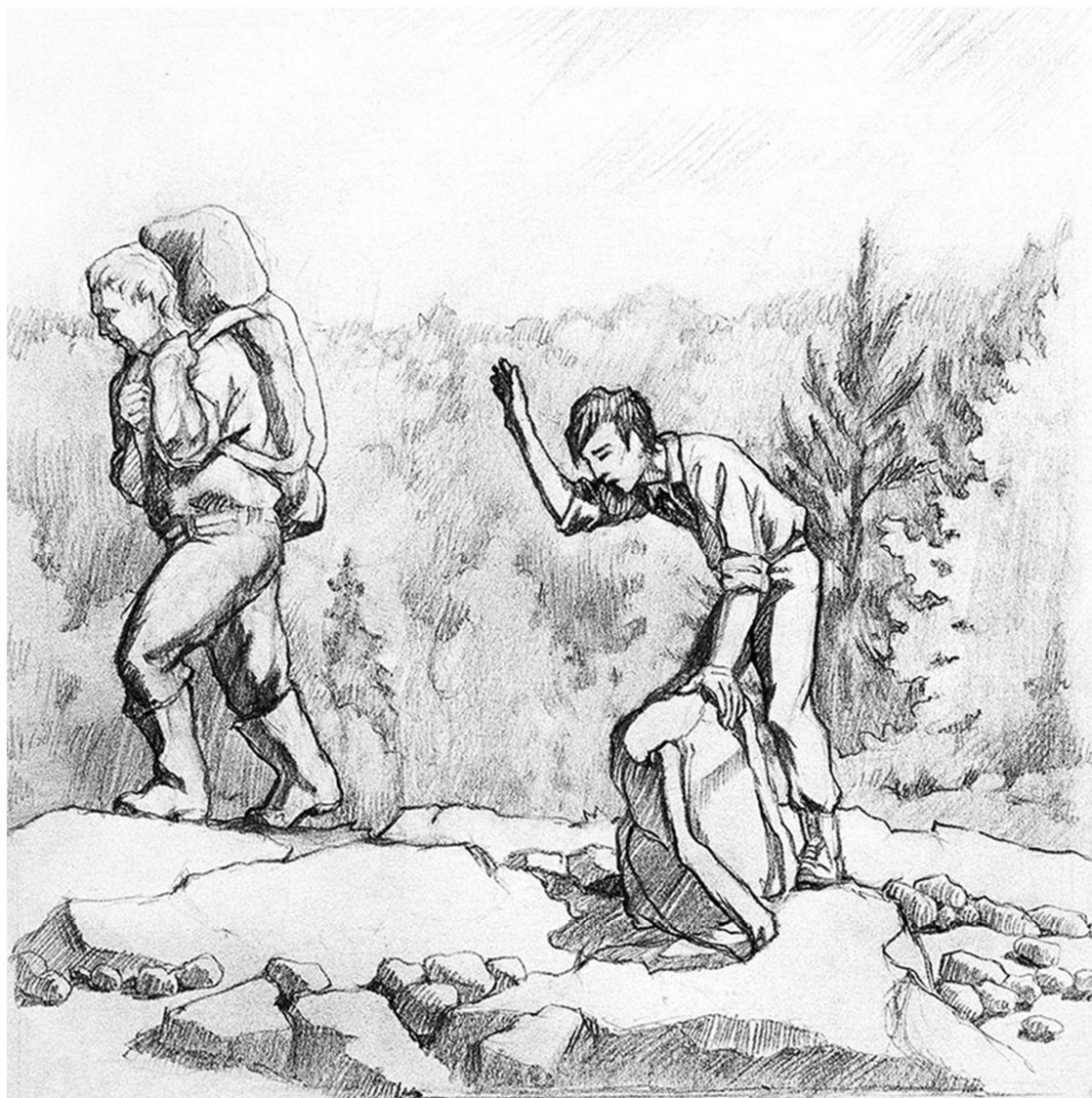
В день выхода на маршрут выпал снег и сильно похолодало – ночью температура понижалась до минус 16 градусов. Но такие тяжёлые условия ещё больше приближали эксперимент к возможным реальным трудностям таёжно-лесного похода, которые могли выпасть на долю потерпевшей аварию группы туристов, и планов менять не стали.

Во время прохождения маршрута проводилось такое количество наблюдений и измерений каждого участника, что у них не осталось бы времени на приём пищи, даже если бы он был предусмотрен. Утром до подъёма замеряли частоту пульса и дыхания, уровень артериального давления и температуру тела. Сразу же после 30–50 минут пешего перехода снова мерили пульс, а 3–4 раза в день – ещё и температуру тела. По вечерам измерялись размеры определённых частей тела. С помощью всевозможных методик ежедневно контролировались мышечная сила, способность выполнять статическую работу, координация мелких движений, реакция, глазомер, адаптация дыхательной системы, психофизическая готовность, экспресс-методом исследовалась моча на наличие в ней

ацетона. О своих снах, физиологических отправлениях, приёмах жидкости и самочувствии каждый делал записи в индивидуальном дневнике.

Нижегородские туристы на своём опыте ещё раз подтвердили возможность полного голодания группы туристов по меньшей мере в течение восьми суток. При этом особо отметили, что при нахождении в этой группе людей с большой нехваткой веса нужно максимально освободить их от физических нагрузок и питать любыми способами, используя остатки продуктов или подножный корм. Также особое внимание необходимо к тем, кто имеет сильно избыточный вес (40 и более процентов от нормы): им следует обеспечить максимально щадящий режим и снизить нагрузки, а появляющуюся у них со второго дня голодания тошноту уменьшать отдыхом, питьём холодной воды и дыхательными упражнениями.

По отзывам отдельных участников этого похода, никаких неприятных последствий он не дал. Только самые приятные. Например, врач эксперимента отметил, что у него значительно лучше стал работать кишечник. То же, только в отношении своего желудка, заметил руководитель похода, а ещё у него в течение целого года не обострялся хронический отит. А одна молодая женщина после голодного похода вышла замуж и вскоре родила ребёнка, чего не могла сделать долгое время до этого. Вот уж воистину волшебная сила голодания!

Впрочем, справедливости ради, надо сказать, что, кроме восторгов, эксперимент дал и некоторые тревожные факты, о которых его врач громко не говорил, но написал в своём письме товарищу: «...хочу

обратить внимание... на необходимость осторожного подхода к такого рода экспериментам. В отчёте это не акцентировано, но в письме поясню: выявленные нами изменения в системе крови (снижение числа лейкоцитов и тромбоцитов) могут оказаться опасными и требуют дополнительного изучения... Результаты биохимических и цитохимических исследований ещё полностью не обработаны, но вызывают настороженность...»

Неизвестно, дошли ли эти тревожные сигналы до фанатиков странного увлечения, но число голодных походов росло. В 1983 году в конце многомесячной экспедиции на собаках по Северу двое её участников провели длительное голодание (причём врач экспедиции В. Рыбин не принимал пищи 15 суток). Примерно в это же время состоялся двухнедельный «голодный» поход на плотках по Каспийскому морю. В июле 1984 года упоминавшаяся уже группа москвичей под руководством врача В. Гурвича организовала новый эксперимент «на выживание» в условиях полного голода – на этот раз 15-дневное путешествие на байдарках в Башкирии. И это только походы, которые освещались в центральной прессе! А сколько опытных и малоискушённых туристов голодали на свой страх и риск, прочтя громкие статьи в газетах, журналах и не уведомляя никого о своих планах, не привлекая всеобщего внимания?! Десятки, сотни? Ей-богу, прямо дух захватывает. С одной стороны – от восторга за мужество, решительность и стойкость их участников, а с другой – от непреходящего ощущения того, будто началось некое состязание: кто быстрее помрёт или где раньше произойдёт серьёзный несчастный случай. К счастью, ни о том, ни о другом ничего не было слышно.

Доказывают ли что-нибудь самодеятельные «голодные» походы? Пока только одно, но крайне важное: оказавшись без пищи даже в тяжёлых условиях и зная минимум об этой возможности, можно не умереть. Однако они ничего не говорят о влиянии такого критического воздействия на здоровье человека. Во всяком случае, о длительном влиянии, которое проявляется через месяцы или даже годы. В самом деле, столь безоговорочно успешный первый эксперимент москвичей на деле оказался не совсем чистым с точки зрения моделирования реальной ситуации, которая может возникнуть с любым человеком, – ведь там проводили особый отбор участников и психотерапевт специально готовил их к предстоящему испытанию. В следующем, нижегородском походе, один участник прекратил его досрочно из-за сильно ухудшившегося самочувствия, остальные тоже испытывали определённые трудности, а врач эксперимента после его завершения предостерегал от неясной пока опасности. Самое же главное – все походы проводились без единой чёткой медицинской программы, которая существует, например, при отработке преодоления экстремальных условий у лётчиков-испытателей и космонавтов. В лучшем случае рядом с участниками находился так же голодающий врач, который осуществлял наблюдения и выполнял программу, разработанную только для одного этого эксперимента. За исходные посылки таких походов берётся порой информация из художественной литературы – например, книга А. Бомбара «За бортом по своей воле», а также отрывочные сведения из клиники лечебного голодания или восторженные описания в печати участников «голодных» походов.

Конечно, результаты этих походов интересны, познавательны и чрезвычайно ценны, но их совершенно недостаточно для окончательной оценки и для массового применения. Они показывают, что, оказавшись в критической ситуации в безлюдном месте без еды, человек может и должен спастись, причём у него достаточно внутренних резервов, чтобы в условиях полного голодания преодолеть сотни километров. Однако увлечение «голодными» походами, испытания себя таким оригинальным образом только ради желания узнать о собственных возможностях ничем не оправданы, а по мнению многих специалистов, и небезопасны. Все проведённые «голодные» походы подтверждают, что есть какой-то физиологический смысл в сочетании такого мощного угнетающего стресса, как голодание, с активным движением. Ну, что такое движение для жизни и развития как отдельного организма, так и целого сообщества, – много говорить не нужно. Но вот парадокс: с увеличением активности растёт и расход энергии и вроде бы нужен больший её приток, а уж никак не длительное воздержание от пищи, которая является для нас основным источником этой самой энергии. Теоретики и практики лечебного голодания говорят в этом случае о так называемом «эндогенном питании», когда организм начинает потреблять энергию из накопленных в теле веществ. Казалось бы, такой расход неприкосновенного

запаса должен сопровождаться очень экономным существованием организма с минимумом расхода полученной таким образом энергии. Однако опыт «голодных» походов позволяет делать выводы о повышении в это время психофизических возможностей человека. Значит, можно предположить, что здесь проявляются скрытые доселе ресурсы организма, просыпаются какие-то новые жизненные силы. Так что же, давайте теперь активно, в хвост и в гриву использовать их, когда захочется или предоставится удобный случай?

Конечно, эти жизненные силы, заложенные природой и используемые в лучшем случае наполовину, у нас наверняка есть. Зачем? А на крайний случай. Они приводятся в действие в момент смертельной опасности, когда реально встаёт вопрос «жизнь или смерть?». И запускаются не по желанию человека, а, видимо, сложным взаимодействием инстинктов, сознательных и бессознательных процессов в нашем мозге. То есть предназначены они для редко возникающих естественных критических ситуаций. Вспомним факты поднятия фантастических тяжестей, перепрыгивания высоченных препятствий, развития нечеловеческой скорости различными людьми при смертельной опасности. Как показывают походы на голодании, эти скрытые возможности можно вызвать к действию и в искусственно созданных ситуациях. И сделать это с привлечением эмоциональной сферы – психологическим внушением или самовнушением, которое тоже использует бессознательную сторону нашей психики.

Однако безвредно ли это внешнее, вероломное иногда вмешательство в потайные наших возможностей? Действительно ли безопасен отказ от пищи в сочетании с тяжёлыми нагрузками, как искренне верит большинство участников и организаторов описанных выше экспериментов и как преподносят их в восторженных публикациях в прессе? Не окажется ли воздержание от пищи в сочетании с длительным изнурительным путешествием этакой бомбой замедленного действия и не произойдут ли серьёзные изменения в организме голодающих походников не сразу, а через более длительный срок после «голодного» похода? Ведь наш организм является сложной, отлично сбалансированной системой со многими уровнями защиты, и довести его до крайности чрезвычайно трудно. Трудно, но возможно. И тогда уже столь же трудно будет привести его к норме. Сейчас вроде бы ничего страшного не происходит при «голодном» походе, даже порой дух захватывает от лёгкости этого свершения и перспектив, которые оно открывает, а потом... ударит. Да так ударит, что никакая медицина справиться уже не сможет. Или не сработает изношенная и заэксплуатированная система защиты в истинно роковой ситуации. На эти вопросы пока нет ответа.

Как-то я рассказывал обо всех ставших мне известными чудесах голодания одному из коллег по журналистской работе. Разговор происходил... в редакционной столовой.

– Ну, и что же ты? – с видимым интересом спросил он, одновременно быстренько заполняя свой поднос разнообразными блюдами.

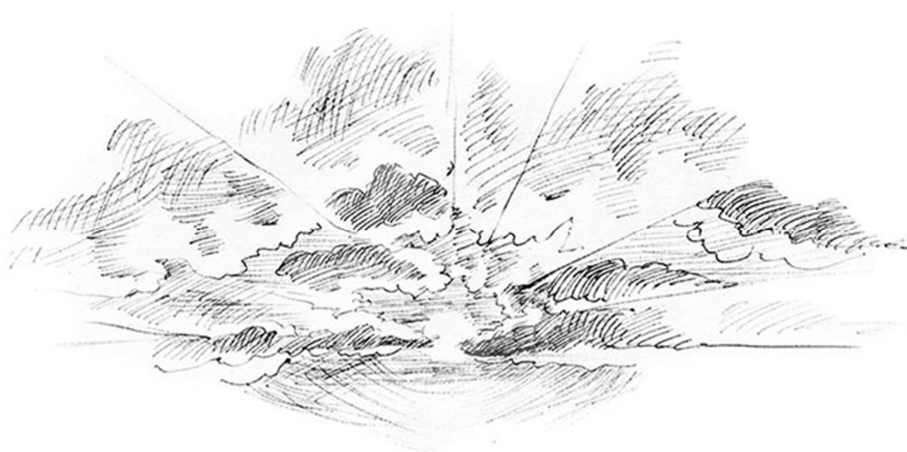
– Что, я?

– Голодал вместе с этими психами или только собираешься?..

Нет, я не голодал: ни в долгом походе, ни в клинике, ни самостоятельно. Разве только пару раз не принимал пищу в течение двух суток, когда болел простудой, но этот срок голоданием-то разве считать можно? Просто не вижу необходимости и интереса в длительном отказе от пищи, от которой получаю немало удовольствия. Мне вполне достаточно знать, что кто-то на себе доказал возможность долгого голодания в условиях похода, и если случится мне оказаться в такой критической ситуации, то я обязательно вспомню об этом опыте и не пропаду. Но и людей этих я сумасшедшими не считаю. Наоборот, преклоняюсь перед их мужеством, стойкостью и терпением. Перед желанием лучше познать себя, преодолеть новый барьер и, пусть в ущерб своему времени, а возможно даже, и здоровью, показать на личном примере другим, как можно выжить в безысходной с общепринятой точки зрения экстремальной ситуации. И в то же время я хочу призвать к предельной осторожности тех, кто, вдохновлённый доступностью и внешней лёгкостью подобных испытаний, решится на подобное. Ведь

понятно, не проконтролируешь и не приставишь врача ко всем тем, кто захочет испытать себя в «голодном» походе. И запретить их нельзя – нет у нас законов, запрещающих человеку измощать себя какими-то запредельными нагрузками. Но предостеречь можно. И лучше всего это сделать словами французского путешественника Алена Бомбара, в беспримерном подвиге которого многие черпают идеи и вдохновение для собственных экстремальных экспериментов:

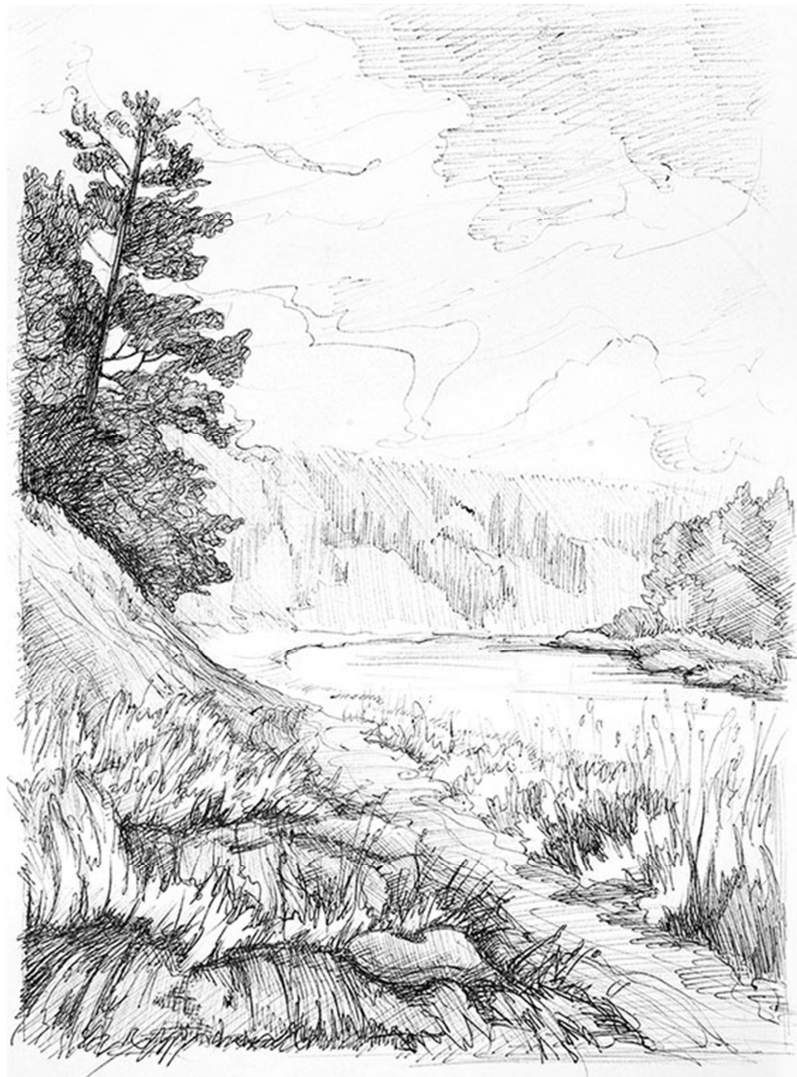
«...мой опыт подтверждает также, что никто не может и не должен рисковать жизнью иначе как для общественной пользы... заклинаю вас, подумайте получше или обратитесь ко мне за советом. Обманутые миражом, увлечённые заманчивой идеей, вы поймёте всю серьёзность борьбы за жизнь лишь тогда, когда будет уже слишком поздно...»

Глава 3. Мужество

Только дурак не бережёт свою жизнь. Истинное мужество заключается в том, чтобы быть верным себе и тому, что ты считаешь правильным...

Патриция Поттер «Ловец звёзд»

Удивительные вещи случаются порой в жизни. Вот в одной точке пространства и времени происходит нечто необычное, приковывающее внимание и требующее понимания. Ну уж такое уникальное и удивительное, что кажется, такого больше и быть не может, и вообще непонятно, как оно объявилось... Начинаешь его исследовать, и так и этак приглядываться, находить какие-то толкования тем или иным фактам, выстраивать логическую цепочку объяснения феномена. Ан, вдруг узнаёшь, что почти то же самое и практически в то же время происходит чуть ли не на другом конце земли. С фантастическим совпадением одних деталей и добавлением в стройное твоё разумение новых, требующих объяснения фактов. Что делать? Приходится мчаться туда, на другой конец света, чтобы изучать, добавлять и делать новые выводы. Такова жизнь исследователя!

Остаться человеком

Судьбе было угодно распорядиться так, что в июле 1984 года, в то же самое время, когда группа московских туристов на трёх байдарках, не имея с собой никаких продуктов и пытаясь лишний раз доказать себе и всему миру возможность долгого изнурительного похода без грамма пищи, штурмовала порожистую уральскую речку, за тысячи километров от Урала, на Камчатке, один на один с дикой природой оказался двенадцатилетний мальчик. У него тоже не было ни крошки хлеба, ни тёплых вещей. Случилось это не по его воле, и он, конечно, ничего не знал о различных методиках голодания.

Шестиклассник Саша Кормишин проводил лето в пионерском лагере маленького камчатского посёлка Ключи, в сотне километров от своего родного городка Усть-Камчатска. Как бывало не раз, он пошёл с товарищами после завтрака в лес за ягодами, да так увлёкся сбором сладкой голубицы, что незаметно оторвался от них и оказался один в лесу. Ни о чём поначалу не беспокоясь и продолжая срывать с кустов сочные ягоды, двинулся к дороге, но не нашёл её. Он решил, что идёт не в ту сторону, изменил

направление, но снова на дорогу не вышел. А лагерь между тем находился совсем рядом, там были товарищи, обед, отдых. Но ему уготовано было другое – невиданное и, казалось бы, непосильное для подростка тяжелейшее испытание: десятки километров блуждания наугад в лесу, с комарами и медведями, холодом и голодом, наедине с одиночеством.

Его хватились в тот же день. Серьёзные поиски в лесу, а затем по всей округе с вертолётки начали только через сутки, когда не подтвердилось предположение, что паренёк просто сбежал из лагеря домой в Усть-Камчатск. Но они ни к чему не привели, хотя на Саше и была надета куртка ярко-красного цвета. Несмотря на то что поиски продолжались, уже на шестой день мало кто верил в их успех – слишком уж много в местных лесах медведей, да и потом, как можно выжить без еды, когда прошло столько времени, – ведь совсем ребёнок ещё.

А Саша ничего не знал об этих предположениях, как не знал и о начавшихся поисках. Бессмысленно метаясь по лесу и по нескольку раз меняя направление движения, он вконец запутался, перепугался и в итоге всё дальше и дальше уходил от лагеря, от ягодных мест, от людей. На третий день он понял, что заблудился, а на пятый – что находится в глубине леса. К этому моменту чувство голода, поначалу жутко обостряющееся лишь время от времени, перешло в постоянное, тупое и сильно травмирующее состояние.

– Я не знал, откуда пришёл и куда идти, – описывал потом его сам Саша, – плохо помню подробности моих тогдашних мытарств. Но отлично помню, что ужасно хотелось есть.

Это непреходящее чувство голода инстинктивно заставляло его то тянуть в рот сердцевину осоки, то лизать плоды медуницы. Потом ему повезло – поймал в ручье и съел небольшого гольца. Но это и всё! Пытался и птицу схватить, и зверька какого-то – естественно, безуспешно. Часто попадались грибы, но их он не ел, поскольку плохо знал и боялся отравиться. Примерно через неделю у него начались обмороки. Судя по всему, голодные обмороки.

– Вдруг в голову как ударит, и, чувствую, упал, – вспоминал он те моменты, – не могу встать, и глаза сами закрываются. Полежу минут пять, снова встаю и опять удар в голову! Тогда уже со всей силы встаю, похожу немного – и тогда ничего, голова вроде отходит и снова можно идти...

В первую неделю ему повезло – стояла тёплая, действительно летняя погода, а потом похолодало (всё-таки Тихий океан под боком) и к умопомрачительному чувству голода добавилась ещё и эта неприятность. Хотя она вряд ли осознавалась как серьёзная проблема двенадцатилетним мальчишкой, по-настоящему борющимся за свою жизнь, когда сходишь с ума от голода, да ещё в любой момент можешь нарваться на медведя. Просто холод органично добавился в весь тот ужас окружающего мира, который его не отпускал. А ведь были ещё безжалостные комары – не просто надоедающие, но доставляющие боль и сосущие кровь. В последние дни этого кошмара, когда он уже не знал, что из происходящего является бредом короткого погружения в сон, а что – действительностью, он потерял кеды и продолжал идти босиком. Так и шёл, и шёл, пока на пятнадцатый день своей удивительной эпопеи не оказался на берегу реки и не увидел на воде лодку с людьми. Тогда Саша закричал, что было силы. Закричал как только мог, и крик получился слабый. Но его услышали.

В усть-камчатской больнице, куда доставили его в тот же день, общее состояние мальчика оценили как «средней тяжести». Отметили небольшое повышение температуры тела, переохлаждение и повреждение ступней, потерю 15 килограммов из 35, которые он весил до «похода». Был сильно напуган и испуган комарами. Находясь некоторое время в больнице, много плакал, вскакивал по ночам. Но главное, он был жив. Жив!

Позже от специалистов я услышал: *«Это поразительно, что он не прекращал движения! Хотя, по логике, ребёнок должен был бы остановиться, ожидая, что вот-вот придёт помощь, что его найдут. И если она не пришла бы в короткий срок – погиб бы, погиб непременно! А так его организм находился*

в состоянии постоянной борьбы за существование, все органы работали в обострённом режиме, потому что непонятная сила гнала его вперёд и вперёд».

Вот мы и пришли снова к этому удивительному феномену живого – спасительному и творящему истинные чудеса движению, к поразительному свойству живого существа не сдаваться и действовать, несмотря на, казалось бы, полную безысходность. И в итоге приводящему к спасению! Но что же это была за сила такая, которая гнала вперёд оказавшегося в губительной ситуации двенадцатилетнего подростка? Страх перед смертью? Или, может быть, постоянное чувство голода заставляло его двигаться, чтобы найти что-нибудь пригодное в пищу?

Через год после этой эпопеи, когда мне довелось попасть на Камчатку и разыскать Сашу, он был уже, в общем, в порядке. И только периодические боли в ногах да вздрагивания по ночам всё же напоминали ему о жутком событии годовой давности. На мои философские вопросы ответил он с детской непосредственностью и простотой:

– Хотел выжить – вот и шёл. А если бы на месте сидел – вдруг меня не нашли бы? Умер бы тогда.

Потрясающе! У него ведь, оказывается, и мысли не было остановиться – и это несмотря на то, что через неделю начались обмороки, при которых только бы и полежать, отдохнуть. Он просто откуда-то, из самой глубины своего естества знал: надо идти. Чтобы выйти к людям. Чтобы выжить. И, особенно не задумываясь об этом, надеялся только на себя, на свои силы. Действительно поражает, что он не остановился, не стал ждать спасения. А шёл, практически нигде не задерживаясь надолго и без дела. Двигался до последнего дня: бежал, шёл, потом полз, – пока наконец не вышел к людям, пока не спасся сам. Сам!

Откуда это «просто знал»? Ведь никто никогда не говорил мальчику, что надо всегда бороться до конца, а это является самым трудным в такой ситуации. И книг Джека Лондона о борьбе за жизнь и им подобных литературных произведений, а уж тем более знаменитой книги французского путешественника-экстремала Алена Бомбара о возможностях выживания в чрезвычайных условиях он ещё не читал. Но именно это он делал! Наверное, животный инстинкт проснулся, включились дремлющие в каждом человеке огромные ресурсы. Но я не уверен, что большинство его сверстников, особенно выросших в высоких и надёжных коробках городов, выдержали бы такое испытание, что у них нашлись бы, включились бы эти ресурсы в аналогичной ситуации. Реализация таких возможностей на грани жизни и смерти в большой мере зависит от предшествующего жизненного опыта человека, его воспитания, окружения. От того, что за личность сложилась к этому моменту.

Я познакомился с Сашей, когда ему было тринадцать лет. Он жил вдвоём с мамой, и немало забот в доме лежало на его детских плечах. Это был очень самостоятельный и общительный мальчик, деловитый и предприимчивый. Он ходил на рыбалку, приносил домой добычу и даже договаривался с рыбаками о сбыте рыбы, то есть привык жить активно. Возможно, поэтому, проведя в экстремальных условиях две недели, он не погиб.

Постойте, а как же потеря им веса, составившая в результате его «голодного» похода 43 процента от первоначального, ведь те же специалисты из области голодания утверждают, что утрата свыше 25 процентов чревата необратимыми для здоровья и жизни последствиями? А тут в итоге голодания и изнурительного путешествия потеряна чуть ли не половина, однако не только остался паренёк жив, но и никаких особо опасных последствий не проявилось! Это, конечно, удивляет и многих врачей, но я слышал следующее объяснение такого феномена: до половой зрелости у детей значительно большее количество тканевой жидкости в организме, нежели у взрослого человека, – вот большая потеря веса Саши произошла за её счёт, а не за счёт разрушения жизненно важных органов.

В беспримерной голодной одиссее Саши Кормишина особого внимания и восхищения заслуживает, конечно, не то, что он практически ничего не ел эти пятнадцать суток и остался-таки в живых. И не то,

что потерял чуть ли не половину веса и практически не пострадал от этого, что не помешался рассудком от страха и одиночества. Поражает другое. То, что он до конца не сдавался и боролся за жизнь всеми доступными ему способами. И победил, проявив потрясающую для своего возраста силу духа, которая одна только и может творить подобные чудеса.

Есть, однако, ещё один совершенно поразительный момент в удивительной эпопее камчатского школьника Саши Кормишина. Человеческий! Когда завёл я с ним разговор о голодающих забастовщиках в Северной Ирландии, дескать, слышал ли он что-нибудь об их беспримерных политических акциях, он ответил с детской непосредственностью:

– Нет, не знаю об этом ничего. Но я бы тоже смог голодную забастовку выдержать. Видел бы, как другие суп едят, а сам только воду попил бы... Люди тут. А там только медведи. От одного страха умереть можно.

– А что самое страшное было для тебя в лесу, что бы ты поставил на первое место? – спросил я тогда.

И здесь он меня снова поразил. Нет, не угнетающий постоянно голод назвал. И не грозящую встречу с медведем или вездесущих кровососов-комаров. И даже не возможную в той передрыге скорую смерть!

– Был бы друг рядом – тогда было бы легче, – вот о чём сказал Саша прежде всего.

Оказавшись наедине с дикой природой, в шаге от гибели и спасаясь от смерти с помощью пробудившегося у него в столь трудную минуту природного инстинкта самосохранения, этот пятиклассник остался человеком – существом, выросшим и сформировавшимся в человеческом обществе и в первую очередь страдающим от его отсутствия.

Человек человеком человек...

Встречаются люди, на долю которых выпадает столько передраг и бед, что окружающим начинает казаться, будто этот длинный шлейф несчастий ниспослан им свыше и настолько он непреодолим и широк, что невольно и неотвратимо задевает тех, кто находится рядом. Тогда человека такого начинают сторониться, чаще всего ничего не объясняя. Другим судьба единожды посылает редкое испытание, в котором проявляются их лучшие качества и из которого они выходят с честью и достоинством, проявляя порой настоящий героизм. Но есть люди – очень редкие люди, – судьба будто специально избирает их для героических поступков, раз за разом кидая в такие ситуации, о которых обычный человек не может и помыслить, а уж если попадёт в одну из таких, то непременно либо пропадёт, либо выглядеть будет очень бледно.

8 января 1974 года небольшая группа армянских спортсменов (вместе с ними в автобусе было более 30 человек) возвращалась с тренировочной базы в замечательном месте Цахкадзоре в Ереван. Уставшие от тяжёлой тренировки, но счастливые от ощущения своей молодости, силы, наслаждаясь ясным солнечным днём, они ехали горной дорогой на автобусе. Громко переговаривались, шутили, пели песни – в общем, отдыхали после напряжённого тренировочного дня. Неожиданно забарахлил мотор, и автобус остановился на подъёме. Водитель вылез из него, открыл капот и, обнаружив причину неполадки, пошёл вниз по склону горы к ручью за водой. В салоне не стихал весёлый шум. Под этот шум и непонятно почему автобус вдруг покатился назад, под гору. Поначалу незаметно, едва-едва двигаясь, а затем всё быстрее и быстрее. Из-за царящего в нём шума никто из пассажиров этого не заметил. До падения автобуса в пропасть оставалось метров десять.

Первым обратил внимание на происходящее сидевший ближе всех к водительской кабине пловец Шаварш Карапетян. Мгновенно оценив ситуацию и ни секунды не тратя на выкрики или комментарии, он локтем разбил стеклянную перегородку, отделяющую пассажирский салон от водителя, прыгнул в его кресло и сначала попытался остановить автобус с помощью педали тормоза, но он не работал. В следующее мгновение Шаварш принял единственно правильное в этой катастрофической ситуации решение – резко повернул автобус в сторону горы. В салоне воцарилась мёртвая тишина, взорвавшаяся только после того, как машина застыла, уткнувшись задним бампером в скалу. Жизни трёх десятков людей были спасены. Тут же появился и бледный водитель. Перебивая друг друга, все начали оживлённо обсуждать происшедшее, постепенно понимая, какой беды только что избежали. И тогда бросились к Шаваршу, удивляясь его быстрой реакции и правильным действиям.

– Просто я был ближе всех... – сказал герой, как будто только что всего-навсего утолил жажду, и без дальнейших объяснений занял своё место в автобусе.

Тем не менее происшествие это вышло за пределы попавшей в него маленькой спортивной компании. О случившемся написали в газете «Физкультурник Армении». Но скоро и забыли. Мог ли кто тогда предположить, что это событие станет лишь репетицией перед настоящим, фантастическим подвигом этого человека?! Подвигом за гранью человеческих возможностей, совершённым Шаваршем Карапетяном почти три года спустя.

16 сентября 1976 года шедший в Ереван троллейбус с людьми пробил высокое ограждение плотины Ереванского водохранилища и с большой высоты рухнул в воду. Он тут же затонул на глубину около десяти метров – ни один человек из 92, находящихся в переполненном салоне, не успел выбраться наружу. Очевидцы происшедшего успели только рты раскрыть. И надо же такому произойти, что в этот самый момент Шаварш Карапетян вместе со своим младшим братом Камо заканчивал ежедневную многокилометровую пробежку и именно в этот момент оказался на плотине! И как после этого совпадения не поверить в чудеса и предначертанность судьбы?! Ведь Шаварш был не просто спортсменом, а спортсменом высочайшего класса по подводному плаванию. Многократным чемпионом СССР и Европы, многократным рекордсменом мира и континента в этом сложном виде спорта. То есть он был самым лучшим, самым быстрым подводным пловцом на планете.

Будто сама судьба последовательно осуществляла намеченный ею план жизни и подвигов этого человека. Проверяла его на прочность, словно специально поместив в эту пространственную и временную точку. Дескать, давай, герой, действуй – посмотрим, что же ты сможешь на этот раз? А они ни о чём таком астральном или судьбоносном и не думал. Он просто выполнял свою обычную спортивную работу, готовясь к очередным соревнованиям. И, выполняя её, как всегда, хорошо, с необходимой физической отдачей, заканчивал изнурительную 20-километровую пробежку, когда прямо на его глазах произошло страшное несчастье. И он опять оказался ближе всех. Если о том происшествии в автобусе ещё можно было сказать, что, разбивая стекло водителя и направляя автобус в сторону от пропасти, Шаварш спасал и свою жизнь (потому, мол, и бросился к рулю, отчасти подчиняясь инстинкту самосохранения), то здесь обстановка была принципиально иная. В конце концов, любой на его месте мог бы, не рискуя собственным здоровьем и жизнью, пробежать дальше – и никто никогда не обвинил бы его в этом, элементарно не найдя покинувшего место трагедии свидетеля. Но Шаварш Карапетян не был «любим». Он был Человеком именно с большой буквы. И в спорте, и в экстремальных ситуациях, когда повинуются не животным инстинктам, а высшим человеческим ценностям, не думают ни о здоровье, ни о жизни, поступают по зову сердца и души.

Потом его спросят, что чувствовал, что думал он в эти страшные секунды, когда на его глазах десятки людей фактически отправились на тот свет и он вступил в борьбу с водной стихией за их жизни?

– Сначала было страшно, – скажет он много лет спустя, – когда на моих глазах переполненный людьми троллейбус с похорожим на взрыв грохотом, сорвавшись с дамбы, ушёл под воду. Страшно ещё и потому, что, как не раз уже тонувший человек, я знал, что такое утопление, – какие это будут мучения для оказавшихся в троллейбусе на дне людей. Именно это воздействовало больше всего на меня в моих мыслях и в моих последующих действиях тогда. Но я знал, что делаю. Знал, что я – опытнейший и лучший в мире подводник и, значит, смогу что-то для них сделать. А ещё я знал, что у оказавшегося в водном плену человека есть жёстко определённое время для жизни, и понимал поэтому, что всех точно не спасу...

Но все эти мысли, требующие при их изложении немалого времени, если и возникли в голове Шаварша, то пронеслись с невероятной скоростью. Он действовал словно по сигналу стартера на соревнованиях самого высокого уровня. Ещё во власти сильного утомления и тепла, принесённых в тело длительным бегом, он кинулся в холодную воду, бросив на ходу последовавшему за ним младшему брату (тоже, кстати, спортсмену, подводному пловцу мирового уровня) короткое и ясное «Я достаю – ты подбираешь!». И, сразу захватив побольше воздуха, нырнул на глубину в том месте, где только что исчез троллейбус с людьми. Он быстро нашёл его, несмотря на чрезвычайно мутную воду от поднявшегося со дна ила, разбил заднее стекло и, схватив первого попавшегося человека, рванулся с ним наверх. Там его ждал брат, принявший первого спасённого человека, а к месту падения троллейбуса уже спешили лодки с людьми. Шаварш снова ушёл на дно и через полторы минуты поднял ещё двоих. А потом ещё. И ещё, и ещё, передавая поднятых с того света людей в другие руки. Поначалу он не чувствовал ни холода, ни усталости – только бешеное желание скорее и скорее нырять и вытаскивать со дна людей. Но на десятом человеке его вдруг ослепила, оглушила будто бы взорвавшаяся в голове и перед глазами вспышка разноцветных огней.

«Теряю сознание, – автоматически сработал натренированный мозг спортсмена, чётко и правильно объясняя происходящее с телом, – долгие погружения в холодной воде после разогрева на двадцати километрах кросса... Сильно переохладился... Плюс физические нагрузки... Плохо дело...»

Но всё это – без остановки, во время очередного ныряния. Мозг разумно реагировал на сложившуюся ситуацию, анализировал её и выдавал правильные заключения. В обычных условиях тело должно было следовать за ними и прекратить это такое издевательство над собой. Однако там, на глубине десяти метров находились погибающие люди, которых ещё можно было спасти. Поэтому Шаварш стиснул зубы, заставил мозг замолчать о тревожном состоянии и, прижав к себе очередного человека, снова

заработал ногами. И – о, чудо! – огненный шар перед глазами стал уменьшаться, переместился в затылок.

– Пронесло, – мелькнула успокаивающая мысль, когда он передавал очередного поднятого человека в лодку.

Кто-то из гребцов в лодке, с благоговейным удивлением и почти ужасом наблюдая, как ныряльщик чуть ли не из преисподней достаёт одного за другим утонувших людей, бросился к нему с отчаянными вопросами: «Объясни, как искать троллейбус? Я уже два раза нырял – не могу найти! Другие ныряли – то же самое. Как тебе удаётся?!»

Но Шаварш без всяких слов снова нырнул, поскольку, чтобы его поняли, надо было действительно объяснять – объяснять, что им и не удастся это сделать, и объяснять, почему это удаётся ему, а на это ушли бы драгоценные секунды. И потом, вряд ли кто-то из этих людей, пусть и впрямь готовых ради спасения пострадавших рисковать своей жизнью, смог бы без специальной подводной подготовки нырнуть на такую глубину. И он снова нырял и снова поднимал людей.

В какой-то момент этого сумасшедшего действия появились местные спасатели, и Шаварш потребовал от них два акваланга – один для себя, другой для людей на дне. Их тут же подвезли к месту трагедии, но в них не оказалось ни загубников, ни... сжатого воздуха. Позже он с горечью скажет: «Были бы акваланги – больше бы людей удалось спасти!» А в одно из погружений, которым он потерял счёт, когда сознание и тело работали уже далеко не на втором и даже не на третьем дыхании, случилась ошибка – двойная ошибка! Сначала он ушёл на дно, забыв сделать на поверхности необходимую для такого погружения гипервентиляцию лёгких из пяти глубоких вдохов. И там, почти теряя от недостатка воздуха сознание, схватил на ощупь очередное тело, быстро поднялся с ним на поверхность, глянул на свою ношу и обомлел – это было... троллейбусное сиденье.

– Донырялся! – в отчаянии подумал Шаварш.

В отчаянии не от того, что уже почти дошёл до физического предела и близок к обмороку, а что напрасно потерял драгоценное время, за которое мог бы поднять ещё кого-то. И снова бросился на дно. Так он поднял более двадцати человек, но только двадцать из них удалось затем вернуть к жизни. А потом, когда к краю плотины подогнали подъёмные краны, цеплял ещё к затонувшему троллейбусу их тросы. И всё это делал уже в переохлаждённом и переутомлённом, полуобморочном состоянии. С порезами на теле от разбитого стекла, из которых текла кровь. И позволил себе остановиться, расслабиться, свалиться с ног, только когда троллейбус подняли из воды.

Затем были 45 суток расплаты за то, что посмел шагнуть за грань человеческих возможностей и практически в одиночку спасти такое количество обречённых людей. Сначала тяжёлое двустороннее воспаление лёгких с высоченной температурой и бредом, позже заражение крови – ведь в Ереванское водохранилище сливались городские нечистоты. А дальше был очередной спортивный и новый сверхчеловеческий подвиг Карапетяна. Через два с половиной месяца он вернулся в бассейн и приступил к тренировкам под водой. И почти тут же установил очередной рекорд СССР. Вслед за этим – рекорд мира, одиннадцатый по счёту! Его включили в сборную команду страны на международные соревнования в Рим.

В это трудно поверить – не в рекорды, нет, а в то, что он никому не рассказывал, почему так долго отсутствовал! Коллеги по спорту и тренеры, ничего не знавшие о случившемся, думали, что он просто решил завязать с большим спортом. А многие из возвращённых им к жизни людей не знали о своём спасителе – ведь их, поднятых Шаваршем со дна, без сознания увозили в больницу. Но он не озадачивался и не расстраивался этим сильно, просто продолжал делать своё дело: тренироваться, устанавливать рекорды, учиться. В Рим, кстати, не поехал, поскольку нужно было сдавать дипломную работу, – получал второе высшее образование.

Примерно через полтора года, после того, как стало-таки известно о его удивительном подвиге, Спорткомитет СССР наградил героя орденом «Знак Почёта» и присвоил звание заслуженного мастера спорта СССР. Ему выписали премию в 40 рублей. А в январе 1984 года Международный комитет по присуждению приза «Fair Play» ЮНЕСКО отметил его благородный подвиг специальной почётной грамотой. А ещё его именем назвали одну из малых планет Солнечной системы. Хотя, безусловно, подвиг человека, спасшего в таких обстоятельствах двадцать человек, достоин был и Звезды Героя Советского Союза. Но все многочисленные обращения в высокие инстанции (вплоть до тогдашнего руководителя страны, Генерального секретаря ЦК КПСС Леонида Брежнева) были безрезультатны. Видимо, сильно опасались слуги народа, что вручение Звезды настоящему герою сильно уменьшит значимость многочисленных звёзд, незаслуженно развешанных на их партийных грудях...

Сам Шаварш Карапетян не любит, когда его действия по спасению людей называют героическими, всячески уходит в разговорах от высоких эпитетов, считает, что просто поступал в этих ситуациях по законам человеческого долга, и не забывает рассказать о роли в этой спасательной операции на Ереванском водохранилище других участников.

– В Америке в таких ситуациях обычно действуют довольно долго, – отметил он на встрече в апреле 2012 года с учащимися Свято-Димитриевской школы, – а здесь в течение сорока пяти минут троллейбус уже вытащили из воды. Мой тренер действовал на берегу, который 16 лет спасателем проработал. Мой брат Камо, мастер спорта международного класса, мне активно помогал. Медики уже на берегу включались в спасение поднятых со дна людей, и рядом с местом трагедии была больница, куда их тут же отправляли. Десять кранов очень быстро к месту трагедии подогнали, но из них только два были задействованы, чтобы не мешать друг другу. Такая вот слаженная была работа всех, кто там оказался...

После подвига Шаварша по спасению людей из затонувшего троллейбуса всё вроде бы должно было стать ясно и людям, и судьбе, и, казалось бы, незачем ей больше испытывать человека на прочность. Но не тут-то было. Девять лет спустя, в один из февральских дней 1985 года в столице Армении загорелось недавно построенное ультрасовременное здание спортивно-концертного комплекса – предмет большой гордости всех ереванцев. Пожар начался рано утром, но первые клубы дыма стали заметны с улицы только часов в девять. Именно в это время к своей работе, расположенной прямо напротив загоревшегося здания, подъезжал Шаварш Карапетян. Завидев клубы дыма и борющихся с огнём людей, этот человек, вновь в нужный момент оказавшийся в нужном месте, не задумываясь, бросился в горящее здание, выхватил брандспойт из чьих-то слабеющих рук и начал тушить пожар. Тот, от которого он принял эту эстафету, был уже без сознания от дыма. Его оттащили в сторону. Вскоре начал терять сознание и Шаварш. Но рядом уже появились другие люди, слышались команды пожарных. А он всё держал и держал в своих могучих руках, спасших уже столько жизней, непослушный шланг с тугой струёй воды, заливая огонь. Последнее, что запомнил, – яркое пламя, взрыв перед горячей чёрной стеной, немного напугавший похожую вспышку в голове, но совсем в противоположной стихии, в воде Ереванского водохранилища. А когда после нескольких часов бессознательного состояния пришёл в себя в реанимационном отделении больницы скорой помощи, то первое, о чём обеспокоился, были не ожоги на его собственном теле. «Люди не пострадали?» – спросил он.

После того сверхэкстремального ныряния за гибнущими людьми в ушедшем на дно троллейбусе врачи вообще не были уверены, выкарабкается ли он. А он сначала начал ходить, потом бегать и, наконец, снова плавать, приступив к тренировкам в бассейне. Однако теперь вода, в которой он чувствовал себя как в родной стихии настолько, что получил от коллег прозвище «Золотая рыбка», вызывала аллергическую реакцию и отвращение. При плавании с аквалангом с каждым выдохом из подорванных лёгких выделялась мокрота. Но он превозмог и это. Запас прочности супертренированного организма выдающегося спортсмена был настолько велик, что, борясь на сей раз не только с соперниками, но и с водой и с отвергающим эту воду своим телом, уже в следующем 1977 году стал чемпионом СССР, чемпионом Европы и установил новый мировой рекорд на дистанции 400 метров! На этот раз последний свой спортивный рекорд.

Он понял бесперспективность и даже опасность дальнейших активных занятий и ушёл из спорта в 27 лет. Попробовал себя в роли тренера – не пошло. Оказался ненужным чиновникам от спорта, которому столько отдал. Окончил институт народного хозяйства, устроился инженером на завод. Начал курить – всё равно ведь лёгкие теперь не нужны... Уезжал в Америку – пытался там наладить новую жизнь, но в итоге вернулся в СССР. А затем уже в России осел с семьёй (жена и трое детей) в Москве, где наконец нашёл себя в послеспортивной жизни, организовав в столице сеть мастерских по изготовлению и ремонту обуви для нестандартных ног под весьма символическим названием «Второе дыхание». Успешно помогает в этом людям и по сей день.

Такой вот он, удивительный и очень скромный человек Шаварш Владимирович Карапетян, живущий по законам особых моральных ценностей и с собственными представлениями о долге и человеческих возможностях. Человек, заставивший отступить не только обстоятельства, но, кажется, и саму судьбу. Когда на упомянутой уже встрече с молодёжью его спросили о мотивах того поступка и чувстве долга в связи с его беспримерным подвигом, то он ответил простой и на первый взгляд не очень понятной фразой:

– Человек человеком человек...

А потом немного подумал над своими словами и продолжил – расшифровал их для тех, кому они показались непонятными:

– Именно это главное в понятии долга. Я один на этом свете ничего не стою, а когда нас, людей, много, то тогда и я имею цену.

Эти слова великого человека, победителя обстоятельств и судьбы Шаварша Карапетяна, спасшего ценой своего здоровья и спортивной карьеры столько людей в водах Армянского водохранилища, вдруг напомнили мне слова другого моего героя. Маленького мальчика с Камчатки, сказавшего о значении человека для человека в не менее экстремальной для него ситуации борьбы за жизнь, из которой он тоже вышел победителем. Действительно, человеку нужен человек!

Глава 4. Стремление

*Мне, с рвущейся, как с привязи, душой,
За облаками, птицами и ветром,
Дана горизонтальность мостовой
И безнаклонность скользкого паркета.*

*В то время, как душа наклонена
Наклоном крыши, холмов и старых башен,
Довольствоваться должен я судьбой
В толпе подошвами шушукующих граждан.*

*И потому я падаю вперёд
И о булыжник больно расшибаюсь,
Что, веруя, что я взлечу вот-вот,
Я вновь в порыве ветра ошибаюсь.*

*Порыв души однажды совпадёт
С порывом ветра, замысел удвоит,
И, выхваченный неба крутизной,
Я вознесусь внезапно над землёю.*

*Но чтобы этот миг не объяснять
Ни чудом, ни божественным знаменьем,
Ты пробуй, даже падая, летать —
И после не жалеть свои колени.*

Виктор Луферов

Сколько себя помню, вечно не давал мне покоя один сон. Будто я летаю. То низко над землёй, с трудом преодолевая власть земного тяготения, то легко поднимаясь в совершенно беспредельные, заоблачные выси и паря там наподобие беззаботного ворона, не прилагая для этого абсолютно никаких усилий. Иногда это были мучительные отрывы от земли вроде тягучего бега, как это происходило бы на Луне, с притяжением в шесть раз меньше нашего. Иногда – восхитительные нырки с какой-нибудь высокой точки с неизменно следующими за ними плавными взлётами. А случалось, уход от земли требовал невероятных усилий, когда приходилось работать руками и ногами для взлёта, и только при достижении какой-то высоты передвижение в воздухе обретало лёгкость птицы. Но всякий раз это был полёт – восхитительный разрыв надоевшего притяжения земли и свободное скольжение над ней.

Бывало, я просыпался с широкой улыбкой на лице или... весь в слезах от этого восхитительного, ни с чем не сравнимого ощущения. И, желая длить его и длить, снова закрывал глаза, боясь пошевелиться, – звал сон назад. Однако он приходил по какому-то не мне ведомому расписанию.

В детстве мне говорили, что это я расту. Но для меня важно было не объяснение происходящего со мной во снах и уж тем более не достижение какой-то длины моего тела, а испытание фантастического чувства наяву. До какого-то возраста я свято верил, что вот настанет некий момент моей жизни – и я полечу. Сначала я определял этот срок в шестнадцать лет, потом – в восемнадцать, в двадцать. Как в чудесной сказке. Потом понял, что сроки здесь совершенно ни при чём, и всерьёз загрустил от того, что сон не сбудется. Я с завистью наблюдал за птицами, сожалел, что не могу рвануться вслед за ними, и всерьёз думал, сколько я готов отдать за умение летать. Останавливался на половине жизни...

Смешной мальчик! Но тем не менее люди не забывают эту хранящуюся, наверное, в наших генах с незапамятных времён память о том, что когда-то они летали. И поднимаются в небо! Поднимаются всем преградам и запретам назло. И платят порой за это счастье самую высокую цену.

Летающие мужики

В ясное и морозное утро, когда весь посёлок спал беззаботным сном, один из его жителей – Владимир Афанасьевич Трапезников подошёл к своему сараю и, немного повозившись с двумя замками, открыл двери. Затем осторожно оглянулся по сторонам и исчез в его полумраке. Через несколько минут из сарая показался... самолёт. Тяжело пыхтя и время от времени улыбаясь чему-то своему, внутреннему, Трапезников оттащил своё детище подальше от посёлка, за пруд, и после короткой технической подготовки начал заводить мотор...

Владимир Афанасьевич не был профессиональным авиатором, тем более конструктором летающих машин. Был он колхозником из затерянного в глухих вятских лесах посёлка Залазна. Самым обыкновенным колхозником. Но с одной маленькой оговоркой: он очень хотел летать. И не просто хотел – он жить без этого не мог. И потому сам, без чьей-либо помощи, посредством лишь примитивных инструментов – топора и гаечного ключа, пилы да молотка – соорудил себе самолёт. По собственному же представлению о том, что такое есть летательный аппарат.

...Мотор ожил, разбудив оглушительным стрекотом окрестную тишину. Радостный пилот занял место в примитивной кабине своего аппарата. Машина задрожала, забилась, будто в горячем ознобе, и, виляя и подпрыгивая на неровностях заснеженного поля, рванулась вперёд.

Конечно, Владимира Афанасьевича мучил страх. Однако желание оторваться от земли было куда сильнее. Оно перебарывало шемящее опасение упасть на землю. Видимо, именно поэтому неуклюжее, грубо сколоченное сооружение, вопреки всем законам и понятиям аэродинамики, вдруг резко рванулось вверх. Произошло это, очевидно, по совсем иным законам. По тем, которые на земле пока ещё не открыты. Законам духовным.

Полёт продолжался всего несколько секунд. Физические основы земного бытия всё-таки взяли верх. Воспаривший было аппарат внезапно резко сиганул вниз и уткнулся в поверхность пруда. Авиатора спасло некоторое количество снега поверх льда и не прямой угол падения. Но самолёт кончился. Несмотря на падение, наградившее испытателя синяками и ушибами, он пришёл в состояние неопишуемого восторга. Как мальчик, прыгал вокруг разрушенной машины, что-то выкрикивал и бросал ушанку в негостеприимно обошедшее с ним небо. Ещё бы, ведь то был первый удачный полёт в его жизни. Пусть короткий, пусть с падением, но всё же они были, были – эти несколько секунд скольжения по такой недоступной ранее воздушной струе! Земное притяжение удалось преодолеть на двенадцатый год сооружения самолётов. И в тот же день Трапезников приступил к новому строительству. Учтя недостатки погибшей конструкции и уроки первого полёта.

– Кончай энти дела, Афанасич, – внушали ему мужики вокруг, – добром энти дела не кончатся...

Если кто-то думает, что они имели в виду возможную гибель отчаянного, по их мнению, человека, то он глубоко заблуждается. Забитые, живущие в таёжной глухомани малообразованные мужики были в чём-то под стать критикуемому ими Афанасичу, хотя сами в небо не стремились и самолётов не строили. Опасались они не на шутку санкций сверху за этакую вольность – летать. Да как такое может позволить начальство, чтобы мужик сам строил себе самолёт да разлётывал на нём, подобно вольной птице?! Никак не позволит! В их мозговой и генетической памяти глубокий след оставили события тридцатых годов, крепко задеввшие местное население. Недалеко от Залазны раскинулись страшные Кайские леса – туда в период коммунистических репрессий были сосланы многие тысячи вятских кулаков и староверов. То есть людей, которые осмелились жить по своим законам и правилам. Многие из них в этих лесах и сгнули бесследно. Видевшее это старое поколение хорошо усвоило, к чему приводит непослушание.

Но разве могут какие-то неприятности остановить мужика, вкусившего счастья свободного полёта над землёй?! У Афанасича в ангаре рос новый самолёт. И хотя жрал он кучу денег и всё свободное время, жена вятского Икара Людмила Викторовна реагировала на это очень разумно. Она почти не видела мужа дома, но относилась к его странному увлечению с уважением и пониманием. Как могла его поддерживала, пособляла сообразно своим возможностям. Но главное – просто понимала его.

– Последние годы уж такие тяжёлые были, – рассуждала она. – Мужики вокруг чуть ли не поголовно спиваться начали. Стали гибнуть по пьяни, словно мухи на липучке. Уж лучше пусть мой самолёты строит и на небесное дело деньги тратит. Лягать тоже опасно, конечно. Но всё лучше, чем от водки проклятушей гибнуть...

Однако же не все поголовно спивались. В небольшом райцентре Омутнинске, что в двух десятках вёрст от Залазны, несколько мужиков тоже строили самолёты! В условиях глубочайшего подполья, как сопротивление во времена фашистского нашествия, – власть-то районная совсем рядом – и потому, порой совсем не зная друг о друге. Все поголовно – абсолютно неграмотные в авиастроении. Но каждый вслепую искал путь в небо. Свой путь в небо. Не имея ни специальной литературы, ни нужных для этого дела инструментов, ни материалов. Только неистребимое желание летать и святая вера в то, что так оно и будет.

Сталевар Владимир Сергеевич Саулов свою квартиру на четвёртом этаже преобразовал в настоящий авиазаводик. Готовый, собранный в жилище самолёт он сначала разбирал на отдельные части и через балкон спускал вниз на верёвке. А потом собирал на месте испытаний. Шофёр Александр Викторович

Шилиев ради главного дела своей жизни из городской благоустроенной квартиры вообще перебрался в старый дом, купленный в глухой деревне и превращённый в ангар. И таких беззаветных энтузиастов в одном только Омутнинском можно было насчитать десятка полтора. Думали, строили. Будили тишину своими несовершенными движками, резали небо самодельными винтами. Падали, но снова взлетали. Случались, конечно, и трагедии.

Как-то над Залазной (к тому времени и Трапезников, и омутнинские воздухоплаватели уже познакомились друг с другом) испытывали новую модель самолёта. Пилотировал Николай Вассанов. Он удачно взлетел. Набрал высоту, сделал несколько больших кругов. Всё шло прекрасно. Внизу ликовали без меры. Израненный, но счастливый Саулов, отбросив в сторону ставшие уже родными костыли, прыгал от радости на одной ноге, как обычно размахивая над головой рукой с поднятым большим пальцем, – жест высшей оценки происходящего и выражающий самые светлые эмоции. А когда пилот пошёл на посадку, самолёт вдруг резко завалился набок, вошёл в короткое пикирование и камнем рухнул на землю. В этой ситуации ему нужен был один мощный рывок двигателя, резкое увеличение винтовой тяги для выхода из неожиданного пикирования. Но хиленький мотоциклетный мотор на такое не был способен. И только что парящая в небе, послушная воле человека двукрылая машина рухнула безжизненной массой вниз. Бесшабашный и всегда весёлый Колуха Вассанов, несколькими минутами ранее уверенно садящийся в самолёт, лежал теперь перед своими друзьями-соратниками в нелепой позе, переломанный и окровавленный. Мучительно умирал, а они толпой рыдали над ним, не в силах хоть чем-то помочь, что-то изменить в жёсткой логике бытия и стремлении нарушить испокон веков заложенный ход жизни двуногого нелетающего существа.

– Эх, – сокрушался потом Трапезников, – ему бы движок хороший. И вышел бы, вышел бы, ей-богу... Ну почему в отечестве нашем не выпускают моторов для самодельных мини-самолётов?! Продай мне хороший мотор, материалы для конструкции да дай почитать что-нибудь – да я самый лучший, самый сильный, самый безопасный в мире самолёт построю!

Сам он бился раз шесть. Пока не смертельно.

– Да нет, ничего страшного, – с явным пренебрежением к собственной персоне вспоминал он эти случаи. – Ну, отлежишься маленько, кости срастутся. Машину соберёшь заново, и – вперёд!

Самодельные омутнинские авиастроители доверились одному из журналистов, Николаю Варсегову из «Комсомольской правды», от которого я узнал эту историю, и он был допущен на их секретную авиабазу. Увидел там журналист деревянные полуразвалившиеся постройки, принадлежавшие некогда какой-то организации, а сейчас – опять же подпольно – занятые ими и превращённые в маленький самолётный заводик. В немыслимо холодном, неосвещённом помещении стояло несколько весьма непохожих один на другой самолётов.

– Обратите внимание, – гордо говорил один из умельцев, ласково проводя рукой по фюзеляжу почти готовой машины, – мотор свой, а всё остальное – краденое. Да-а! Куда деться – по-честному ничего не достать. Приезжаешь, например, на фанерную фабрику, идёшь к большому начальнику, мол, дядя, выпиши метра три фанеры, любые деньги по счёту заплатим! А он в ответ: «Что ты, что ты! У меня каждый квадратный сантиметр на учёте (у самого же вся дача этой фанерой обшита). Ни-и, ребята, и думать не можете». Ну, идёшь тогда в гастроном за бутылкой, потом – к барыгам на пилораму... и вывози хоть машиной фанеру эту. Так-то.

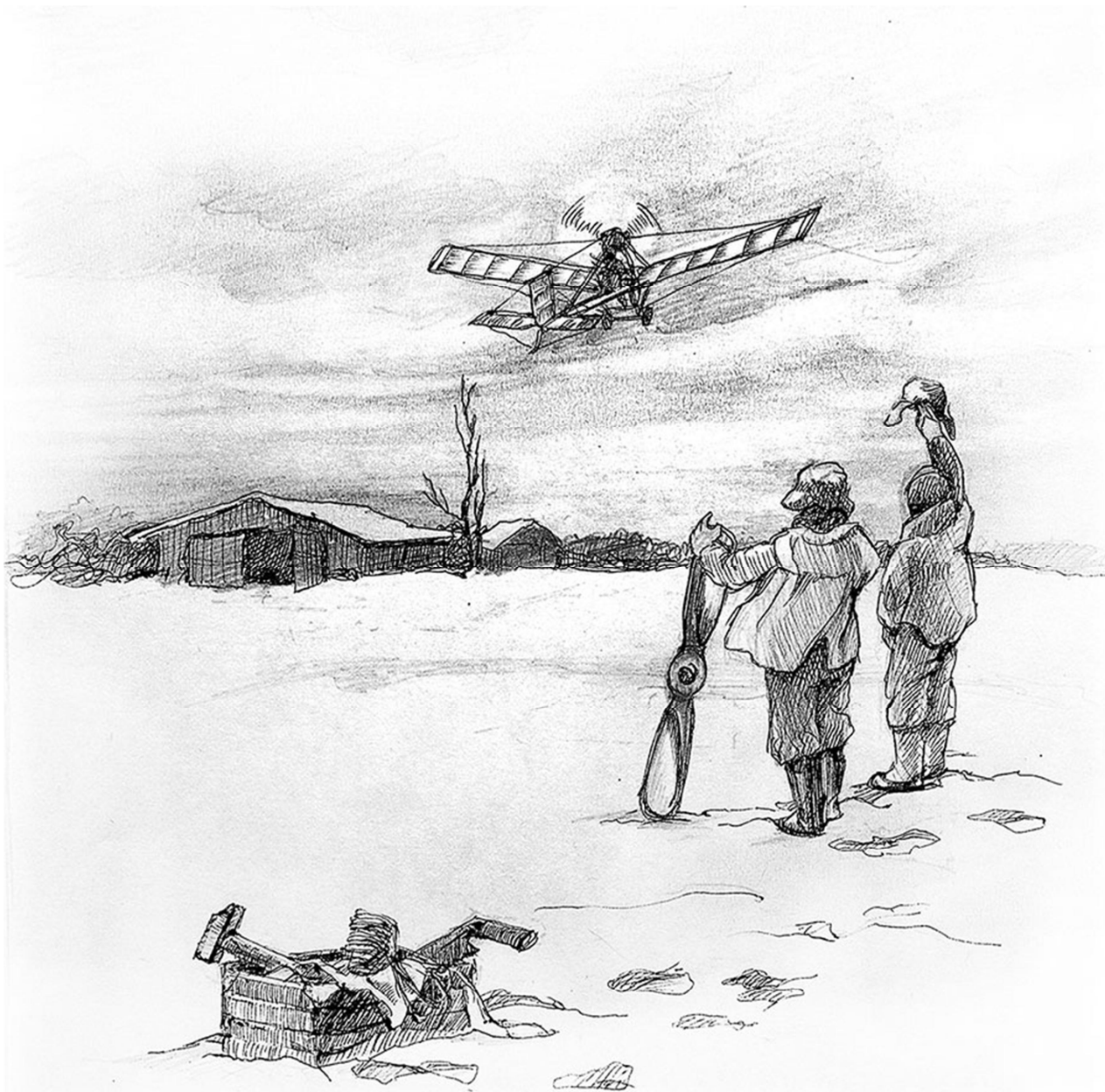
– Я тут тоже недавно кусочек нержавейки в своей шараге стырил, – подхватил другой. – Ой, что тут началось! Штраф, общественное порицание. Срочный выпуск «молнии», дескать, несун на производстве. Охраннику – чуть ли не орден на впалую грудь... А где, говорю, взять-то, если мне для дела надо? Иди, говорят, на свалку – там этакое добра тонны пропадают.

– Когда Колюха-то разбился, ну, думали, всё! Непременно заарестуют, – вспомнил Саулов. – Такое завертелось! Начали таскать всех, а у меня, как назло, нога сломана была. Весь в гипсе – я перед этим тоже здорово разбился. Долго потом скрывались, прятались – кто где мог...

И после некоторой паузы, закончил он со вздохом:

– А ведь лятать-то надо...

Боже мой, в конце второго тысячелетия от Рождества Христова, когда мир раскрыл уже тайны атома, как у себя дома освоился в небе, вышел в ближний космос, высадился на Луну... Тут, в глуши России малограмотные мужики с нуля, без какой-либо технической и теоретической помощи упорно торят свой путь в небо! Золотые мои мужики, ненаглядные! Как я счастлив, что вы есть, соотечественники мои! И не для славы, не для денег, презирая боль и смерть, осуждения и суровые санкции, не расстаётесь с сердечной мечтой земного существа – заветной мечтой о полёте. И летаете! Отдавая порой за это счастье саму жизнь. Ибо пока жив в человеке такой огонь, пока есть на Земле такие люди, человечество не погибнет и будет двигаться вперёд, к совершенству. Низкий вам поклон за это.

Но откуда, откуда в ползающем по самой поверхности планеты существе, человеке, этакая тяга ввысь? Не от просторов ли российских, сопоставимых по необъятности с самим небом? Не от того ли, что русские села да деревни расположены, как правило, не в низинах – у родника, речки, – а на самом высоком холме местности? Или, наоборот, сами поселения на Руси взлетают повыше от устремления к небесной синеве людей, которые их строят?

Кто его знает!

Может, завесу этой тайны приоткроет рассказ самого летающего мужика Трапезникова.

– Родное моё село Нагорное стояло на высоком берегу реки Вятки. Дом у отца был большой, рубленый, и окна выходили на реку. Да-а. И было мне тогда лет шесть, залез я как-то на подоконник, глянул вниз, вдаль... Господи! Красота-то какая! Внизу вода под солнцем играет, а на том берегу сено косят, и так это далеко-далеко всё видно, аж дух захватывает... Слышу: ищут меня по всей избе, кличут, а из-за шторы-то им меня не видно. А я не могу ни оторваться, ни отозваться... Вот мне вчера полвека стукнуло, а до сих пор красота эта перед глазами стоит. Знать, и деды красоту понимали, оттого и места для жительства вон какие выбирали. Но с бугра смотреть – одно дело, а как в небо подынешься да поплывёшь над всем этим... вот это картина! Это уж не расскажешь, не объяснишь...

Однако есть у этой тайны другое объяснение, идущее от социальных корней того общества, где выросли эти мужики, где жили их деды и прадеды. Не столь романтическое, но зато очень понятное.

Смею предположить, что причины неиссякаемой тяги в небо искать надо не только во взбежавших на вершины холмов российских поселениях. Но в большей степени – в веками насаждаемом на Руси подавлении человека государством, низведении личности в лучшем случае до винтика в огромной производящей блага для правителей машине, но чаще – до положения раба. Будь то княжеское правление или монголо-татарское иго, царское крепостничество или тоталитарный советский режим. Вот в российском человеке и родилась, скорее всего, неосознанная – как форма компенсации за многовековое порабощение – потребность выразить себя в чём-то совершенно особенном. А что может быть лучше, чем свободные полёты? И потянулись люди, как птицы, в небо.

После той ужасной смерти Коллохи Вассанова до Трапезникова в его глухом углу Залазна добрались не скоро. Но добрались всё же. Пришла-таки повестка явиться в областную прокуратуру. Владимир Афанасьевич сразу понял для чего. И подготовился соответственно. Спрятал надёжно свою последнюю машину и прихватил с собой несколько фотографий, на которых были засвидетельствованы обломки предыдущих разбитых летательных аппаратов. Там, в прокуратуре, суровый начальник, хранитель советского закона, долго растолковывал ему, какой есть опасный преступник летающий мужик и сколь сурово должно быть к нему наказание. Намекал даже на Кайские леса и говорил, что машину придётся уничтожить. Трапезников в очередной раз вытер со лба холодный пот и показал свой аргумент – принесённые фотографии:

– Вот, всё, что осталось...

Следователь рассматривал исковерканные части самолёта с улыбкой. И, даже как-то смягчившись от увиденного, произнёс:

– Твоё счастье, что вовремя разбился. А теперь бери бумагу и пиши: «Я, Трапезников В. А., такой-то, такой-то. Обязуюсь на всех построенных мною самолётах не летать». Число и подпись.

Владимир Афанасьевич сделал всё, как было велено, взял свою смятую кепчонку и пошёл к двери.

– Стой! – закричал опомнившийся следователь. – Назад! Знаю я вас. Ведь ты какую-нибудь каракатицу с винтом построишь, дескать, это не самолёт, и полетишь снова! Значит перепиши бумагу так: обязуюсь на всех построенных мною летательных аппаратах не летать.

Скрепя сердце, Трапезников написал и это. Пока добирался домой, всю дорогу проклинал себя за совершённое. Зачем подписал? Что теперь делать? Всё, отлетал! Жена, увидев его, поняла без слов. А Владимир Афанасьевич, включив магнитофон, в отчаянии повалился на диван. Из динамика на полную громкость хлынул голос ещё одного бунтаря – поэта и барда Владимира Высоцкого – такие понятные Трапезникову в эти минуты слова, что лучше и не сказать:

*Когда я вижу сломанные крылья —
Нет жалости во мне, и неспроста.
Я не люблю насилья и бессилья,
Вот только жаль распятого Христа.*

О чём думал Трапезников, бессильно откинувшись на диване, под звуки горячо любимого голоса и такие близкие ему строки? Неизвестно. Только вдруг вскочил он и бросился туда, где стояла спрятанная и замаскированная его летательная машина. И через некоторое время затихшее небо над Залазной разорвалось весёлым стрекотом самодельного мотора. Маленький самолёт торжественно проплыл над посёлком. Над лугом, откуда косари, задрав вверх головы, проводили его прищуренными на солнце удивлёнными взглядами. Пролетел над руинами взорванной некогда церкви и, уйдя к лесу, долго-долго кружился над тем местом, где совсем недавно, в такой же ослепительно солнечный день разбился Колюха Вассанов.

Прерванный полёт

Возможно, я и прав в коренных, основополагающих причинах стремления российского человека в небо, но каждый из летунов, конечно же, даст иное, собственное толкование этакого увлечения, несвойственного большинству людей. Вот «летающий мужик» Трапезников объяснил всё далёкими детскими воспоминаниями о внезапно открывшихся перед ним наших просторах и потрясающей красоте. Кто-то скажет, что всегда любил скорость, но на земле для этого есть непреодолимые ограничения. Кто-то всего лишь погнался за сверхострыми ощущениями.

Очередной летающий мой герой, нижегородец Александр Самыличев даёт своему шагу в небо такое объяснение:

– До малой авиации у меня была жизнь, насквозь пронизанная и наполненная спортивной гимнастикой. С бесконечными тренировками, соревнованиями и сборами, поездками в различные города России и тогдашнего Союза. Не раз был я чемпионом и призёром всесоюзных и республиканских соревнований, чемпионом города и области. Но замучили травмы, да и время подошло – вынужден был оставить большой спорт. В жизни образовался вакуум, а природа, как известно, пустоты не терпит. И вот как-то в нашем пединституте, где я работал, проводилась встреча с ведущими дельтапланеристами и конструкторами этих новых летательных аппаратов. Я пошёл на неё, заинтересовался и... стал членом одной из городских секций дельтапланеризма.

Правда, надо ещё сказать, что Саша с детства мечтал быть лётчиком и потом, выполняя головокружительные соскоки с гимнастических снарядов или прыгая на батуте, не раз отмечал про себя бесподобные мгновения полёта. Видно, эта давнишняя детская мечта и определила его выбор в переломный момент жизни. Так что в небо идут совсем не случайные люди. Всё-таки оно – удел избранных. Получают они от него очень много, но зато и расплата за счастье полётов бывает соответствующей.

Если обычному новичку для подъёма на дельтаплане в небо необходимо не менее месяца интенсивных тренировок, чтобы почувствовать аппарат, своё тело в нём и координацию этого союза в сложных воздушных условиях, то Саша начал летать с первого же занятия и совершил сразу десять полётов, точно выполняя технические задания тренера. Ведь он был мастером спорта по гимнастике и отлично владел своим телом. Так состоялось его второе спортивное рождение. Потом он облетал все дельтадромы города и области, совершил полёты в красивейших местах России: над отрогами Саян, близ центра Азии на берегу Енисея, в Туве. Побывал в небе в краю белых ночей, морошки и порожистых рек с кристально чистой и холодной водой – в Заполярье, на Кольском полуострове, над Хибинами. Там же впервые удалось полетать в необычных условиях: на высоте около тысячи метров. И тогда же на финальных соревнованиях первенства России он вошёл в состав сборной команды Российской Федерации. В общем, не просто летал, а получал от очередного своего увлечения ни с чем не сравнимое удовольствие и успешно продвигался по трудной дороге спортивного совершенства.

Но его новая дельтапланерная жизнь была насквозь пронизана нештатными, экстремальными ситуациями, из которых бывший гимнаст, имеющий немалый опыт самостраховки, всякий раз удачно выкручивался без существенных повреждений. Так, в одном из испытательных полётов (аппараты-то, как и летающие лесные мужики, сами строили и сами испытывали) умудрился трижды сорваться в глубокое пикирование и два раза выйти из него у самой земли, совершив акробатические «курбеты», чтобы принять удар о землю ногами, а не руками или головой. Эти удары, к счастью, были без серьёзных последствий для здоровья, и Саша снова и снова вырывался в небо.

Целый каскад экстремальных ситуаций подарил ему стометровый склон реки Оки в Нижнем Новгороде, где он летал над живописным парком под названием «Швейцария». То крутил сальто вперёд вместе с дельтапланом, врезаясь в середину склона верхней поверхностью крыла и «мачтой» аппарата, которая обламывалась и протыкала парус с намерением проткнуть и пилота, но удар, к счастью, оказывался неточным. То, подобно созревшему плоду, висел на деревьях после выполнения сложного манёвра над крохотным пространством между деревьями, на которую предстояло выполнить посадку. Берег Оки был свидетелем одного по-настоящему страшного приключения, когда дельтапланерист был на волоске от гибели – он вертикально пикировал с 50 метров и каким-то чудом избежал удара о стремительно надвигающуюся на него пашню. Эта ситуация была настолько безнадежной и настолько реальным казался тогда конец, что он потом дважды пережил её во сне. Но снова и снова поднимался в небо.

Незабываемыми ощущениями запомнились Саше нижегородские склоны Волги, когда он летал над знаменитыми местами Верхне-Волжской набережной, связанными с именами великих земляков – лётчиков Петра Нестерова и Валерия Чкалова.

– Особенно врезались в память, – рассказывает он – те жутко-сладостные ощущения, получаемые во время «тройных спиралей» (фигура высшего пилотажа), которые приходилось делать в символическом месте – над памятником Валерию Чкалову, стоящему во весь рост высоко над Волгой. Когда дельтаплан во время вращения по спирали поворачивается всей плоскостью крыла перпендикулярно ветру и ты начинаешь чувствовать, что он вот-вот перевернётся на спину, а сам в это время находишься как бы в стойке на руках с опорой на ручку управления... И в этот действительно головокружительный момент вдруг успеваешь про себя отметить, что Валерий Павлович как-то не по-памятниковски пристально – то ли с изумлением, то ли с восхищением – смотрит на тебя... Однажды, увлечшись вращением в спирали, я немного преждевременно сместил тело в сторону, чтобы выполнить очередной виток, но меня подхватил сильный ветер, и этот полёт я завершил прямо над многолюдной площадью Минина, метрах в тридцати от памятника. Причём на какое-то время буквально остановился в воздухе в нескольких метрах от земли – в этой точке восходящий воздушный поток, видимо, смешивался с горизонтальным и получалась такая аэродинамическая труба, в которой встречный поток воздуха и не пропускал меня вперёд.

– Боже мой, какие же мы отчаянные, что на такой несовершенной, хрупкой конструкции поднимаемся в небо?! – вдруг пронзила его незнакомая доселе мысль.

И как в воду глядел! Свой последний полёт в жизни Саша выполнял в июне 1986 года над одной из вершин хорошо знакомого нижегородского парка «Швейцария», что на крутом склоне реки Оки. Он отрабатывал с каскадёрами полёт со склона и с одного из мостов на палубу парохода – надо было научить их совершать посадку на очень ограниченное пространство. На беду, в руках его в этот раз оказался чужой дельтаплан. А ещё был сильный порывистый ветер, во время которого инструкция запрещает выполнять полёты. Но он полетел.

Вот этот самый ветер да малознакомый аппарат привели к тому, что при выполнении очень крутого разворота конструкция чуть-чуть позже послушалась команды пилота. Этого «чуть-чуть» как раз хватило, чтобы он оказался не над запланированной для посадки площадкой, а над деревьями парка. В это мгновение порывистый ветер сделал очередную паузу. И летательному аппарату ничего не оставалось, как резко начать падать вниз. Столкнувшись с деревом, дельтаплан вертикально врезался носом в землю и полностью разрушился.

По выработанной годами гимнастической привычке Саша мгновенно сгруппировался – в итоге не пострадали ни ноги, ни руки, ни позвоночник. Увы, голову девать было некуда. Шлем, надетый на неё, выдержал сильнейший удар от падения с высоты тридцати метров. Но мыслей о том, сохранилась ли голова, у Саши уже не было. Подбежавшим ребятам пришлось разрезать лямки подвесной системы, чтобы освободить бесчувственное тело из-под обломков летательной машины, ещё несколько минут назад свободно несущей человека под облаками.

Нормальное сознание не возвращалось к нему месяц. Постепенно память и сознание начинали нащупывать утраченные естественные связи, и до него стал доходить смысл обступившего его больничного антуража. Но никак не получалось понять, почему он находится именно здесь и что же с ним такое стряслось. Впервые это удалось, когда Саша увидел рядом своего тренера в белом халате. До этого он видел его только на тренировках и совсем в ином облачении. Нет, Саша не понял всё сразу, а понял только, что с ним произошло что-то очень серьёзное, подобное, быть может, рождению на свет. Или появлению с того света. Случилось это через неделю после несчастья.

А до этого, в полностью бессознательном состоянии, была скорая помощь, больница, операционный стол. Трепанация черепа и диагноз нейрохирургов после операции, как приговор: «Сильный ушиб головного мозга. Травма, несовместимая с жизнью». Они и трепанацию-то делали практически без всякой надежды спасти пациента, у которого уже была пена на губах. В момент катастрофы Саше очень помог опыт натренированного тела. Когда произошёл сильный удар, то внутрь черепа должен был бы хлынуть поток крови и лимфы, который похоронил бы мозг. Но сам мозг, сосуды и нервная система, управляющая ими и привыкшие ко всяким перегрузкам, сработали чудесным образом. В итоге кровеносные сосуды сжались и не допустили смертельного кровоизлияния.

Жизнь была сохранена. Однако такое надругательство над телом не могло пройти бесследно. У Саши развилась левосторонняя частичная парализация, практически утратилась речь и сильно пострадала память. Из человека, обладающего довольно высоким уровнем развития двигательных и мыслительных способностей, он превратился в полного инвалида, который не мог ни стоять, ни ходить, ни разговаривать. При всём напряжении сознания не мог вспомнить, что было с ним прежде, защитил ли он диссертацию, хотя это произошло всего за два года до трагедии!

В сорок с небольшим надо было почти с нуля строить себя, учиться всему тому, чему приходится учиться ребёнку. Включилась в действие отработанная за долгие годы в спорте и предыдущую жизнь постоянная, ставшая автоматической борьба за совершенство, за себя. Помогла жена Валя – физиолог по образованию и специалист по лечебной физкультуре, – которая не бросила почти мёртвого мужа

(как вполне может быть в подобных обстоятельствах), а, наоборот, приняла самое активное участие в его возвращении к жизни.

– Я знал, понимал, что надо восстанавливаться, собирать себя заново, – вспоминает Александр то время. – Хотя бы ради того, чтобы снова летать! Это потом, по мере моего вхождения заново в жизнь и трудного восстановления эти отчаянные мысли о небе ушли... Да, появилось ясное понимание, что надо как-то по-другому жить, какие-то новые ценности обретать. Хотя бы ради дочери жить...

И для Саши фактически открылось другое небо, которое пусть и не висело над головой, маня живой синью и радостью полёта в нём, но требовало куда большей работы и терпения. Небо, от которого, как от настоящего неба, что привело его к катастрофе, нельзя было отвернуться в любой момент, переключившись на какое-нибудь другое дело. Надо было либо покорить его, либо умереть. И он бросился в это небо с азартом и желанием, не меньшим, чем раньше.

Восстановительная работа началась буквально с того момента, когда на тридцатый день Саша пришёл в сознание. Поначалу основное внимание уделялось возвращению чувствительности левой руки и ноги. Особенно пострадала рука – она вообще была как мёртвая и не ощущалась. Разрабатывал её правой рукой. Затем наступил черёд обучения сидению, ходьбе. Очень успешно он применял метод пассивных

движений с помощью врача, используя плечевой эспандер с блоками. Подключал массаж и самомассаж.

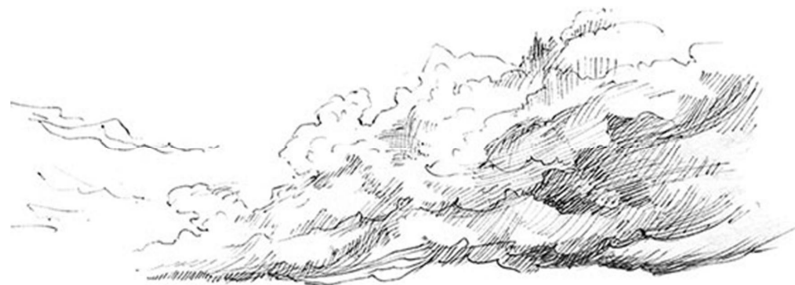
– Всё-таки спортсмен, – объяснял мне Саша свои последующие успехи, – сильно отличается от других людей. Он немножко чокнутый в своём деле. Обычный человек не понимает, как это можно изо дня в день заниматься однообразной, нудной, порой очень тяжёлой, изматывающей и при этом вроде бы ненужной работой. С почти невидимой перспективой и подолгу не приходящим результатом. Но только тогда что-то сможешь изменить, чего-то достичь.

Когда первый раз в жизни – в новой жизни – он сел на кровати (случилось это через три недели после падения), то было полное ощущение, что отдал этому простенькому действию все силы. Это было для него на пределе возможного. Но всё-таки он оторвался от постели. И это была первая, небольшая, но победа! Быть может, даже более ценная, чем первый его подъём в небо. Ещё более невероятное ощущение подарил кувырок вперёд через три месяца после трагедии – это для него-то, мастера спорта по спортивной гимнастике!

Через четыре месяца Саше предстояла медицинская комиссия, которая должна была решить вопрос о степени инвалидности. Для него это было очень тяжело – сам факт получения инвалидности, – и он усиленно готовился, чтобы предстать перед врачами как можно более здоровым человеком и инвалидность не получать. К этому времени делал даже стойку на руках! Но врачи ВТЭК были неумолимы: дескать, после такой травмы мы никак не можем не дать вторую группу без права работы. Пришлось смириться и собирать себя дальше. Вскоре Александр начал подключать дозированную ходьбу и специальный тренажёр «Спортивные качели», позволяющий выполнять упражнения на все основные мышечные группы и суставы человеческого тела. Затем пришёл черёд бега, езды на велосипеде, хождения на лыжах и элементарных акробатических упражнений на гимнастических снарядах. Объём физической нагрузки достигал 5–6 часов в день! На всех этапах восстановления большое внимание Саша уделял логопедической работе. Поначалу он вообще не мог говорить – ему-то казалось, что говорит и всё отчетливо произносит, но получалась сплошная каша. Последовательно вёл коррективную гласных и согласных звуков, слогов, произношение скороговорок, которые подкреплял парадоксальной гимнастикой Стрельниковой.

И уже через год ВТЭК вынуждена была снять вторую группу инвалидности, и он снова приступил к преподавательской работе в Нижегородском педагогическом университете на факультете физкультуры. Здесь Александр Самыличев, мастер спорта и бывший инвалид второй группы, работает доцентом по сей день. Ведёт занятия по теории физической культуры и валеологии (науке о здоровье) на дефектологическом отделении факультета. Вместе со своими коллегами руководит научным студенческим кружком «Физическая культура и милосердие», участники которого включились в индивидуальную работу с детьми, страдающими различными формами церебрального паралича. Александр Самыличев внёс немалый вклад в становление и развитие новой специализации «Физическая культура для лиц с отклонениями в состоянии здоровья», исполнял обязанности президента нижегородского отделения общественного фонда благотворительной организации «Нижегородская специальная олимпиада», в которой участвуют дети-инвалиды с нарушениями центральной нервной системы. С 2002 года он стал научным консультантом Нижегородского областного реабилитационного центра инвалидов. Подготовил к открытию специальный сайт в Интернете «Новая жизнь для всех нуждающихся – опыт возвращения из небытия после катастрофы», где все желающие могли получить необходимую информацию и помощь. А ещё вместе с женой Саша воспитал замечательную дочь Надежду, которая в 2002 году, выиграв первое место в областной и две номинации в общероссийской олимпиадах, досрочно стала студенткой филфака Нижегородского государственного университета. Позднее блестяще окончила его и поступила в аспирантуру, защитила кандидатскую диссертацию.

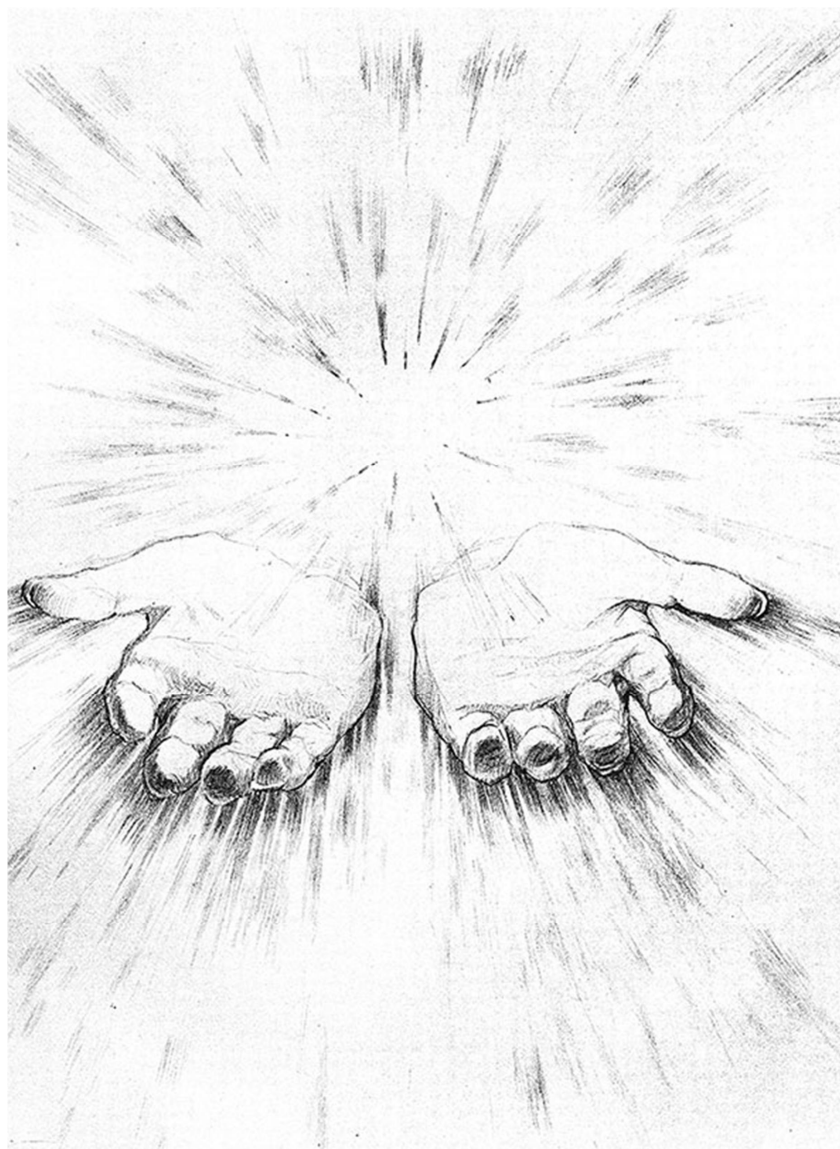
В авиации не употребляется слово «последний»: последний полёт, последний прыжок с парашютом – слишком уж категорично и безысходно оно звучит. Его заменяют спокойным и обещающим словом «заключительный». Так вот, строго говоря, полёт Александра Самыличева, во время которого он рухнул на землю и в одну секунду превратился в инвалида, иначе как последним и не назовёшь – Саша уже точно никогда не поднимется в небо на дельтаплане, что прекрасно сознаёт и сам. Но разве повернётся у кого-то язык сказать, что его полёт закончился вместе с поломкой крыльев дельтаплана?!

Глава 5. Доброта

...Ты будешь подготовлен к тому, чтобы летать ввысь, и поймёшь, что такое доброта...

Ричард Бах «Чайка по имени Джонатан Ливингстон»

Небо, полёт над землёй нередко подвергает дерзнувших подняться в него людей тяжёлым физическим и моральным испытаниям. Однако и на земле иные люди оказываются подчас в таких сложных нравственных обстоятельствах, перед такими проблемами морального выбора, такие из-за этого бушуют в их душах чувства и страсти, что невольно подумаешь: «А в небе-то, пожалуй, поспокойнее будет...» И выход из этих ситуаций требует порой невероятного духовного напряжения.

Выбор

В то ясное августовское утро 1994 года инвалид Евгений Иванович Анфимов встал пораньше, несмотря на воскресенье. Умывшись и поставив на газ чайник, он открыл окно и с радостью увидел уже поджидавших его на кирпичном заборе напротив окна и на зелёных ветвях клёна сизых голубей. При звуке распахиваемого окна и появлении знакомой фигуры на границе света утра и полумрака комнаты они засуетились, захлопали крыльями и бросились к его окну. Дружно облепили подоконник и, не переставая издавать гукающие и булькающие звуки, стали садиться на руки человека.

– Вот ведь тварь божья, – улыбаясь, подумал старик, сыпя на подоконник зерно и незло отбиваясь от наседавших голубей, – хоть и встал на час раньше обычного, но они уже тут. Будто знают, что я собрался к Регинчику и потому поднялся даже раньше будничного дня. Словно провожают меня в дорогу и торопятся передать ей привет. Что бы я без вас делал?

С этими тёплыми мыслями он бросил последнюю горсть зерна из пакета – на что птицы ответили очередным треском крыльев, топотом по подоконнику и повышенным бульканьем-гуканьем – и, волоча за собой неполноценную ногу, пошёл пить чай. Чайник уже весело пыхтел на плите.

Евгению Ивановичу предстояла долгая дорога за сорок с лишним километров от Нижнего Новгорода, на небольшое деревенское кладбище, где вот уже тринадцать лет покоилась его жена Регина Яковлевна, внезапно ушедшая в совсем ещё нестаром возрасте и оставившая Евгения Ивановича практически один на один с голубями да несколькими котами, изредка посещающими его одинокое жилище. Посещали они его потому, что Евгений Иванович выкраивал на это богоугодное дело деньги из своей скромной пенсии. Сын Сергей давно обзавёлся семьёй, жил своим домом и лишь иногда заходил к отцу после работы, которая находилась рядом. Так что голуби да коты были и впрямь его единственными и самыми верными попутчиками на оставшемся отрезке жизни.

Но два раза в год, в дни её рождения и смерти, он непременно отправлялся к жене. Сначала заезжал к её родственникам, а затем уже – на кладбище. Проводил там чуть ли не весь день – в несуетной заботе о могилке, в душевных воспоминаниях о милом человеке и счастливых годах жизни с ней. Дорога туда была не просто дорогой, а целой экспедицией – трудным и желанным походом, к которому готовятся загодя, собирая всё необходимое и заранее прорабатывая мельчайшие детали предстоящего мероприятия. С особым старанием Евгений Иванович готовил к походу своего четырёхколёсного коня – слабосильную мотоколяску, выданную два года назад инвалиду заботливым государством, – ибо от неё зависело в этой поездке всё. За две недели до выезда начал он проверять насосы, тормозные колодки, подвинчивать гайки. Накануне подлил масла в двигатель, помыл коляску и съездил на заправку. Залил полный бак бензина да на всякий случай ещё и десятилитровую канистру наполнил. Подкачал колёса. Тщательно проверил весь могущий пригодиться в дороге машинный инструмент. Всё это вместе с инвентарём для ухода за могилкой заботливо положил на заднее сиденье.

– Пора, – подумал Евгений Иванович, когда чай и несколько бутербродов были съедены, а по радио пропикало восемь часов. – Пора, милый Регинчик, на встречу с тобой, чтобы не заставлять тебя долго меня ждать.

На этой нежной ноте он встал из-за стола, потревожив нахальных голубей, закрыл окно и, захватив сумку с нехитрым провиантом, заковылял по деревянной лестнице вниз. Улица встретила его ласковым запахом лета, пробивающимися сквозь ветви деревьев весёлыми лучиками солнца и лёгким ветерком.

На дворе было пусто и тихо. Лишь трамвай прогрохотал по соседней улице, пока он шёл по двору к своему гаражу. Уже подходя к нему, Евгений Иванович понял – нет, скорее почувствовал: что-то не так. И тут же заметил он это «не так» – всяческого замка на петлях не было, а дверь была чуть приоткрыта.

– Неужели вчера позабыл закрыть? Как бы не унесли чего, – мелькнуло у него в голове, и с нарастающим волнением, перехватывающим дыхание, бросился он на дверь и резко рванул на себя.

Гараж был пуст. Это было ясно, несмотря даже на резкий переход из светлого утра в сильно затенённое укрытие, когда глазам необходимо какое-то время для привыкания к значительно меньшей освещённости. Было ясно уже потому, что передок коляски всегда находился всего в полуметре от дверей и не заметить его невозможно было в любом случае.

Евгений Иванович поначалу не понял случившейся с ним трагедии и, глупо осмотрев весь пустой гараж, потом осмотрел и двор. Коляски не было нигде. Точно так же не было и ни единой живой души во дворе – только беззаботные воробьи, как всегда, сыпали из ветвей своё однообразное чириканье. Тогда Евгений Иванович опустил на землю сумку и принялся разглядывать двери – петли были покорёжены, а в метре от одной из дверей он обнаружил и свёрнутый замок. Видимо, действовали ломиком или монтажкой. Тут он заметил и следы своей мотоколяски – следы от колёс, выходящие из гаража. Проковыляв за ними через весь двор, он оказался на выезде на улицу. Здесь, на сером асфальте, следы безнадёжно обрывались.

– Боже мой, – в отчаянии подумал Евгений Иванович, оглядывая безлюдную в этот час улицу, – кому же понадобилась моя коляска? Что я буду без неё делать?..

Надо сказать, что мотоколяска и впрямь была незаменимой частью жизни инвалида Анфимова с тех самых пор, как умерла жена, а затем ушёл жить в квартиру жены сын. Из-за врождённого порока ноги Евгений Иванович практически не мог передвигаться по городу и использовал коляску даже для походов за хлебом в ближайшую булочную. Потому и содержал в образцовом состоянии и заботился о механическом друге как о близком родственнике.

– Ой-ой-ой-ой! – в потоке чёрных и обрывистых мыслей о происшедшем вспомнил он вдруг о сегодняшних планах. – А как же я теперь доберусь до Регинчика?! Она же меня будет ждать!

Это последнее обстоятельство, похоже, подвело окончательную черту под осознанием всей случившейся беды, и Евгению Ивановичу стало худо. Заныло сердце, перед глазами вдруг всё поплыло, и он почувствовал, что теряет опору под ногами. Как врач, понимая, что надвигается обморок, и дабы в бессознании не хлопнуться о землю, он медленно присел около своего опустевшего гаража и прислонился спиной к его металлической стенке. Затем, контролируя помутившееся, но ещё не отключённое сознание и отчётливо слыша рваные удары сердца, поднёс кончики пальцев к вискам и начал их медленно массировать.

Сознание удалось удержать, а вскоре стало успокаиваться и сердце. Минут через пять после внезапного этого полуобморока Евгений Иванович понял, что может встать. Поднимаясь, он почувствовал, что весь покрыт испариной, но его уже не качало. Он прикрыл двери гаража мелко дрожащей рукой, поднял свою сумку и двинулся домой.

Нужно было что-то делать, но он не знал что, не знал, с чего даже начинать. Что вообще делают в подобных случаях? Милиция? Наверное, но, как говорил ему кто-то из знакомых, в нынешнее время беспредела они не выезжают на происшествие, где меньше двух трупов. Идти к соседям было вроде бы и незачем, да и не время ещё поднимать людей в раннее воскресное утро. По этой же причине он не стал сразу звонить сыну Серёже, а прежде всего выпил успокоительного. Руки ещё сильно дрожали, и Евгений Иванович ощущал большую слабость. Присев от этой слабости на кровать, он попытался успокоиться. Но, ещё раз вспомнив о сорванной поездке на кладбище и охватив всё случившееся

единым взором, вдруг ощутил такую чёрную безысходность, такое беспощадное отчаяние, что у него снова перехватило дыхание и он почувствовал тёплые пунктиры слёз по щекам. Вслед за этим слёзы, не посещавшие его тринадцать лет – со дня смерти жены, – потекли сплошными линиями, и Евгений Иванович дал волю чувствам.

Всю свою омрачённую природным недостатком жизнь он отдал людям, выбрав ещё в школе нелёгкую врачебную стезю. То ли стало это следствием чтения модных в то время книг писателей-врачей, то ли и без них Евгений Иванович понял, что именно врачом он должен стать, и отдал он этому гуманному делу более тридцати лет. Сначала шесть лет грыз нелёгкую медицинскую науку в институте, потом четверть века – счастливую четверть века! – прослужил настоящим сельским врачом (как Чехов или Булгаков) в Калужской и Горьковской областях, когда приходилось вскакивать среди ночи, чтобы мчаться в глухую деревню к тяжёлому больному или делать срочные операции в малоподходящих для этого дела условиях. И, наконец, здесь, в Нижнем Новгороде, по-старому Горьком, куда переехал с семьёй в семидесятом году, он девять предпенсионных лет проработал на далёкой от медицины кафедре гражданской обороны политехнического института, но у себя во дворе постоянно возвращался к врачебному делу, оказывая первую помощь то несчастному сердечнику, то сломавшему руку сорванцу.

– ...И кто-то из этих самых сорванцов, возможно, и украл нынче мою коляску, – с горечью подумал Евгений Иванович, – или навёл на эту мерзость своих дружков с соседнего двора.

Но он тут же спохватился, в корне пресекая нехорошие мысли, тем более что были они пока всего лишь предположениями попавшего в отчаянную ситуацию человека. Между тем начали действовать таблетки, и он решил ненадолго прилечь. В разбегающихся и бестолковых мыслях о случившейся с ним беде прошло ещё какое-то время. Когда он поднялся и взглянул на часы, было начало десятого. «Теперь можно звонить Серёже», – облегчённо подумал Евгений Иванович и пошёл к телефону.

– Да-а-а? – раздался в трубке, как всегда, нарочито суровый и в то же время явно заспанный голос сына.

– Серёженька, извини, я тебя, наверное, разбудил, но у меня тут такое случилось, такое случилось... Только ты не волнуйся... Я же сегодня собрался к маме ехать – ну, ты знаешь... Понимаешь, выхожу к гаражу утром, а коляски-то моей и нету. Пропала!

– Как пропала? – окончательно стряхнув сон, но, видимо ещё ничего толком не понимая, воскликнул сын. – Откуда пропала?

– Из гаража пропала. Я же её с вечера приготовил к поездке, всё проверил, загрузил в неё инструмент, запаску, канистрочку с бензином, а сегодня утром выхожу – а её и нет. Дверь только прикрыта, замок взломан и рядом валяется. От коляски следы одни остались, от колёс её, – обрываются на улице. Значит, угнали со двора. Я чуть в обморок не хлопнулся, еле до дома добрался.

– Ты вот что, отец, – оборвал его на полуслове Сергей, почувствовав необычайно взволнованный и дрожащий голос Евгения Ивановича, – действительно позвони пока в милицию и всё им расскажи, а я сейчас еду к тебе. И не убивайся сильно – может, ещё сегодня найдётся коляска.

Учитывая физическую беспомощность пострадавшего, милиция всё же приехала к нему и приняла заявление о пропаже прямо дома. Они переговорили с соседями, всё осмотрели, зачем-то даже замерыли что-то в гараже. Подробно расспрашивали о подростках, которые живут в этом и соседних дворах, могущих, по их мнению, украсть коляску. Спросили даже напрямую Евгения Ивановича, не подозревает ли он кого-то из соседей или из тех же самых мальчишек, что вертятся во дворе.

Евгений Иванович категорически отказался кого-либо подозревать, хотя и впрямь у него были кое-какие соображения на этот счёт, – не подозрения, конечно, а так, некие логические заключения,

появившиеся, когда он сопоставил некоторые факты из прошлого и нынешнюю свою утрату. Но соображения соображениями, а подставлять кого бы то ни было, пусть даже у него имелись на то какие-то серьёзные основания, он считал себя не вправе.

– Пусть милиция сама во всём разбирается, – решил он, – а я такого греха на душу брать не буду.

Пришедшие двое милиционеров составили протокол, в котором Евгений Иванович расписался, забрали ключи, документы от коляски и удалились, бросив на прощание мало обнадеживающее «будем разбираться».

Но коляска не нашлась. Не нашлась ни в этот день, ни на следующий, ни через неделю. Ни через месяц. В милиции, куда Евгений Иванович время от времени позванивал, втайне ещё надеясь на их удачу, ведущий это дело следователь отвечал односложное «ищем».

Тем временем начала как-то организовываться – куда денешься! – разбитая было внезапной материальной потерей жизнь. Серёжка стал появляться чуть ли не каждый день, по надобности заходя в магазин и покупая отцу необходимые продукты, иногда помогали соседи, да и сам Евгений Иванович предпринимал короткие вылазки за провиантом, насколько позволяла ему неработающая нога. Но всё равно каждое воспоминание о случившейся краже вводило его в тяжёлое моральное и физическое состояние, из которого вывести могли только любимые сизари. С ещё большим рвением Евгений Иванович тратил на них свои крохотные деньги, и птицы, похоже, платили ему тем же – стали садиться даже на плечи (чего раньше никогда не было), нежно воркуя, как ему казалось, что-то ласковое на ухо.

Через два месяца, разуверившись в возможности милиции найти пропажу, Евгений Иванович обратился в отдел социального обеспечения областной администрации, который в своё время выдал ему бесплатно, как инвалиду, эту самую, украденную ныне коляску. Обратился с просьбой хоть как-то помочь в этой ситуации. Быть может, раньше срока выделить ему новую, положенную таким, как он, инвалидам каждые пять лет, а он в свою очередь готов написать расписку, что никогда более не будет претендовать на подобные подарки государства, – ведь годков-то ему уже под семьдесят. Заведующая транспортным сектором собеса Валентина Николаевна Ошеткова выслушала сбивчивый рассказ Евгения Ивановича терпеливо и внимательно, после чего сказала:

– Да, мы могли бы как-то решить эту проблему. С новой будет сложновато, но возможен вариант выдачи вам подержанной коляски, оставшейся после смерти её владельца. Однако для этого надо подтверждение из милиции о пропаже, а также справка о том, что они не могут найти украденную...

Окрылённый такой перспективой, Евгений Иванович в тот же день рассказал о ней зашедшему после работы сыну, на что тот скептически заметил:

– И ты думаешь, милиция даст тебе такую справку – что не могут найти украденное?! Распишется в собственной беспомощности? Да ни за что на свете!

Это Евгения Ивановича не остановило, и уже на следующий день он поковылял в милицию.

– Мы не имеем права давать такие справки, пока не пройдёт отпущенный по закону на поиски год, – отрезали там.

– Но я без коляски жить не могу, а в собесе её не дадут без такой справки от вас, – начал было Евгений Иванович.

– Мы ищем, ищем, ведутся следственные мероприятия...

– Вот видишь, Серёжа, они ищут... – попытался Евгений Иванович в очередном разговоре с сыном на большую эту тему как-то защитить правоохранительные органы, которые так быстро среагировали на его обращение после угона коляски и которые, по его мнению, сами были в силках закона.

– Правда, не совсем понятно, что же мне в этом случае делать. Ждать почти год? А если я умру за это время?..

Евгений Иванович, кажется, уже всё понимал, но всё же позвонил ещё раз в собес. Попытался объяснить, что без коляски он действительно как без ног и что почти год ждать той справки – это непосильно долго для него.

– А что я могу сделать? – сухо возразила Валентина Николаевна, – такова инструкция. Ничем не могу помочь.

И это было сказано уже после того, как информация о краже мотоколяски у инвалида просочилась в местную прессу, – одна из ведущих областных газет напечатала даже небольшую заметку, в которой сообщалось, что это первый случай в истории Нижегородской области, чтобы украли инвалидную коляску. Дескать, обычно крадут иномарки, «Волги», «Жигули», а вот инвалидную коляску – такого ещё не было.

Евгений Иванович был поражён тем, что его маленькая беда выплеснулась на страницы большой газеты, и втайне надеялся, что это может как-то помочь. Увы, как показал разговор с чиновницей, надеялся он напрасно. Круг замкнулся, и помощи ждать было неоткуда. И снова потянулись безрадостные дни существования. Надо было как-то смириться с потерей, научиться жить без коляски, но главное – не ожесточиться сердцем и не очерстветь душой. Спасали опять, как и после смерти жены, голуби.

Как-то раз, придя навестить отца в один из дождливых октябрьских дней, Сергей вдруг поинтересовался, нет ли каких вестей из милиции.

– Нет. Ты же знаешь, что я уже месяц в милицию не звонил. А почему ты вдруг об этом спрашиваешь? – вопросом на вопрос ответил Евгений Иванович.

– Тут произошло событие, которое может серьёзно повлиять на всю ситуацию с твоей коляской. Я имею в виду в положительную сторону, – загадочно начал сын, – причём с такой стороны, о которой ты даже не предполагаешь...

– О чём ты говоришь, Серёжа, разве могут тут быть ещё какие-то стороны, кроме тех, которые сделали всё, что могли, – мрачно отозвался отец.

– Представь себе, могут. Помнишь Аркадия Борисовича, ну, того странного поэта, он раньше часто у нас бывал?

– Конечно, помню. Что с этого?

– А вот что. У него есть друг, который тесно общается с той частью общества, которая – как бы это сказать – не всегда находится в ладу с законом. С мафией, одним словом...

– Господь с тобой, Серёженька, – вскинулся Евгений Иванович, – это-то тут при чём?

– А вот послушай. Этот его приятель недавно был в гостях у одного из местных крёстных отцов, ну главарей нашей нижегородской мафии, который вершит у них третейский суд... Разбирается во всяких конфликтах, возникших среди этой публики, и принимает окончательное и безоговорочное решение о том, кто виноват и какое ему предстоит наказание. И если уж он вынесет своё решение, то оно неукоснительно исполняется.

Евгений Иванович был настолько законопослушен, что, как только услышал, о чём – вернее, о ком – завёл речь его сын, сразу же бросился к телефону и проверил, хорошо ли лежит трубка. Затем зачем-то подскочил к окну и, отстранив занавеску, взглянул на улицу. Тут же попытался что-то сказать Сергею, но тот невозмутимо остановил его порыв.

– Чего ты, папа, боишься? – Ведь вся наша страна давно так живёт – это уже почти что в законе всё. И справедливости там, кстати, куда больше, чем в официальном мире.

Отец его на это только махнул руками, как бы отстраняясь от чего-то очень неприятного ему, но ничего не ответил, а только обречённо опустил в старенькое кресло.

– И как-то так получилось, – продолжил Сергей свой рассказ, – что он, этот друг Аркадия Борисовича, рассказал тому мафиози всю твою историю.

При этих словах Евгений Иванович только испуганно тряхнул головой и, ещё глубже уйдя в кресло, продолжал смотреть на сына округлившимися глазами через толстые стёкла своих очков.

– Ну, о том, как у тебя украли коляску, и обо всём, связанном с этим. И знаешь, что ответил мафиози?..

В этот момент Сергей взглянул на отца и отметил крайнюю степень его взволнованности и испуга, что помимо круглых глаз и судорожного прижимания обеих рук к груди с одновременным придыханием проявлялось ещё и в максимальном втягивании его головы в плечи. Сын заметил всё это и произнёс, как отпечатал:

– Он сказал: «Такие люди не должны жить!»

Ещё раз торжествующе посмотрел на застывшего отца и пояснил:

– Он имел в виду тех, кто украл у тебя коляску.

Тут Евгений Иванович наконец перевёл дух и опустил на подлокотники руки – будто освободился от тяжёлой ноши.

– И правильно, между прочим, сказал, – закончил спокойно сын.

– Ну, Серёжа, это уж слишком категорично, – отозвался отец из глубины кресла. – Если бы всё правосудие вершилось таким образом... Пусть и совершили они очень нехороший проступок, но всё-таки жизнь человека несопоставима с такими, не ахти уж какими материальными ценностями, как инвалидная коляска.

– Да? Небольшими ценностями?! – вскипел Сергей. – А если она неотделима от твоего существования? Если ты без неё жить не можешь?

– Ну, это, допустим, не совсем так... Нет-нет, Серёжа, я никак не могу согласиться с такой постановкой вопроса, – продолжал Евгений Иванович, собираясь, видимо, ещё пофилософствовать на эту небезынтересную для него тему, но Сергей его остановил.

– Погоди, это ещё не всё, что сказал тот мафиози. Ещё он сказал: «Пусть этот инвалид хотя бы примерно очертит мне круг лиц, могущих иметь отношение к краже, – и они вернут ему коляску. Пусть он только намекнёт. А если её у них уже нет, то на следующий день у его дома будет стоять не коляска, а новая машина...»

И ужас, и восхищение, и недоумение, и ещё бог знает какие эмоции отразились в эту секунду в глазах Евгения Ивановича, во всей его плотно вжатой в узкое кресло маленькой фигурке, на которую обрушился такой шквал совершенно неожиданных, поистине могущих свести с ума вестей.

– И он просил передать всё это тебе, – продолжил Сергей, будто не замечая реакции отца, – и как можно скорее дать ему знать о твоём решении.

Евгений Иванович сидел ни жив ни мертв, в той же вжатой в кресло позе и молчал.

– Папа, это не шутка и не розыгрыш, – попытался Сергей достучаться до молчащего и замершего в своём кресле отца. – Пойми, ты можешь быстро получить назад свою коляску и больше никогда не ходить унижаться в эту милицию, к чиновникам в собесе. Тебе только надо сказать «да». Я нисколько не сомневаюсь, что эти люди говорят вполне серьёзно. И они делают то, что говорят. Аркадий Борисович тоже это подтвердил.

Отец молчал. В сильном волнении встал он с кресла и проковылял к окну. Мелкий дождь монотонно барабанил по подоконнику, будто напоминая о грядущих за ним тоскливых зимних вечерах и неизменном их спутнике – холоде. Но Евгений Иванович не замечал его. Он полностью погрузился в свои мысли.

– Верно, – думал он, глядя в окно и совершенно не замечая колотящегося там дождя, – несчастная страна наша и впрямь дошла до такого состояния, когда истинная справедливость исходит не от чиновников и не от правовых органов, а от тех, кого в обществе называют страшным словом «бандиты». Я не знаю, кто он и что он совершил, этот мафиози, – наверняка ничего хорошего, – но в его страшных словах куда больше человеческого, чем во всей бессмысленной деятельности целой армии чиновников и милиционеров. Конечно, слова эти не имеют права на осуществление по многим причинам, но эмоционально, по сути, его реакция куда более человечная, чем, наоборот, внешне весьма заботливая о людях, но по существу далёкая от интересов людей бездарная деятельность целой толпы представителей государства. Ведь, действительно, до какой же степени разложения, бесчеловечности надо дойти, чтобы посягнуть на инвалидную коляску. Ведь это всё равно что отнять у инвалида ноги...

Тут он снова вспомнил то ясное летнее утро, когда случилась с ним эта беда. Всё, что он в тот момент испытал, – подобное потрясение, шок и безысходность – владело им до этого лишь раз, когда умерла его жена. Вспомнил всё, что он тогда думал о тех людях, которые решились на такое изуверство.

Евгений Иванович давно уже не понимал, что происходит в стране, где демократия вроде бы взяла наконец верх над долго издевавшейся над страной так называемой «коммунистической идеологией», – и вроде бы многое должно было измениться в стране. Пришедшие к власти демократы всё правильно говорили, и даже какие-то свободы появились, но главное-то, главное – жизнь большинства простых людей стала куда хуже, чем при коммунистах. Сначала всех их лишили годами и десятилетиями собираемых накоплений в тумбочках, а потом и в Сбербанке. Затем стали появляться так называемые «новые русские», которые в царящей во всей стране разрухе вдруг оказались более чем состоятельными людьми и которые по всем манерам более напоминали не известных из мировой литературы бизнесменов-предпринимателей, а самых настоящих бандитов. И в довершение всего вокруг опять воцарилось беззаконие и наплевательское отношение к человеку, свойственное всем рабским идеологиям вообще и коммунистической в частности.

Не понимая всего этого, но ясно видя, что вокруг происходит, Евгений Иванович давно уже перестал принимать всё это слишком близко к сердцу. Ему было довольно того, что пенсию (хотя и небольшую, но достаточную, чтобы ещё и голубей кормить) приносят регулярно, а сын Серёжа имеет работу и кое-что зарабатывает. И следил Евгений Иванович за всей этой вакханалией демократии как сторонний наблюдатель, лишь иногда, в кругу очень близких родных или друзей позволяя себе высказаться на этот счёт. Но вот это происходящее коснулось и его. Да как коснулось! Не только лишился он в одночасье главной физической опоры в жизни, но и сразу ощутил на собственной шкуре полное безразличие к себе родного, как он считал, государства. И теперь для восстановления справедливости в таком больном для него личном вопросе ему предлагалось сыграть по сложившимся вокруг негласным, но, судя по всему, весьма суровым правилам. Вернее, даже и участия его практически не требовалось, а надо было лишь дать согласие, и всё произойдёт как бы само собой. Казалось бы, чего проще, когда такая удача подворачивается и все тяготы и мытарства снимаются как по мановению волшебной палочки. Но совершенно неожиданно Евгений Иванович был не готов согласиться на такой простой и

выгодный для него способ разрешения проблемы. Он оказался в ситуации очень важного и очень жёсткого выбора. В нём как будто боролись два человека.

– Это единственный твой шанс, – увещевал один. – Единственная, неизвестно кем посланная надежда. Соглашайся, соглашайся немедленно...

– Вот именно, – перебивал его второй, – вот именно – «неизвестно кем посланная». Точнее, как раз известно кем – дьяволом! Ибо только он может в такую минуту подкинуть тебе такое решение.

– Да нет ничего проще, – снова вступал первый. – Всё предельно ясно. Милиция никого не найдёт. Государству на тебя глубоко наплевать. Ты беспомощен и беззащитен. Так что предложивший тебе такой вариант человек – кто бы он ни был – поступает благородно и справедливо во всех отношениях!

– Хорошенькое благородство! – вскипал второй. – Ты же не знаешь методов, которыми действует эта «благородная» публика. Возможно, коляску твою угнала шпана. Да, этот мафиози в конце концов найдёт исполнителей варварского акта. И что тогда? Бандиты остаются бандитами во всех обстоятельствах, и они выбьют у этих ребятишек признание всеми доступными им способами.

– Глупости, глупости, – продолжал гнуть своё первый голос. – Подумаешь, припрут к стенке, припугнут хорошенько, ну, пару подзатыльников отвесят – те и признаются во всём. Зато ты-то, ты-то получишь свою коляску, без которой действительно у тебя не жизнь, а сплошная мука.

– Подумай хорошенько, к чему тебя склоняют, – не отставал второй. – Тебя, человека гуманнейшей профессии, который всю жизнь делал всё, чтобы облегчить людям страдания, хотят заставить согласиться на такие действия, которые могут обернуться непредсказуемыми физическими страданиями для других. Пусть и впрямь совершивших неблагоприятный поступок – пусть даже преступление! Но не перед бандитами же они должны отвечать за него, а перед законом.

– Да что этот закон! – попытался вернуть своё его оппонент. – Ты же сам знаешь...

– А то, – не унимался второй, – что кто-то должен жить по высшей справедливости даже в то время, когда вокруг царит полнейшая несправедливость и всё перевернуто с ног на голову. Кто-то же должен в человеческом обществе, временно ступившем на неправедный путь, нести этот высший крест разума и добродетели. Пусть даже с серьёзными собственными издержками. Но ради всех остальных – кто-то должен!

«Должен...» – как эхо, повторил Евгений Иванович вслух, и голоса эти сразу смолкли.

Он повернулся к сыну и с испугом поглядел на него – не стал ли и тот свидетелем странного диалога. Голоса эти он слышал столь отчётливо, что казалось, говорили в комнате. Но нет. Сергей отсутствующе рассматривал какой-то принесённый им журнал.

– Я должен тебе сказать, Серёжа, – начал Евгений Иванович, – что не согласен на это предложение. Я всё обдумал и пришёл к выводу, что не могу воспользоваться такими услугами, таким способом решения моей проблемы.

Он ожидал, что Сергей начнёт сразу упрекать его, укорять в чём-то, но тот молчал.

– Понимаешь, всё-таки я как-то приспособился сейчас к жизни без колясочки, – продолжил он трудное объяснение. – И потом ведь не исключено, что сама милиция найдёт её. Сейчас зима на носу – я бы всё равно ею не пользовался, а там и срок у милиции для поисков выйдет, они мне справку нужную дадут – глядишь, получу другую коляску в собесе.

Сын не стал переубеждать отца – знал, что если он что-то решил, то его не своротишь никакими силами. А Евгений Иванович, сделав такой выбор, никогда об этом не жалел. Не жалел, когда ему как-

то вечером позвонили из областного УВД и предположили «прямо сейчас» явиться к ним. Это произошло после появления у него журналиста из центральной газеты и выхода в свет громкой статьи, где прямо говорилось о бесчеловечности государства и человечности некоего «представителя местной теневой экономики», изъявившего желание восстановить попорченную справедливость.

– Почему прямо сейчас? – испугался Евгений Иванович. – Что стряслось?

– Приехал полковник из Москвы, – ответили ему. – Это по поводу статьи в газете о вас. Хочет вас видеть.

– Но сейчас же уже вечер! – с испугом, но в то же время и с некоторым облегчением возразил Анфимов. – Я не могу. Завтра – извольте.

Назавтра высокий милицкий чин из Москвы, оказавшийся почему-то в штатском, положил на стол диктофон, рядом с ним ту самую заметку из центральной газеты и попросил Евгения Ивановича всё рассказать. Тот повторил свою историю, а когда дошёл до эпизода с местным мафиози, то его собеседник попросил уточнить, о каком таком «теневице» идёт речь. Тут бедный Евгений Иванович так перепугался, что начал сочинять нечто несусветное. Придумал на ходу, что это он в трамвае ехал и рассказывал знакомому всё происшедшее с ним, а рядом оказался какой-то человек в спортивном костюме и с золотым зубом, который сильно заинтересовался этой историей и, назвавшись представителем местной теневой экономики, предложил свои бесплатные услуги в решении возникших проблем. И он, дескать, знать не знает того человека – видел всего один раз в жизни, да, может, он и не мафиози вовсе, а так, присочинил об этом для более сильного впечатления в трамвае.

Было непонятно, поверил ли высокий милицкий чин этой сказке, но он настоятельно посоветовал Евгению Ивановичу никогда не прибегать к подобным услугам, а когда тот робко возразил, мол, кто же тогда ему может помочь, записал все его данные и важно сказал:

– Мы поначалу подозревали, что вы сами продали коляску и всё это дело раздули для того, чтобы бесплатно получить вторую, но теперь видим, что вы не такой. Мы посодеествуем вам в получении через собес внеочередной коляски.

С чем и удалился, не оставив ни своего имени, ни фамилии, ни телефона. Помощи обещанной, естественно, не вышло.

Не жалел Евгений Иванович об этом своём нравственном выборе и потом, когда получил все нужные справки из милиции и начались его долгие мытарства по собесу, где постоянно обещали помочь, но всё время почему-то не помогали, а только подавали напрасные надежды. Да не просто не помогали, а в течение нескольких лет бездушно издевались над несчастным инвалидом, заставляя его по несколько раз в неделю звонить, а иногда даже ехать для получения якобы отобранной для него «почти новой» коляски, оставшейся от умершего другого инвалида. Только та на поверку оказывалась грудой металлолома, но чиновники потом его же самого и обвиняли в капризности и нежелании получить подарок государства. А однажды выяснилось, что завод в Серпухове, выпускающий эти самые мотоколяски для инвалидов, вообще закрылся из-за недостатка средств. И только после активного вмешательства в это дело депутата местной думы и редакции той самой центральной газеты, которая рассказала всей стране историю Евгения Ивановича Анфимова, собес наконец подобрал ему нечто, оставшееся от умершего владельца-инвалида и оказавшееся после серьёзного ремонта даже способным ездить. Правда, к этому времени он уже настолько плохо видел, что не мог садиться за руль даже такого автомобиля. Но это уже совсем другая история – история хождения по мукам простого инвалида в период безоговорочной победы демократии в России. История, как понятно, почти не имеющая отношения к необычному нравственному выбору, перед которым поставила Евгения Ивановича жизнь в 65 лет и который он сделал по законам совести и доброты.

Поцелуй бога

Умирал прекрасный человек – выдающийся учёный и близкий мой друг Израиль Брехман. Было самое благодатное, тёплое время года в городе Владивостоке, на краю земли российской, но уход из этого мира никак не зависит от погоды. Нет, он не мучился в реанимации или на больничной койке в тисках смертельного недуга. И не страдал от боли на домашнем диване, отчаянно поглощая кучи лекарств, призванных облегчить последние недели и дни покидающего этот мир человека. Всё было иначе. Совсем иначе!

Он так же, как и всегда, вставал без будильника рано утром – ну, может быть, теперь не в семь, как обычно, а в восемь часов – и, позавтракав, садился за письменный стол. До полудня он проводил время в самом счастливом для него занятии – работе. В работе над результатами экспериментов, очередной статьёй, книгой или составлением ближайших планов. Затем уходил на час гулять, обедал и ехал на работу, в свой отдел. Так что никто, посмотревший на него со стороны, никак не сказал бы, что человек этот вот-вот уйдёт из жизни. Да и сам Израиль Ицкович, спроси его кто напрямую о смерти, пожалуй, выказал бы удивление, а возможно даже, и возмущение такой странной темой. Но это внешне, а внутри...

Кому дано знать, что делается внутри человека, особенно такого, каким был Брехман?! Он крайне не любил распространяться на темы о собственном самочувствии, недомогании и тому подобном. И тем не менее он ясно осознавал, что с ним происходит что-то очень серьёзное. Такое, чего раньше никогда не было. И это «что-то» являлось не временным ухудшением здоровья и даже не грозным предынфарктным состоянием, с которым он детально познакомился накануне наступившего его 15 лет назад настоящего обширного инфаркта. Тут было что-то совсем иное, чего он не испытывал на протяжении всей своей интереснейшей и плодотворной жизни. Что-то такое, что стояло значительно выше, чем простое ухудшение самочувствия, накатывающая сердечная или иная боль. По масштабу это было сродни всей жизни, которая была за ним. Или... смерти, которая рано или поздно приходит на смену всякой жизни.

Да, человек, увы, смертен. И эта неотвратимая жизненная аксиома, загадка, неизбежность обязательного физического умирания – единственная, пожалуй, проблема, которую человечеству, наверное, не суждено разрешить никогда, – в один страшный момент вдруг встаёт перед каждым живым существом. Брехман был медиком, настоящим исследователем и учёным – у него на всё происходящее вокруг и с ним был свой взгляд. Начиная от случившейся в стране по инициативе Горбачёва перестройки и кончая предположением о наличии у него раковой опухоли, которое, к счастью, не подтвердилось. Поэтому, когда он вдруг начал чувствовать непривычную повышенную слабость, усталость и утомляемость, то задумался о своих 73 годах.

Бегство его еврейской семьи от погромов из маленького Бердичева и школьные годы в Самаре пролетели в памяти почти незаметно, потому что здесь ещё не было ничего, сделанного им, кроме разве что окончания школы с отличием. Принял решение поступать в Ленинградскую военно-медицинскую академию и успешно выдержал конкурс отличников, в котором было семь человек на место, – это он с полным правом зачёл в свой личный жизненный актив. Потом, ещё в студенческие годы, научная деятельность на кафедре фармакологии под руководством его любимого учителя Николая Васильевича Лазарева. То была настоящая исследовательская работа над искусственным препаратом, повышающим выносливость людей на фронте, который затем, во время войны, применялся на Черноморском флоте. После окончания академии – распределение на флот, на сей раз Тихоокеанский. Это уже был серьёзный, судьбоносный момент жизни, который вспоминался с улыбкой.

– А ты, орёл, на ТОФ поедешь, – злорадно сказал начальник курса молодому офицеру Брехману, увлечение которого наукой в ущерб строевым и военным занятиям сильно бросалось в глаза и отмечалось как серьёзный недостаток.

ТОФ – это Тихоокеанский флот, базирующийся во Владивостоке. Служить на краю земли после учёбы в Ленинграде было вроде ссылки. Но только не для Брехмана – ведь он поступал в академию с мечтами о морях и океанах. В его душе жила романтика.

– Саша, разберитесь там с женьшенем, – напутствовал его профессор Лазарев...

И Брехман разобрался. Да как разобрался! В итоге впервые в мире чудодейственный корень жизни был включён в государственную фармакопею СССР, стал официальным лекарством научной медицины, а

Совмин СССР принял специальное постановление о создании в Приморье совхоза «Женьшень» для обеспечения фармакологической промышленности соответствующим сырьём.

Причём «разбирательство» это проходило параллельно с плановыми исследованиями на флоте в области токсикологии, радиологии, испытаниями уже изученного стимулятора прозамина на кораблях и подводных лодках ТОФ, по материалам которых он защитил кандидатскую диссертацию. А увлечённый энтузиазмом молодого учёного и первыми результатами исследований экзотического корня жизни председатель Президиума Дальневосточного филиала АН СССР профессор Сладкевич открыл специальную лабораторию, послужившую базой для фармакологического изучения женьшеня, которой на общественных началах руководил Брехман.

В этом месте своего путешествия по океану памяти старый учёный взял с полки монографию «Женьшень», написанную им в те годы, и бережно стал перелистывать. Первая и потому самая дорогая книжка из тринадцати, написанных им за всю жизнь. Она знаменовала особый период в его научной судьбе – защиту докторской диссертации, демобилизацию в 1956 году из флота и чёткое определение смысла последующих незабываемых годов жизни. В научном смысле то был очень важный шаг вперёд – не зря ведь книгу перевели на японский и китайский языки, – кто-кто, а уж китайцы знают толк в корне жизни!

А жизнь свою уже тогда он окончательно решил посвятить науке, связав её с Дальним Востоком и уповав на то, что именно этот край, с его таёжными и морскими богатствами, есть настоящий лекарственный арсенал страны, а главное богатство человека – его здоровье. Уже тогда, почти сорок лет назад, когда в стране дела не было до истинного здоровья человека, за год до страшного термоядерного взрыва на Новой Земле, потрясшего (в прямом и переносном смысле этого слова) планету и показавшего всему миру, что конец света совсем не библейская выдумка, – за тридцать лет до Чернобыля, он всерьёз задумался о новой науке. Науке, призванной не лечить заболевшего человека, а сохранять его здоровье.

– Саша (именно таким, распространённым в России, а не сложным еврейским именем звала она его всегда в неформальной обстановке), идём обедать, – прервал поток приятных воспоминаний голос жены, – что с тобой стряслось? Я уже третий раз тебя зову, всё остыло...

– Да, да, Рита, – будто возвращаясь на землю из другого мира, отозвался учёный, – я уже иду. Извини, закопался в бумагах.

С этими словами он отложил в сторону книгу и направился на кухню. Но мысли, эти странные мысли о прошлом, о прожитых годах, отложить было невозможно. Непостижимым для него образом они вкрадывались в сознание и почти полностью занимали его. Вот и теперь, после вторгшегося в этот его внутренний мир голоса жены они не покинули его, а лишь преобразовались в воспоминания, связанные с ней – Маргаритой, которую полюбил ещё в школе, где они вместе учились, ни на кого никогда не менял и счастливо жил с ней вот уже более половины века.

Почему-то вдруг всплыли в памяти события тех дальних лет, когда они ещё не были женаты. Он только ухаживал за Ритой, но одновременно за ней ухаживал и другой мальчик из куда более обеспеченной и видной семьи – папа его был главным врачом клиники, а затем министром здравоохранения всей страны! А кто был отец Брехмана? Всего лишь старый еврей, портной по профессии, ставший партийным выдвиженцем и в этом качестве долгие годы возглавлявший медицинские учреждения Саратова. Но Израиль Ицкович был необычайно настойчив в достижении каждой поставленной перед собой цели, в том числе и в сердечной области.

– Рита, а помнишь, как лет пятьдесят назад, ещё до нашей женитьбы, ты собралась ехать в Москву? Там ты должна была увидеться с Юрой, который тоже ухаживал тогда за тобой, и я пришёл тебя провожать

на вокзал в Ленинграде, – неожиданно, после нескольких ложек грибного супа вдруг оторвался он от своих мыслей и обратился к Маргарите Андреевне.

– Конечно же помню. Тогда ещё было очень холодно, и ты всё беспокоился, не замёрзну ли я. Волновался, что я еду без шапочки и вообще легко, не по погоде одета. Ты ещё предложил тогда сбегать к своей бабушке, взять для меня тёплую шаль...

– А что это ты вдруг об этом вспомнил? – настороженно, но в то же время с улыбкой спросила она.

– Да так... Вспомнилось почему-то, – задумчиво ответил он.

– ...И ты принёс эту старенькую шаль. Я была ужасно тронута такой заботой – ведь ты провожал меня к своему сопернику – и взяла её с собой.

– Да-а-а, – тепло и ласково произнес Брехман, с любовью и незнакомой ей светлой грустью глядя на жену, – так давно это было, а кажется, будто вчера.

Они помолчали некоторое время, и Брехман опять стал погружаться в свои мысли.

– А ты знаешь, Саша, продолжение этой истории с шалью в Москве? – попыталась она вернуть мужа к приятной для неё и начатой им же теме. – Я тебе об этом никогда не рассказывала.

– Интересно, – оживился он, – что же за история?

– Нет, не история, конечно, – ответила она, – а так, небольшой эпизод... Приезжаю я в этой шали твоей бабки в Москву, встречает меня Юра – весь такой столичный, модный, разодетый – и, увидев её на мне, восклицает: «Это что? Что на тебе надето?! Я с тобой такой никуда не пойду!»

– Ну... а ты? – по-настоящему уже заинтересовался Брехман.

– Я ответила, что это его дело – ходить со мной или не ходить, – но я шаль не сниму...

Брехман как-то по-особенному посмотрел на неё и тепло улыбнулся: «Вот видишь, какая ты у меня умница».

– Ты знаешь, я ведь вас всё время сравнивала, тебя и Юру, – и этот эпизод, наверное, оказался решающим при выборе в твою пользу. А после того как вышла за тебя замуж, и Юра, и его папа всё никак не могли понять, почему же я предпочла тебя, а не его. Странные люди...

И снова муж одарил её в ответ приятной тёплой улыбкой.

– Спасибо, Рита, обед был замечательный, – сказал Брехман через несколько минут, вставая из-за стола. – Я пойду прилягу, а то как-то устало себя чувствую.

С этими словами он неспешно направился в свой кабинет, а Маргарита Андреевна принялась убирать со стола на кухне. Тяжесть, усталость и какое-то незнакомое внутреннее беспокойство не покидали его, наоборот, усилились, отчего он решил прилечь. Аккуратно поставив книгу о женьшене на своё место в шкафу, Брехман опустился на диван и, закрыв глаза, попытался переключиться на приятные воспоминания. На какое-то время это ему удалось, и он как бы заново переселился в чудесный мир исследований и открытий, который сам себе когда-то создал на ставшем ему родным Дальнем Востоке, с упоением развивал, углублял, жил в нём, хотя и с массой проблем и забот. Но всё же счастливо жил – с тем счастьем, которое только и может быть даровано творческому человеку и о котором втайне мечтают многие. Да только не многие его, такого счастья, достаиваются.

За женьшенем последовало другое растение дальневосточной тайги – элеутерококк, – оказавшееся по некоторым параметрам даже более эффективным, чем знаменитый корень жизни. После исследований

в лаборатории Брехмана, получения удивительных экспериментальных результатов и их обнародования началось победное шествие препаратов из этого таёжного растения по России и по миру. Элеутерококковая настойка, позволяющая человеку быстрее привыкать к новым, тяжёлым внешним условиям жизни и труда, повышающая общий уровень сопротивляемости организма, стала постоянным лекарством в аптеках. Нашла своё место в спорте и даже при подготовке космонавтов. Посыпались приглашения из-за границы, и Брехман выступал с лекциями об элеутерококке в университетах Англии и Франции, Германии и Швейцарии, Норвегии и Дании, Индии и Японии. Тут ему вспомнилось одно из них – давнее выступление в соседней с Приморьем Японии, где в Токио на пресс-конференцию после его лекции пришло столько народу, что все не уместились в отведённом для этого зале. И тогда сообразительные японцы оперативно организовали в соседнем помещении просмотр пресс-конференции по телевизионному каналу.

Сочетание крайне необходимых человеческому организму биологически активных веществ, содержащихся в том числе и в элеутерококке, с вредным для здоровья алкоголем особенно волновало Брехмана в его научной и исследовательской деятельности. Он всегда мечтал создать и подарить людям такой спиртной напиток, который сохранял бы привлекательные для человека алкогольные качества, но не имел бы присущих всем разновидностям крепкого алкоголя основных свойств: возможного отравления организма и вызывания привыкания к нему. Тем более в своей стране, где повальное пьянство и алкоголизм стали настоящим национальным бедствием. И здесь как нельзя более к месту оказался элеутерококк. Очень быстро нужный напиток с этим чудесным таёжным растением был создан. Назвали его «Золотой рог», но, увы, до народа он доходил мало – основными потребителями нового, «здорового» алкогольного напитка в родном Владивостоке стали партийные и государственные чиновники. Постоянно «Золотой рог» продавался только в закрытом буфете приморского крайкома партии. Но Брехмана эти присущие окружающему его обществу мерзости, возведённые в государственный ранг, волновали не сильно – ведь он был исследователем, а не борцом за политические идеи. Окрылённый первым успехом в важнейшей для здоровья российской нации области, Брехман пошёл дальше. Вскоре были найдены ещё более эффективные растительные добавки в алкоголь, и на новые разработки были получены патенты в 11 странах Европы, Америки и Азии.

После многочисленных и успешных лабораторных испытаний одного из новых напитков ему удалось пробить и в 1984 году начать его широкомасштабное исследование на людях в одном из районов Магаданской области. Оно было рассчитано на два года, стало уже приносить первые удивительные результаты и обещало радикальные перемены в этой традиционно больной сфере российского бытия. Но, как это водится в России, произошло нелепое и ужасное политическое событие – печально известное горбачёвское «антиалкогольное» постановление 1985 года, которое закрыло всё начатое масштабное исследование и обратило страну в хаос самогоноварения, безудержного потребления всего и вся, хоть как-то заменяющего дурманящий эффект почти запрещённого алкоголя.

При воспоминании о тех катастрофических для его антиалкогольных исследований временах учёный остро ощутил гнетущую боль в области правой лопатки и в сердце – будто нездоровое состояние его страны в те далёкие годы удивительным образом перешло в его теперешнее физическое недомогание – и, оторвавшись от прошлого, вернулся в настоящее. Открыл глаза и присел на диване. Помимо тяжести под лопаткой и сердечной боли он отметил увеличившуюся тяжесть в дыхании и лёгкое головокружение.

– Господи, неужели это то самое, о котором я всегда старался не думать, но которое приходит к тебе независимо от того, думаешь ты об этом или нет? – спокойно спросил он неизвестно кого.

Но ответа не получил.

– Надо съездить в госпиталь, провериться, – решил он через некоторое время, уже не возвращаясь в воспоминания, а только анализируя тревожные симптомы.

С этими мыслями он набрал номер своего давнего ученика и друга, который работал в военном госпитале и с которым он проводил некоторые совместные исследования на Тихоокеанском флоте.

– Что-то случилось, Израиль Ицкович? – настороженно спросил всегда отзывчивый, особенно к Брехману, Григорий Заяц.

– Да ничего особенного, просто мне немного нездоровится, – в том же неволнительном тоне ответил Брехман, – хочу на всякий случай провериться.

– Конечно, приходите, я буду до шести вечера – так что в любое удобное для вас время.

– Ты куда, Саша? – удивилась жена, зная, что по пятницам он в институт не ездит и вообще после обеда собирался отдыхать.

Не в характере Брехмана было перекладывать свои проблемы на окружающих его людей. Даже если это были проблемы со здоровьем. И даже если это был самый близкий его человек. Более того, он был так воспитан и так сложил себя, что считал: именно близкого человека и не стоит расстраивать подобными неприятностями. Даже когда у него несколько лет назад было подозрение на рак, он держал всё в себе и ни слова не сказал Маргарите. Продолжал, как и всегда, напряжённо работать. К счастью, тогда всё обошлось. Вот и теперь, когда жена спросила его о причине неожиданного ухода из дома, Брехман не стал распространяться о своих мыслях и самочувствии.

– Позвонил Сергей, мой заместитель в отделе, – что-то у них там не ладится в эксперименте, не могут разобраться – я съезжу ненадолго. Думаю, обернусь за полтора часа, – только это и сказал.

Выйдя на улицу, он не почувствовал облегчения от свежего воздуха, как это обычно бывало при простом повышении у него давления. Все симптомы только обострились, и гнетущее чувство неотвратимости наваливающегося на него чего-то очень тяжёлого и незнакомого охватило с новой силой. Заканчивалась пятница, народу в трамвае было много, и все шесть остановок до госпиталя Брехману пришлось простоять – несмотря на плохое самочувствие, он не мог позволить себе попросить кого-то уступить ему место, а добровольно никто этого делать не хотел. Да он через пять минут и забыл о том, что стоит. Глядя на серую толпу на улице и людей в трамвае, для которых столько времени он работал, но жизнь их всё равно не стала лучше, он вдруг вспомнил момент, когда за рубежом отказались использовать результаты его экспериментов.

Его группа исследовала тогда всевозможные безалкогольные напитки. Они взялись за весьма популярную на Западе пепси-колу и установили, что её употребление вместе со спиртным способствует повышению привыкания к алкоголю. Более того, даже если прекращаешь пить пепси, то привыкание сохраняется долгое время. Учёный считал эту проблему не только медицинской, но и государственной, и даже общечеловеческой. Поэтому он ознакомил американскую фирму с результатами своих экспериментов и предложил приобрести лицензию на полученное его лабораторией новое вещество, позволяющее снизить вредное действие популярного напитка. Брехмана и его помощника пригласили тогда в Соединённые Штаты, устроили шикарный приём, но лицензию не приобрели – дали осторожно понять, что любое изменение (пусть даже улучшение) существующего на рынке продукта может заронить в сознание потребителя мысль о том, будто ранее этот продукт был недостаточно хорош. А это уже серьёзный скандал, и никакая фирма на такое не пойдёт. Тем более когда речь идёт о напитке, продаваемом во всём мире!

«Мир несовершенен, – подумал Брехман с горечью, – и все усилия одного человека сделать его лучше вряд ли окажутся эффективными, если сам мир к этому не готов. Однако это не значит, что тот, кто может что-то делать, должен бездействовать. И совесть моя чиста – я сделал всё, что мог...»

Но тут же вспомнился другой, куда более приятный пример его общения с Америкой, когда результаты его работ были оценены по достоинству и принесли людям пользу. Некий бизнесмен-интеллектуал из

Штатов, заработавший колоссальные деньги на продаже так называемой «Кембриджской диеты», задумал выбросить на рынок нечто новое для здоровья, сделанное на основе каких-нибудь экзотических добавок. Этакий «эликсир жизни» на основе самых передовых современных разработок. Отыскав все работы Брехмана по биологически активным веществам дальневосточной тайги и по достоинству оценив их, он пригласил его в 1991 году для знакомства и консультаций в Сан-Франциско. То была сказочная история: впервые в жизни учёный общался с непрофессионалом, который прекрасно знал все его работы, разделял научные взгляды и задавал вполне профессиональные вопросы. А через год с небольшим состоялась уже презентация созданного американцем на основе дальневосточных лекарственных растений того самого задуманного им «эликсира жизни». Принимавшие препарат люди, среди которых было немало пожилых, страдающих депрессией, отсутствием воли к жизни и другими недугами, отмечали его чудесный эффект и подходили к Брехману со слезами благодарности.

«Нет, всё-таки в мире есть место справедливости и совершенству», – несколько изменил он свое предыдущее суждение, хотя сюда всё же добавлялась горечь недостаточного внимания к результатам его многолетних работ для здоровья людей в его собственной стране.

– И всё же, и всё же... В этих условиях удалось сделать почти невозможное. Удалось, нащупав основу существования человека без болезней, – по-настоящему здорового человека – определить основные принципы этого существования. Удалось внушить их нашему медицинскому сообществу и создать науку, которую в своих мечтах я видел уже очень давно... – так думал он, идя уже знакомым госпитальным парком, зеленеющим и благоухающим летней листвой и отчасти скрадывающим тяжёлую июльскую жару, что неожиданно для этого времени года опустилась на Владивосток.

В этот момент тяжесть навалилась с новой силой. Но он был учёным – исследователем, который всю свою жизнь занимался анализом наблюдаемого им: будь то сложный эксперимент над животными, действие нового препарата на собственный организм или происходящие в стране события. Поэтому, продолжая ощущать те же крайне неприятные симптомы, он и себя сделал объектом наблюдений, попытался взглянуть на себя, на всё, что с ним происходило, со стороны.

И с этой стороны он увидел усталое пожилое тело, хотя и идущее с высоко поднятой головой и гордой осанкой, но идущее медленно, тяжело. Более того, изнутри оно было подточено необратимыми возрастными и болезненными изменениями – уделом любого человеческого тела к этим годам, – периодически сигнализирующими о таком печальном факте сознанию. Причём два раза сигналы эти (подозрение на рак и случившийся пятнадцать лет назад инфаркт) были более чем серьёзными. Но провидение миловало его тогда.

– Да и как мог я тогда уйти, – отчётливо вырвалось в этот момент из потока сознания, – когда столько из задуманного ещё не было сделано?! А вот теперь уже третье предупреждение судьбы. Оно особое, сильно отличается от тех. И возможно, оно последнее.

Во власти этих странных мыслей подошёл Брехман к знакомому корпусу военного госпиталя. Главный физиолог Тихоокеанского флота Григорий Андрианович Заяц – давний его друг и соратник по научной работе – курил в этот момент на ступеньках. Подойдя к нему, Брехман протянул руку:

– Здравствуйте, Гриша...

Встречу эту Заяц запомнил навсегда – подобных у него в жизни не было.

– Добрый день, Израиль Ицкович, – ответил он. – В чём дело?

– Да что-то сердце вроде бы болит, – бесстрастно произнёс Брехман и, не останавливаясь, шагнул внутрь корпуса.

– Он прошёл мимо меня, – вспоминал потом Григорий, – как мимо шкафа... Как будто меня там не было. Хотя и поздоровался, и руку протянул, и даже обследоваться попросил, но всё это происходило как-то по инерции, и ощущение было такое, что всё для него уже ничто! Будто бы человек уезжает куда-то очень далеко и пришёл попрощаться... Естественно, мы тут же сделали ему УЗИ, ЭКГ, эхокардиограмму, и ничего катастрофического или даже очень тревожного эти обследования не показали – так, общие сердечно-сосудистые проблемы, свойственные практически любому человеку, когда ему за 70... С тем его и отпустили. Конечно, можно предположить, что после его смерти у меня многое «накрутилось» в голове с тем эпизодом, возможно даже, я действительно что-то сейчас чуть более эмоционально окрашиваю, но я отчётливо помню то необычное ощущение, которое оставила встреча с ним. Находясь рядом со мной, Брехман будто отсутствовал. Его не было уже!..

Дома царила небольшая суета – на завтра, на субботу были приглашены в гости несколько близких друзей, в том числе главный режиссёр одного из театров Владивостока Леонид Анисимов с женой. Маргарита Андреевна занималась готовкой на кухне, и некому было особенно приглядываться к Брехману. Пройдя в свой кабинет, несмотря на непроходящие ощущения сильной усталости и сонливости, он сел за письменный стол и автоматически подумал, за что бы можно было сейчас взяться поработать. И с удивлением понял, что все главные дела последнего времени в целом были сделаны: от многострадальной книги о его любимом учителе Лазареве, которую он писал почти двадцать лет, уже изданной и даже несколько недель назад подаренной вдове, до небольшой статьи «Всенародное движение за здоровый мир» для очередного валеологического конгресса. Более того, ещё раз окинув свою жизнь, он с каким-то смешанным сочетанием радости и грусти понял, что и главное дело последних лет – создание валеологии (новой науки о здоровье) – он фактически завершил. На первом национальном конгрессе по профилактической медицине, прошедшем в этом году в Ленинграде, его доклад на эту тему вызвал такой огромный интерес, что после выступления, уже в гостинице, к нему выстроилась очередь из участников конгресса, желающих выразить свою признательность и поговорить о новой науке. Он с улыбкой вспомнил, как после многочасовых этих разговоров о выстраданной им новой науке они стояли тогда вдвоём с женой в белой ленинградской ночи, вспоминали прошедшую в этом городе свою далёкую молодость и у него, опьянённого успехом и радостью, вдруг вырвалось само собой: «Подумай только, Рита, как я счастлив сейчас! Счастьем, которое только и может быть дано учёному: моя валеология живёт уже отдельно от меня, живёт своей самостоятельной жизнью...»

Тогда у него, по-мальчишески взъерошенного, купающегося в счастье, и в мыслях не было, что это может быть конец жизни, – какой конец, когда всё так здорово наконец пошло?! А сейчас вдруг такие тревожные симптомы и такие странные мысли. В них же – этих смешанных мыслях о своей жизни и теперешнем очень угнетающем физическом состоянии – незаметно прошёл вечер с ужином и традиционным сидением перед телевизором. Он ничего не говорил об этом жене – зачем расстраивать близкого человека разговорами о своих недугах и мыслях – и всё более ощущал давящую усталость и сильную сонливость. Пожелав ей около половины двенадцатого спокойной ночи и ласково попросив не увлекаться на ночь незавершённой ещё готовкой на завтрашний приём, он ушёл в свою комнату. Но не сразу потушил свет и лёг спать, а по заведённой традиции взял недочитанную книгу и попытался её почитать. В лежачем положении неприятные сердечные ощущения вроде бы поутихли, и он погрузился в чтение.

Через некоторое время он вдруг ощутил сильное сердцебиение и будто острое прикосновение холодным предметом где-то слева под ложечкой. Сразу за этим неприятно потянуло под правой лопаткой. Он осторожно встал, чтобы выпить лекарство, – и чуть не упал от головокружения. Появилась холодная испарина. Но всё же добрался до столика, где лежали медикаменты. Задышавшись, пошарив в пакете, нашёл нужное.

– Саша, что такое? – услышал из соседней комнаты обеспокоенный голос ещё не уснувшей жены. – Что стряслось?

Вслед за этим Маргарита Андреевна появилась около его постели.

– Да как-то не по себе, Рита, – уклончиво ответил Брехман, не желая беспокоить её среди ночи.

– Что значит «не по себе»? – заволновалась она и, так и не получив от мужа вразумительного ответа, достала тонометр.

Давление оказалось нормальным – ну, может, чуть повышенным. Брехман выпил лекарство. Ничего не слыша от мужа, но ясно видя по нему, что происходит что-то нехорошее, она произнесла: «Саша, я сейчас «скорую» вызову, потерпи немного».

– Не волнуйся, сейчас всё пройдет, – был его спокойный, как всегда, ответ. – Мне уже лучше.

Он попытался улыбнуться, но это у него плохо получилось.

Маргарита Андреевна обеспокоилась ещё больше и всё же решила вызвать врача. И дальше начались в их доме странные вещи. Телефон, который всегда исправно работал, в этот момент вдруг оказался молчащим, будто кто-то неведомый нарочно не хотел, чтобы кто-либо на этом свете вмешивался в судьбу Брехмана. Ничего не помогало, и ей пришлось бежать звонить к соседям. Когда через пять минут вернулась к мужу, он уже здорово отяжелел и не реагировал на обращения жены. Она всё поняла и тут же начала делать ему искусственное дыхание – рот в рот. Но это не помогло. В ужасе от происходящего, металась она возле бездыханного тела, не зная, что ещё сделать. Тут приехала «скорая». Врачи незамедлительно стали колоть различные лекарства, но в сознание Брехман уже не приходил. Не веря в происшедшее, Маргарита Андреевна не отходила от обездвиженного мужа. Плакала, всё вглядывалась в потерявшее жизнь дорогое лицо, трогала его застывшее, но ещё не окоченевшее тело.

– Саша, ты меня слышишь? Может быть, ты меня слышишь... – в отчаянии повторяла снова и снова, всё надеялась на чудо, когда, констатировав смерть, уже уехала «скорая» и застывшая за окном летняя ночь поглотила последние её надежды...

После ухода жены неприятная тяжесть под лопаткой и холод в области ключицы будто объединились и превратились в пронзительную боль во всей груди и в голове. Брехман едва ощущал свои похолодевшие и ставшие вдруг сильно влажными руки и ноги. Всё тяжелее было дышать. Он старался не закрывать глаза, но теперь уже и это было неимоверно тяжело, и, когда тупая боль в груди пошла в очередную атаку, он сомкнул веки. Вроде бы невыносимее уже быть не могло, но тут боль словно спиральным обручем сдавила всё внутри, да так, что невозможно было сделать вдох, – казалось, от любого, даже самого осторожного движения, всё внутри разорвется от этой боли, стиснувшей человека мёртвой хваткой.

– Это конец, – почему-то очень спокойно решил Брехман. – Да, это конец. Но зачем же так больно?

И в следующее мгновение случилось чудо. Одновременно с очередным сжатием стального обруча внутри, от которого все его мысли о пришедшем конце и о боли рассыпались, будто хрустальный фужер при ударе о паркет, страшная, леденящая тело боль вдруг исчезла, словно её вовсе не было, а появилась во всём теле удивительная лёгкость и свобода.

– Лекарство подействовало, – облегчённо подумал Брехман и открыл глаза.

Поначалу его поразило, что, не ощущая поднятия век, он вдруг оказался будто с открытыми глазами. Но это было не единственное, что могло поразить, – он не только не ощущал собственного дыхания, но и не ощущал своего тела, которое ещё несколько секунд назад испытывало такие невыносимые муки. Более того, начав видеть столь необычным образом, первое, что он узрел – себя самого, неподвижно, с закрытыми глазами лежащего на диване. Невозможно было понять, как происходит это видение – откуда, чем и с какой точки он зрит себя самого со стороны, – но так было.

Самым же поразительным оказалось то, что Брехман вдруг каким-то непостижимым образом увидел и свою жену, кричащую что-то в телефонную трубку у соседей. И весь заснувший у спокойного моря летний город Владивосток – достаточно было ему только подумать о ночи вокруг. И он перестал думать о лекарствах, о своих тяжёлых мыслях о конце, об удивительных вещах, происходящих с ним. Захваченный пьянящим ощущением лёгкости и свободы, неожиданно ставшими доступными ему поразительными возможностями сознания, он с восторгом окунулся в неизвестный ему раньше мир, где люди и предметы, мысли и надежды, прошлое и настоящее существуют одновременно и не требуют за это никакой платы.

В мгновение ока оказался он вдруг в своей лаборатории в родном Институте океанографии, где проработал много-много лет. И одновременно – в далёкой довоенной Самаре, куда их семья бежала из Бердичева, опасаясь еврейских погромов. И в Ленинграде, где учился в военно-медицинской академии, – тут же он увидел живым и здоровым своего любимого учителя Лазарева. А затем мгновенно перенёсся в Америку, где производили и продавали лекарства с его препаратами, и тут же побывал во всех странах, которые посещал на конференциях и симпозиумах. Было поразительно и захватывающе, что все эти путешествия и видения происходили одновременно, как бы перетекая одно в другое, существуя слитно, но в то же время каждое воспринималось как отдельное явление в едином калейдоскопе пространства, времени и цвета.

– Определённо, это конец, – ещё раз вернулись мысли к посетившей его совсем недавно теме. – Но какой-то не такой, который описывают испытывавшие смерть люди. Нет ведь ни длинного коридора, ни яркого света в конце его, а только лишь этот мгновенный полёт над миром, на манер персонажей с картин Шагала.

И снова чудесный калейдоскоп завертел его, и за доли секунды увидел он сына в соседней комнате, внуку в далёкой Японии, а затем в неуловимое мгновение оказался в Израиле, в котором никогда не бывал, но всю жизнь мечтал пройти путём Христа. Следующая картинка была уже из Петербурга, где в божественной белой ночи увидел он стоящих на ступеньках набережной Невы счастливых мужчину и женщину из далёкого мая 1945 года, опьянённых счастьем Великой Победы народа, полных ощущения грядущей жизни и надежд. И одновременно увидел столь же счастливых их же – из мая нынешнего 1994 года, вышедших к Неве после триумфального первого конгресса по новой науке, созданной им. И по-юношески взъерошенный, с горящими глазами старый человек произнёс: «...как я счастлив! Моя валеология живёт отдельно от меня, самостоятельной жизнью».

Эта картинка была последней в окошке чудесного калейдоскопа, и задержка на ней была больше остальных. Но вот все лица, места, события и чувства завертели с возрастающей скоростью – такой, что невозможно было разглядеть ничего подробно, и Брехман почувствовал прикосновение к себе чего-то неизмеримо доброго, тёплого и светлого, как будто его нежно и с любовью поцеловала давно ушедшая мать. Вслед за этим сам он куда-то стремительно полетел: то ли вниз, то ли к небу – было не понять. Но это его уже не волновало.

– Как я счастлив... я счастлив... счастлив, – звучали слова, от которых становилось радостно и спокойно.

И, полный этого всепоглощающего счастья и радости, он улыбнулся всей своей долгой и наполненной жизни, всему большому миру, который покидал и который сделал его таким счастливым...

А в это время плачущая и не желающая верить в случившееся его жена Маргарита Андреевна всё сидела возле дорогого безжизненного тела, прикасалась к нему и повторяла, как заклинание:

– Саша, Саша, ты меня слышишь? Может быть, ты меня слышишь...

И произошло невероятное: часа в три ночи, когда врачи уже констатировали смерть, но случилась она так недавно, что тело не успело ещё окоченеть, на эти слова жены на застывшем и бледном лице Брехмана появилась добрая, такая знакомая и дорогая ей улыбка.

Таким – недвижимым, но с тёплой, живой улыбкой на лице – и остался в её памяти самый дорогой человек. А когда через три дня состоялись похороны, на которые пошли продукты, купленные ею для субботнего приёма гостей, она рассказала все подробности той жуткой ночи близкому другу семьи, театральному режиссеру Леониду Анисимову. Он долго стоял в молчании, скорбя по ушедшему другу и сочувствуя рыдающей вдове. А затем произнёс:

– Не надо плакать, Маргарита Андреевна. То была не смерть, а поцелуй Бога. Он удостоился его всей своей жизнью, которую прожил ради познания и людей, и всем нам, оставшимся, надо ещё очень много сделать, чтобы заслужить подобное.

От этих хороших слов Маргарите Андреевне стало немного легче, и, вспомнив ещё раз невероятную улыбку, появившуюся на лице умершего уже мужа, она подумала, что и впрямь похоже это было на прикосновение к нему чего-то очень доброго и всепонимающего. Возможно, действительно, самого Всевышнего. И сердце её успокоилось.

Глава 6. Творчество

– Знаешь, что является самым большим грехом? – вдруг неожиданно спросил Платон по пути к трамвайной остановке.

– Интересно, что же? – равнодушно отреагировал я, захваченный врасплох таким вопросом.

– Не воровство, нет... И не измена. И даже не убийство. Самый большой грех – не реализовать то, что заложено в тебе от природы или от Бога, это кому как нравится...

Из разговора с другом

Обратный катарсис

Снежинок не было видно, но казалось, будто воздух наполнен мириадами тончайших иголочек, – они больно кололи руки, щёки, нос и вспыхивали разноцветными искрами в потоках жёлтого вечернего света. Мороз и вечер гнали в дома поздних прохожих, но у ярко освещённого входа старинного здания в самом центре Москвы былолюдно. Пританцовывая от холода, толпившиеся здесь дружно окружали каждого подходящего к парадным дверям и настойчиво спрашивали лишнего билетик. Впрочем, подобные вопросы можно было услышать уже у ближайшей станции метро. Небольшой, но чрезвычайно уютный зрительный зал Дворца культуры Московского университета не смог вместить

всех желающих послушать певицу, хотя и живущую в столице, но довольно редко появляющуюся здесь с концертами, и долго ещё после начала её выступления неудачники, так и не обретшие вожаемых билетов, безуспешно осаждали билетёров и непреклонного администратора.

В безумной круговерти эстрадного потока, захлестнувшего в последние годы радио, телевидение и концертные площадки, где не только лица, но и манеры и голоса многих исполнителей настолько похожи, что сливаются в одну сценическую маску, кажется, невозможно даже на короткое время остановить внимание на ком-то одном. Уж не говоря о том, чтобы сколько-нибудь долго проследить творческий путь этого артиста. И тем не менее есть в этом потоке удивительные исключения – подобные крохотному алмазу, странным образом попавшему в обрамление дешёвого кольца и неизменно привлекающему взгляд своим особым светом, изысканной огранкой. К ним относится народная артистка России Елена Камбуrowa, с одного из концертов которой я начал свой рассказ. Она вроде бы без шума вошла на советскую эстраду во второй половине шестидесятых, но сразу обрела свою аудиторию, и её концерты стали собирать полные залы от Москвы до Владивостока. Голос и исполнительская манера певицы, если человек хоть раз её слышал, узнаётся сразу же, будь то просто выступление по радио, песня за кадром в художественном фильме или детском киножурнале «Ералаш». Как однажды отметил мой приятель, пишущий об искусстве и, кстати, не являющийся поклонником Елены Антоновны, «её можно любить и не любить, признавать или нет, но одно о ней можно сказать совершенно точно – другой такой певицы на нашей эстраде нет!»

Когда я первый раз побывал на её концерте – произошло это в начале 80-х годов, – меня поразил список авторов песен и баллад, исполняемых Камбуrowой: Марина Цветаева и Владимир Маяковский, Пабло Неруда и Фёдор Тютчев, Новелла Матвеева и Булат Окуджава, Владимир Дашкевич и Юрий Левитанский. Тогда такой репертуар на эстраде был не только интересен, но и вызывающе смел. Но Камбуrowa не могла изменить себе. Песни, которые она поёт, не из тех, под которые можно стирать и готовить обед, ругаться с женой и отчитывать ребёнка или просто спать, – они неизменно заставляют думать и волноваться, создавая редкое внутреннее состояние, когда работает мозг и дышит душа. И хотя репертуар и авторы постоянно меняются, эффект остаётся неизменным.

Рояль и гитара на сцене, разумное использование звуковых и световых эффектов – таков нехитрый и практически неизменный антураж выступления Камбуrowой. Но главное – голос и душа певицы, благодаря которым и возможно то, что называется прекрасным звучанием песни, ради чего зрители приходят в зал. Какую бы песню она ни пела – известную и неоднократно слышанную в другом исполнении или совсем новую, – чувствуется колоссальная внутренняя работа, особый подход к каждой. Этот редкий союз – душа и голос – даёт возможность услышать в её песне звучание стозвонного колокола и почувствовать тоску цыганских напевов, увидеть мерцание свечи в окне и ощутить горьковатый запах черёмухи. Он позволяет счастливому слушателю и зрителю путешествовать во времени и пространстве, испытывать чувства неизвестных нам людей, заглядывать в неизведанные глубины собственной души.

Простите меня за некоторое отступление в мир искусства и несколько тёплых слов в адрес любимой певицы. Однако зачем я сделал это? Неизменный успех Камбуrowой на протяжении десятилетий и её неповторимость говорят о ярком таланте, а что может быть интереснее, чем понять истоки этого дара? Одни утверждают, что он от Бога, другие – от природы, третьи – что он приобретается в процессе изнурительного ежедневного труда.

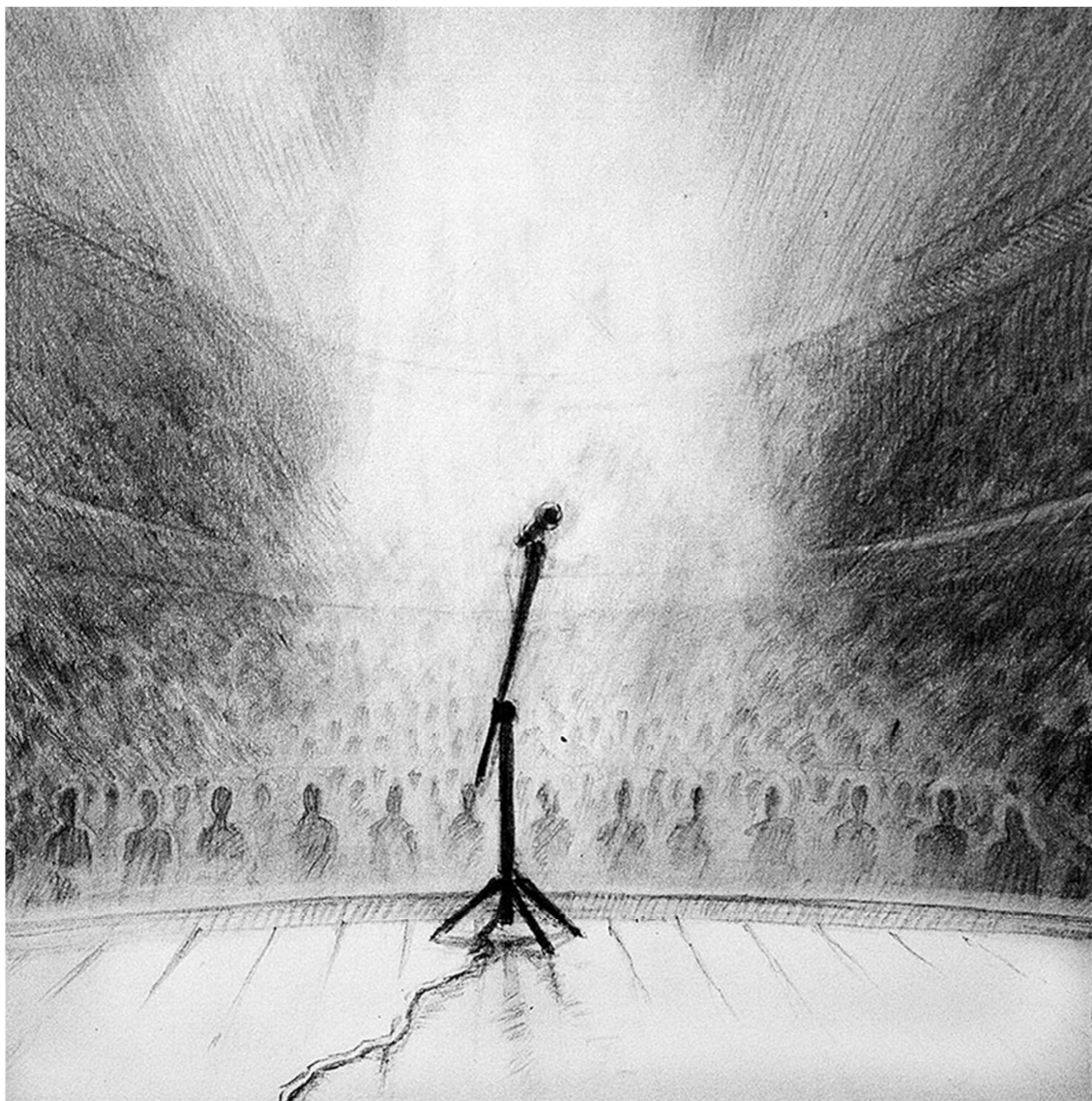
Всё это так, но в жизни певицы была ситуация, тяжелейшая для неё стрессовая ситуация, которая не только заставила страдать, но и подобно яркому лучу на короткое время рельефно высветила её духовный стержень. Но самое главное, что бывает очень редко, показала ей самой эту скрытую от многих собственную суть – экзистенцию, говоря языком философов.

Маленькая девочка Лена росла в небольшом провинциальном украинском городе Хмельницком в образованной, интеллигентной семье (папа – инженер, мама – врач). С самого детства очень любила

слушать песни в исполнении популярных в те годы советских певиц Гелены Великановой и Майи Кристалинской. Ах, боже мой, сколько девочек мечтает в школе стать актрисами! Но кто из них потом становится ими? А уж выдающихся можно по пальцам пересчитать.

Уже в школе будущие актёрские интересы Лены Камбуровой определились совершенно чётко. И в десятом классе состоялось её первое публичное выступление, которое запомнилось ей на всю жизнь и, смею утверждать, в значительной мере определило будущее. Она готовилась к концерту, где в сравнительно небольшой сценке должна была произнести короткий монолог.

– Я не отношусь к числу людей, для которых не существует психологического барьера выхода к зрителю, – вспоминает сама Елена Камбурова давнее событие своей жизни. – Не каждому дано преодолеть его сразу. Готовясь к тому, первому моему выступлению, я, конечно, безумно волновалась. Всё, что я должна была сделать на сцене, было продумано и отрепетировано до мелочей. Меня можно было разбудить в любое время ночи, и я без запинки отбарабанила бы выученное. Но когда вышла на сцену, оказалась один на один с затихшим и глядящим на меня сотней глаз залом, одна на ярко освещённой сцене, на меня вдруг напало нечто совершенно мне незнакомое и непонятное до той поры. Я впала в настоящий шок, при котором я вроде бы всё видела, всё понимала – в том числе и то, для чего я на сцену вышла, – но абсолютно ничего не могла с собой поделать. Он буквально парализовал меня, я так и не смогла произнести ни слова из подготовленного и тщательно отрепетированного монолога и в слезах покинула сцену, такую желанную для меня, но сыгравшую со мной столь страшную шутку. Трудно сказать, что подумали тогда зрители, но я отчётливо вдруг поняла удивительную и неизвестную мне доселе вещь: выход на сцену – это величайшая ответственность! Ведь ты занимаешь у людей время, ты обязан им сказать нечто такое, чего они не знают, и сделать это ты обязан как можно яснее. Именно для этого и выходишь туда. Конечно же, излишняя ответственность может сослужить и двоякую службу – часто она серьёзно мешает, – но по прошествии стольких лет после того памятного моего выступления я всё равно глубоко убеждена, что ответственность перед зрителем должна существовать у любого артиста. Подобно фундаменту, без которого самый красивый дом может быстро рухнуть...

Как один вздох, как короткое мгновение пролетают полтора-два часа концерта Елены Камбуровой. И когда затихает заключительный аккорд, растворяется в тишине зала последняя нота, долго не можешь выйти из удивительного мира её песен, где всё так живо и волнительно, и лишь громкие аплодисменты восхищённой публики возвращают тебя к действительности.

Так шокирующее событие в далёкие школьные годы, принесшее девушке, мечтающей стать артисткой, большие переживания и страдания, чудесным образом подействовало на формирование её отношения к будущей профессии. И установило планку, ниже которой Лена не позволяла себе опускаться никогда. Есть у психоаналитиков такое понятие – «катарсис». Это когда человек, переживший в прошлом какое-то тяжёлое, стрессующее событие и получивший из-за него нервное расстройство (причём зачастую он не осознаёт их связь), вводится врачом с помощью гипноза (или каким-то другим способом) в то, прошлое состояние, заново его переживает, очищается таким образом и освобождается от нервного расстройства. Так вот у Камбуровой произошло нечто, что можно назвать «обратным катарсисом», – она сначала, в юношеском возрасте бурно пережила то, что, как правило, испытывает каждый артист перед выходом на сцену, а потом это её первое переживание стало прекрасным и организующим ориентиром в последующей профессиональной работе на сцене. Понятно, здесь никакой психоаналитик не требуется, поскольку этот катарсис идёт на пользу и артисту, и зрителю. И никакого вреда психическому здоровью человека он не несёт.

Ситуация, между прочим, нередкая, а для людей творческих профессий являющаяся довольно частой. Им время от времени просто необходимо испытывать какие-то сильные стрессы, дающие всплески

ярких эмоций (из бытовой, личной или профессиональной сферы), чтобы сохранять в себе ощущение остроты жизни и возможность творить. Мне довелось познакомиться с необыкновенным учёным, автором большого открытия, который не только не мог существовать и работать без подобных ситуаций, но и, на мой взгляд, сам себе создавал, когда их не хватало.

Вызов

Всё, связанное с человеком, о котором я хочу сейчас рассказать, – научная деятельность, общение с коллегами и другими людьми, личные отношения, сама его жизнь – оставляет непреходящее ощущение парадокса и звенит, а порой и рвётся, как запредельно натянутая струна при малейшем прикосновении. Известно, что люди, занятые творчеством, – художники, писатели, музыканты, учёные – существуют порой как бы в особом, отличном от окружающего мире. Живут по другим законам, а порой будто бы в других пространственных и временных измерениях. Но я и представить себе не мог, что это может принимать такие запредельные размеры.

Отлично помню, как летом 1986 года мой шеф Олег Мороз, заведующий отделом науки «Литературной газеты», где я в то время работал, пригласил меня к себе и в свойственной ему внешне равнодушной манере (как бы между прочим) бросил:

– Тут есть один учёный – зовут Меклер... Э-э-э... Лазарь Борисович Меклер. Он сделал, как утверждают некоторые, какое-то открытие в области молекулярной биологии... Съезди поговори с ним, разберись, что к чему. Ты же по образованию биолог – может, получится статья. Запиши телефон...

Мой первый визит в квартиру-лабораторию Меклера в июле того года врезался в память, как осколок разорвавшейся гранаты врезается в живую плоть и если не убивает наповал, то оставляет неизгладимый след на всю жизнь. Жильём это восемнадцатиметровое помещение можно было назвать только потому, что пятерым его обитателям (кроме Лазаря Борисовича и его подруги-соратницы, соавтора Розалии Идлис, здесь проживали трое их несовершеннолетних детей) приходилось в нём и есть, и спать, и играть.

Но главным здесь всё же была работа. О ней сразу заявляли громоздящиеся под потолок самодельные шкафы-полки: с журналами, книгами, оттисками статей из научных журналов, опубликованными и ждущими своего часа рукописями; объёмными моделями различных белков человека и животных, растений и простейших, микроорганизмов и вирусов. Бумажные и пластмассовые, из проволоки и картона, самодельные и изготовленные из моделей атомов зарубежного производства, собранные руками двух хозяев этой необычной лаборатории – «лаборатории теоретического естествознания», как называли они её сами. Уверен, подобной не найти нигде в мире. К тому времени Лазарь Меклер более пятнадцати лет работал в ней, не пользуясь никакой организационной и финансовой поддержкой официальных научных учреждений.

Однако ещё более поражала не столь странная обстановка для научной работы, а то, над чем работает этот человек и его соратница, достигнутые ими результаты. Не могу забыть, как на протяжении почти семичасового изложения идей и положений концепции, разработанной Меклером, в моём сознании попеременно вспыхивали только две полярные мысли:

– Я слушаю речь безумца.

– Нет, это идеи великого мыслителя, подобного Леонардо, Циолковскому или Эйнштейну, который появляется один в столетие.

На острие этих противоречивых впечатлений, признаюсь, я пребываю порой и поныне, когда думаю о Меклере и вспоминаю свои встречи с ним, хотя учёного этого уже нет в живых. Ну как следует понимать человека, который совершенно свободно чувствует себя не только при обсуждении вопросов

молекулярной биологии, где он является первоклассным профессионалом, но и в таких областях, как, например, космология или современная политическая и военная обстановка в мире?!

Непривычный к такому напору интереснейшей и специализированной информации, какую обрушил на меня Лазарь Борисович в первую же встречу, я уже к четвёртому часу нашей беседы начал испытывать сильнейшую усталость и головную боль от потребованного предельного умственного напряжения, чтобы хоть как-то понимать излагаемое моим собеседником. А когда под вечер покидал лабораторию, то голова у меня просто раскалывалась от колоссального объёма впитанного за прошедшие часы необычного материала. Я думал, что далее у меня закономерно возникнет чувство отвращения ко всему, связанному с Меклером, – такое бывает, когда в тебя подолгу пытаются вбить бредовые идеи, – но случилось совершенно противоположное. Ближе к ночи я вдруг ощутил, что голова моя заработала так, как не работала никогда раньше. Изложенное Меклером будоражило, заставляло снова и снова возвращаться к нему, я почти физически ощутил, как моё мышление начало работать совсем по-иному, по-настоящему. Наступило какое-то просветление в сознании, и мне снова захотелось увидеть этого человека и слушать, слушать его дальше. Наши встречи и разговоры продолжились.

Физико-химик по образованию (он с отличием окончил химический факультет МГУ, одновременно начал учиться и на биологическом, но этому помешала война), он с первых дней своей научно-исследовательской деятельности задумался над такими «простенькими» вопросами, как «Чем живой мир отличается от неживого?» и «Каково предназначение во Вселенной жизни вообще и разумной жизни в частности?». И поиск ответов на них сделал делом своей жизни, бросив, таким образом, первый серьёзный вызов окружающей нас природе, важнейшим тайнам мироздания.

В середине 80-х годов человечество впервые всерьёз столкнулось со СПИДом, справедливо названным «чумой XX века», и Меклер взбудоражил всех заявлением о возможности создания лекарства против этого страшного заболевания на основе разработанной им оригинальной теории и технологии получения принципиально новых синтетических вакцин. Но даже это на фоне фундаментальных вопросов бытия, которыми занимался Меклер, выглядело каким-то мелковатым делом. Однако и его было вполне достаточно, чтобы воскликнуть: «Блеф! Такое может утверждать разве что сумасшедший», – до такой степени это казалось тогда невероятным.

Ирония судьбы: первая его опубликованная в «Докладах АН СССР» статья, посвящённая выяснению природы тяжелейшего психического заболевания, шизофрении, и давшая начало всей будущей теории, вышла... из Института психиатрии АМН СССР. А вскоре он, автор статьи «Механизм биологической памяти» в престижнейшем английском научном журнале «Нейчур», где развивалась и обобщалась та же проблема, получил лестное предложение из США написать на эту тему книгу в серии «Пионеры психиатрии».

Но что же такое сделал Меклер?

Подробный рассказ о его открытии, позволяющем заглянуть в самые сокровенные тайны живого, не является здесь главной моей целью – это тема для отдельной захватывающей книги, – потому ограничусь самым малым, без чего не обойтись. Начав свои работы в середине 50-х годов XX века и продолжая их с 80-го года в соавторстве с математиком-программистом Розалией Иддис, он, по-видимому, сделал крупнейшее открытие в естествознании. В поисках законов, по которым из малых органических молекул, самопроизвольно возникавших на молодой Земле при переходе её из химической стадии в биологическую, появились живые клетки, а затем и многоклеточные организмы (в итоге – Человек разумный), они открыли общий закон, управляющий этим уникальным процессом, – его общий код. Согласно ему природа из малых молекул (нуклеотидов, аминокислот, сахаров, жиров и других) строит ДНК, РНК, белки, другие биологические полимеры и их комплексы друг с другом. И согласно этому же коду названные компоненты любых живых клеток и организмов функционируют, взаимодействуют друг с другом и прочими веществами. Авторы назвали его «общий стереохимический – генетический – код».

Созданная Меклером (в соавторстве с Идлис) на основе открытого кода теория есть, по его мнению, не что иное, как проявление совокупности законов, по которым природа строит живые организмы и согласно которым они существуют. С известными законами физико-химической биологии и всей биологии эти законы соотносятся примерно так же, как общая теория относительности, разработанная А. Эйнштейном, соотносится с законом Всемирного тяготения И. Ньютона.

Утверждения эти столь серьёзны и претендуют на такое место в науке, что впору воскликнуть: «Экая самоуверенность! А где достоверные подтверждения, что так оно и есть?»

Ну, во-первых, для безоговорочного принятия принципиально новых научных теорий требуется время, иногда весьма значительное. Тут следует вспомнить, что и Эйнштейн, выдвинув положения своей знаменитой теории, не мог априори утверждать, что всё в ней верно. Он и Нобелевскую премию, между прочим, получил формально за менее известные и значимые открытия законов фотоэффекта и «теоретические исследования в области физики», – и это только потому, что далеко не все учёные приняли тогда теорию относительности. Во-вторых, единственным критерием справедливости любой теории на стадии её выдвижения и обсуждения может быть лишь научная добросовестность и авторитет автора. Что касается добросовестности, то даже противники идей Л. Меклера не ставят её под сомнение. О научном же его авторитете говорили публикации учёного. Более полутора сотен теоретических научных статей в нашей стране и за рубежом, в том числе и восемь публикаций в самом, пожалуй, престижном для учёных журнале «Нейчур», в котором помещаются только открытия и гипотезы фундаментального характера и результаты сугубо оригинальных, ключевых экспериментальных исследований.

Имелось ещё одно поразительное и весьма существенное доказательство научной состоятельности Меклера. Это положительные отзывы, написанные известными отечественными учёными, побывавшими в его надомной лаборатории и детально ознакомившимися с ведущимися здесь работами. Я позволю себе привести лишь один, выбранный практически наугад, подписанный директором института Молекулярной генетики, доктором физико-математических наук, профессором МГУ М. Мокульским:

«Со времени возникновения нынешних представлений о молекулярной природе жизни существует вопрос о том, как линейные макромолекулы «сворачиваются» в свою специфическую пространственную форму и как из них собираются надмолекулярные комплексы. Очевидно, что разрешение этого вопроса означало бы огромный прогресс в науке о жизни, её происхождении, дало бы огромные возможности управления процессами биологической самосборки. Л. Меклер и Р. Идлис в течение многих лет исследуют эту важнейшую проблему... Как член одной из прошлых Комиссий (созданной Академией наук СССР в 1985 году), я знакомился с этими работами, неоднократно говорил о них с авторами и могу считать, что имею некоторое представление о них, об истории вопроса и о нынешнем положении дел. Считаю, что в этих работах содержатся чрезвычайно интересные идеи и получены важные результаты. По масштабу рассмотренных задач и перспективам эти работы сильно выделяются на общем фоне сегодняшних работ по молекулярной биофизике... Л. Меклер и Р. Идлис проделали огромную работу и смело сформулировали несколько общих принципов, управляющих, по их мнению, на молекулярном уровне процессами биологической организации. Уже одно это делает их исследования ценными даже в том случае, если те или иные конкретные утверждения окажутся неверными».

Эти отзывы, числом перевалившие за сто, после ознакомления с идеями и работами Меклера читаются как увлекательное научное и фантастическое произведение одновременно. Фантастическое – поскольку многие положения теории непринуждённо опровергают существующие догмы молекулярной биологии, генетики и смело устремляются в далёкое будущее; научные – потому что многие их теоретические предсказания уже подтверждены результатами экспериментов у нас и в мире. Под отзывами стоят подписи известных в своих областях науки учёных: генетиков и биохимиков, иммунологов и

вирусологов, биофизиков и молекулярных биологов, химиков, физиков и других. Как в чудесном калейдоскопе мелькают имена, должности, звания: старшие и главные научные сотрудники, заведующие лабораториями и директора институтов, кандидаты и доктора наук, профессора, члены-корреспонденты и академики большой и медицинской академий, отечественные и зарубежные учёные. Феерическая картина!

Поражённый ею, я спросил тогда у Меклера полушутя-полусерьёзно:

- А не обладаете ли вы талантом гипнотизёра? Зазываете к себе учёных – и тут им сеанс внушения!
- Единственный наш гипноз вот в чём! – совершенно серьёзно воскликнул мой необычный собеседник и начал извлекать из шкафов и красочной коробки из-под тульского самовара нечто свёрнутое из разноцветных бумажных и проволочных лент и витиевато закрученное. – Это модели трёхмерных молекул белков инсулина, рубредоксина и двух белков-регуляторов считывания ДНК, только лишь четыре из многих десятков, построенных мною и Розалией Григорьевной вручную, согласно открытому нами коду.

В конце XIX века Ф. Энгельс дал такое блестящее определение: «Жизнь – есть способ существования белковых тел...» Здесь же, в этой маленькой однокомнатной квартире, двое учёных в совершенно неподходящих для серьёзных научных исследований условиях и плохо подходящих вообще для жизни сделали смыслом своего существования раскрытие тайны этих самых белковых тел. Тайны взаимодействия друг с другом тех главных кирпичиков жизни, к разгадке которой молодая наука – молекулярная биология, возникшая с открытием Уотсоном и Криком законов построения двойной спирали ДНК, и по сей день не может подобрать ключ. А они его подобрали! Используя открытый ими код, можно, например, всего за несколько дней получить модель объёмной структуры практически любого белка. Кстати, на такую же работу в лучших лабораториях мира и с применением самого совершенного метода рентгеноструктурного анализа тратятся месяцы интенсивной работы!

– Эти модели динамических макромолекул биологических соединений, строящиеся согласно нашему коду и разработанной на его основе теории, – увлечённо объяснял мне Лазарь Борисович, – не только показывают всю трёхмерную структуру белка. Они позволяют нам на атомно-молекулярном уровне понять, как в организме работают настоящие молекулы белков: ферменты, гормоны, антитела (белки, одна из важнейших функций которых – защита организма от инфекционных агентов), другие соединения, и увидеть, как движутся рабочие узлы и детали этих биологических микромашин. Ещё – как и почему в процессе их жизни изменяется их форма, откуда и каким образом подводится энергия, необходимая для работы, и как она трансформируется из одной формы в другую. А также – как и почему в ответ на требования, предъявляемые живым организмам средой их обитания, включаются, выключаются, размножаются или, наоборот, вырезаются за ненадобностью гены, кодирующие эти белки...

Вот это и есть тот самый гипноз, вернее шок, которому сотрудники лаборатории теоретического естествознания подвергали своих посетителей-оппонентов. А далее следовала увлекательнейшая многочасовая научная лекция, которую Лазарь Борисович читал пришедшим. Читал с удивительным для 66-летнего человека юношеским задором и эмоциональностью, но со строгой аргументацией и последовательностью. Единственная плата, которая взималась со слушателей, – написать своё мнение об услышанном и увиденном, независимо от того, положительное оно или отрицательное. Так набралось несколько толстых папок с отзывами. Любопытно, что замечания оппонентов незамедлительно шли в дело – они служили для корректировки работы исследователей, которые считали своим долгом внимательно разобраться в любых замечаниях, если они достаточно аргументированны, и учесть их в дальнейшем.

Всё это я рассказываю только для того, чтобы стало понятно: в России во второй половине XX века Лазарем Меклером (в последние годы в соавторстве с Розалией Идлис) было сделано крупнейшее

открытие в области естествознания – открытие, намного опередившее современную науку, позволяющее по-новому взглянуть на процессы жизни и ведущее к совершенно фантастическим практическим результатам. Получи он тогда возможность широкомасштабных работ на государственном уровне, возможно, мы уже имели бы эффективные вакцины против гриппа, рака, СПИДа и многих других вирусных заболеваний.

Сейчас этого учёного, переехавшего в середине 90-х годов в Израиль, уже нет на этом свете. Трудно точно сказать, когда наступит момент готовности человеческого и научного общества к пониманию и признанию его идей. Но независимо от этого чрезвычайно интересно и познавательно проследить, как в полностью тоталитарной коммунистической стране – Советском Союзе, где главной функцией государственной системы было подавление личности, стало возможным такое открытие, в фундаменте которого лежит именно максимальное творческое проявление особенностей гениальной личности.

Итак, как я уже и говорил, вся научная деятельность Лазаря Меклера – как, впрочем, и вся его остальная жизнь – состоит из глубочайших парадоксов и необъяснимого с общепринятых позиций. Он был лишь старшим лаборантом, а труды его печатались в знаменитом английском «Нейчуре» (до страниц журнала тут доходит один из ста присланных материалов, а написанные в СССР вообще появлялись считанные разы в год). Известные советские учёные ещё в середине 50-х годов оценивали его диссертационную работу как крупное научное событие, как труд, намного превосходящий уровень докторской диссертации, а он подходил к своему 70-летию только со степенью кандидата наук. На публикации Меклера поступили из-за рубежа тысячи запросов, а он, продолжая интенсивно работать, не печатался к 1987 году более пяти лет. В чём тут дело?

– Он сумасшедший, – говорили одни.

– Гений, – заявляли их оппоненты.

И те и другие, полностью подтверждая моё первое представление о Меклере, приводили веские аргументы в свою пользу, но никто не обвинял учёного в некомпетентности или шарлатанстве, хотя наряду с самыми восторженными отзывами встречались довольно осторожные и даже активно неприязненные оценки. Что ж, сомнения и противоположные взгляды – нормальное дело в научном мире, но при чём же здесь практически полное выключение неординарного учёного из научной жизни целой страны?

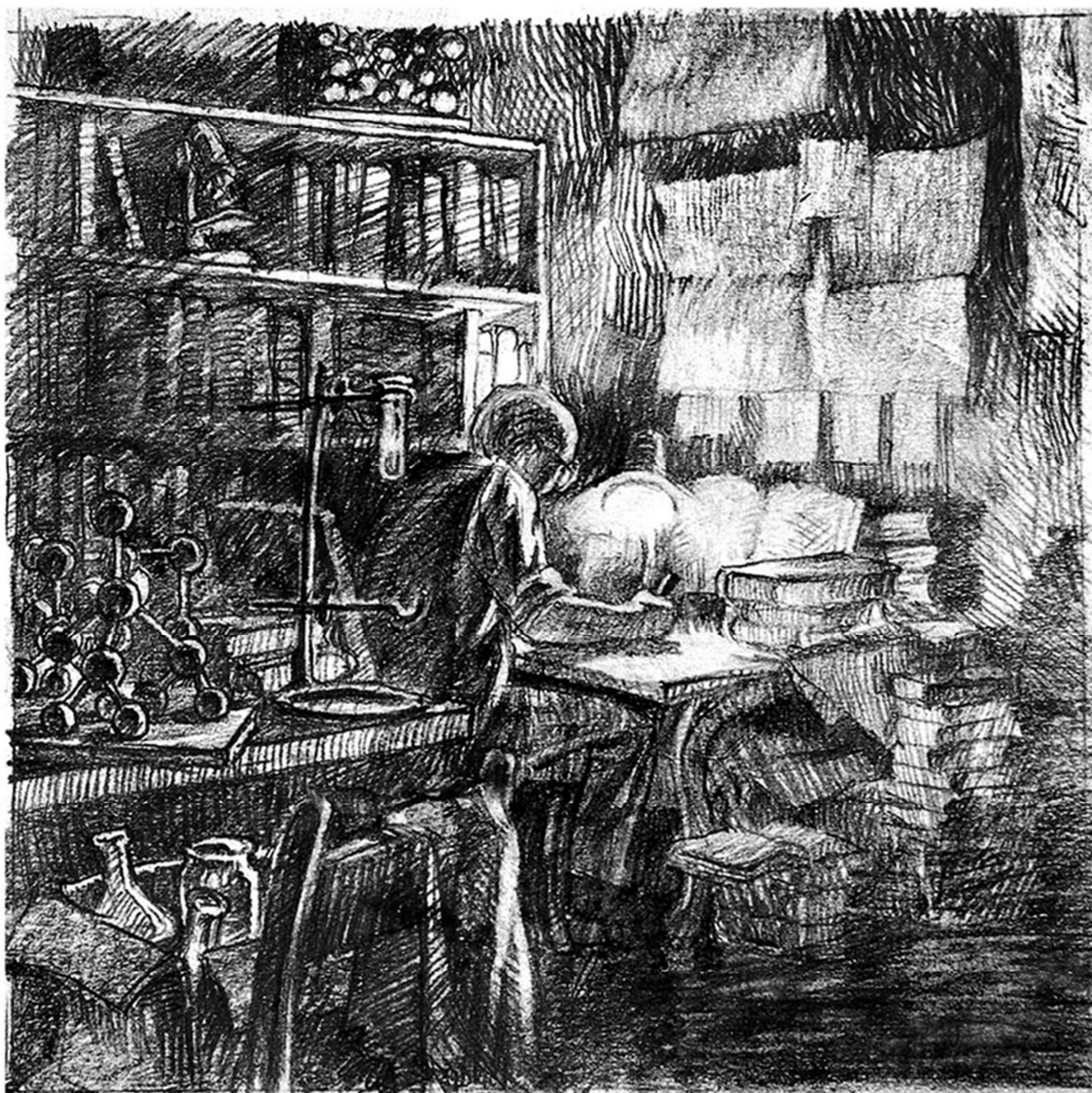
Весь трагизм ситуации в характере Меклера, – объясняли мне знающие все тонкости этой необычной истории учёные, – максималистском, колючем, нетерпимом. В его полном неумении быть дипломатом хотя бы иногда. Он мог принести в солидный научный журнал статью объёмом в 50 страниц и, когда её с радостью принимали, наотрез отказаться, поскольку для печати требовалось не более 10 страниц, а он не желал поступиться и строкой. Работая в Онкологическом центре АМН СССР, мог без раздумий на представительном учёном совете во всеуслышание заявить, что завлаб Н. «даром штаны протирает и за 10 лет ничего путного в науке не сделал». Мог задержать летом намеченный отпуск своим подчинённым только потому, что заканчивался важный многолетний эксперимент, и сотрудники (включая и его самого) работали у него до ночи. Не всем, естественно, это нравилось.

Неудобные люди. Неуживчивые, создающие напряжённость в коллективах и большие неудобства для начальников и чиновников, – как борются порой с ними, как упорно стараются переделать или, если не получается, выжить! Прекрасно зная, что личности неординарные, занятые лишь своим делом, полностью ему отдающиеся и считающие его самым важным ни свете, не умеют и не желают ни притворяться, ни лицемерить, ни лавировать. И поэтому в конце концов, несмотря на их отчаянное сопротивление, от них всё же избавляются. Ибо в закулисной борьбе, в подлых служебных интригах такие действительно более всех уязвимы. А избавившись наконец от такого неудобного, вздыхают с облегчением, успокаивая себя и окружающих тем, что, мол, общее дело от этого только выиграло, а незаменимых не бывает.

Бывает! Такова диалектика таланта: с ним и вправду нелегко работать бок о бок, но без него теряется то главное в науке, чего не может восполнить и целый батальон посредственностей, послушников, – творчество, свободный полёт фантазии одарённого человека. Лазарь Борисович Меклер был именно таким человеком.

В начале 1975 года ему всё же пришлось окончательно уйти из Онкологического центра АМН СССР, где он в то время работал. Уйти в результате умело организованной кампании по жалобам недовольных подчинённых – тех самых, которым он в интересах важного эксперимента задерживал отпуск. Он попытался сопротивляться, его поддержали и некоторые учёные – возник скандал, в результате которого Меклер был восстановлен на работе приказом аж самого президента медицинской академии наук. Однако неуживчивый учёный настолько допёк руководство центра, что от него решили избавиться любым способом. Президенту подчинились, уволенного восстановили в должности, но поставили условие: или он полностью отказывается от продолжения работ в прежнем направлении – в области биологии опухолей и биологии вообще – и будет заниматься только прикладной органической химией, или уходит из Онкологического центра по собственному желанию (и, намекали, – из науки вообще). И это притом, что помимо решения президента АМН было принципиальное согласие Госкомитета по науке и технике Совмина СССР не только финансировать продолжение его исследований в прежнем направлении, но и поддержать в прикладном плане: расширить их для завершения начатой работы по получению злокачественных клеток – продуцентов биологически активных, лечебных препаратов, в том числе и антител. Не финансировали, не поддержали, не расширили. Эти самые антитела в скором времени были получены за рубежом и названы гибридомами, за них получили Нобелевскую премию. А Меклеру и впрямь пришлось выбирать.

Что сделал бы на его месте обычный человек? Впрочем, вопрос-то некорректный, поскольку обычный, нормальный с общепринятых позиций человек, до такого вряд ли дошёл бы: он либо покорно согласился бы на предложение руководства, сохранив место, либо перешёл бы в какое-то другое, аналогичное учреждение. Но бросить начатое в самом конце пути, да и вообще бросить начатое, да ещё и под чьим-то давлением – это было для Меклера страшнее физической смерти. Скандальная же его слава и информация о предельно неуживчивом характере, прокатившаяся по всем профильным научным учреждениям, не давала особых перспектив на получение соответствующих условий для работы в московских институтах. И Меклером было найдено третье – как всегда в науке, нетривиальное новое решение. Организация собственной теоретической лаборатории у себя дома.

Надо сказать, что схватки до клинча с официальной наукой не ограничивались крайним обострением отношений с отдельными руководителями институтов и завлабами. К этому времени Лазарь Борисович имел не менее шокирующий опыт столкновения со всем тем, что можно назвать ёмким словом «официальная партийная советская наука», – сложной и изощрённо устроенной системой субординации, распределения благ, степеней, заслуг и признаний в существующей в стране научной сфере.

Он увлечённо и чрезвычайно плодотворно работал над интересующими его проблемами биологической науки в Институте вирусологии АМН СССР. Появлялись многочисленные публикации в стране и за рубежом. Иностранцев, приезжающих в институт, неизменно вели в лабораторию, возглавляемую Меклером. Но при всём этом внешнем успехе он оставался лишь старшим лаборантом или неостепенённым младшим научным и формально не мог возглавлять серьёзный научный коллектив, которым фактически руководил. И вот кому-то из руководства надоело постоянно выкручиваться из этой организационной проблемы, и Меклера решили наконец подпустить к желанной и заветной для многих кормушке научных степеней – не надо забывать, что получение в то время кандидатской степени в нашей стране означало автоматическое, чуть ли не вдвое, повышение зарплаты сотрудника, ну и престиж, конечно.

– Почему бы вам, Лазарь Борисович, не защитить кандидатскую диссертацию, – сказали как-то в доверительной беседе, – пора уже. Да вам и работу отдельную писать не надо, можете защищаться по списку научных публикаций – вон сколько их у вас набралось.

Меклер никогда не ставил получение степени во главу угла своей научной деятельности – ни сопутствующий ей материальный достаток, ни соображения престижа. Его более волновало и интересовало то, над чем он в данный момент работал, – полученные в эксперименте результаты и вытекающие из них выводы. Однако и он всё более ощущал организационные неудобства от отсутствия у него степени. Ну а коли уж сами предложили, то почему бы не сделать это не такое уж трудное дело? Но Меклер не был бы Меклером, если бы не подошёл к этому по-особому, творчески. Окинув взглядом и впрямь внушительный список собственных научных публикаций, он задумался:

– А с какой стати я должен этак халтурно получать высокое звание кандидата наук? Как это я могу подавать на степень просто список работ – что же скажут по этому поводу коллеги-учёные?! Не дело это.

И он решил сделать на основании всех своих работ действительно научное исследование: с постановкой задачи, экспериментальной частью, полученными выводами и сформулированной концепцией – благо всё необходимое уже было в его публикациях и потребовалось лишь немного поработать головой, обобщив сделанное и дав свободу творчеству. В результате такой недолгой работы получилась столь оригинальная диссертация, что когда её прочитали квалифицированные рецензенты – а среди них были весьма уважаемые и известные представители различных направлений молекулярной биологии, – то чуть ли не в один голос заявили: «Эту работу нельзя заявлять как кандидатскую! Каждая из её глав – это отдельная... докторская. Поэтому мы подписываемся под ней как под докторской диссертацией». С этим документом и ушли на утверждение в ВАК.

И дальше произошло нечто, не укладывающееся в русло нормальной логики, но в то же время именно то, что и должно было произойти с талантливой работой незаурядного учёного в тогдашнем советском обществе. Видимо, кто-то на самом верху официальной партийной науки, где главное место занимали вовсе не истинные успехи, а умение находить общий язык с сильными мира сего и делиться с ними своими достижениями, понял все последствия практического официального признания действительно выдающегося учёного. Да ещё столь нетерпимого к косности и бюрократизму, не боящегося сказать, всё, что он думает в любой обстановке и любому оппоненту. В общем, где-то в высших эшелонах советской науки Меклеру решили не давать хода и подальше задвинуть его ещё до того, как он приобретёт официальный авторитет, соответствующий его высокому научному уровню. Можно практически безошибочно назвать и главных действующих лиц того подлого действия, но, во-первых, многих из них нет уже в живых, а во-вторых, не это является здесь главным.

Главное то, что в итоге всех этих мерзостей и подлостей Меклер не получил заслуженной им и несомненно соответствующей его уровню степени доктора наук. Не получил, несмотря на успешную защиту своей работы сначала в 1969 году в Институте биофизики АН СССР, а затем трижды по трём специальностям в самом ВАКе – на двух из трёх его соответствующих экспертных комиссиях и на пленуме ВАКа. Не получил, несмотря на протест большой группы видных учёных, среди которых были три лауреата Государственной премии, два – Ленинской, члены-корреспонденты, академики двух академий СССР. Видно, кому-то очень не хотелось давать Меклеру зелёную улицу в науке. Самое поразительное в той истории, что он не получил и степени кандидата наук: его высокопоставленные недоброжелатели воспользовались формулировкой в официальных документах, поданных в ВАК, о присвоении ему докторской степени и решили ударить наповал – не давать Меклеру вообще никакой научной степени. Таким образом, после всех лестных заключений рецензентов о его выдающейся диссертационной работе, всех надежд о реализации больших научных планов в новом качестве он остался всё тем же старшим лаборантом: с той же крохотной зарплатой, да ещё с неприятным клеймом зарубленного ВАКом соискателя научной степени.

Жуткая ситуация для учёного. А вкупе с активными действиями руководства Онкологического центра по выживанию его с официальной службы – вообще запредельно жуткая. Впору запить или наложить на себя руки. Или всё-таки сдаться на милость победителей и начать наконец играть по их правилам. Но не таков был Лазарь Борисович Меклер – учёный, служивший в первую очередь Её Величеству Науке, познанию истины! Как я уже говорил, он нашёл совершенно неожиданное решение – громко хлопнув дверью на официальной службе, продолжил начатые работы у себя дома, в созданной им собственной лаборатории теоретического естествознания. Причём не только сохраняя, но ещё и существенно расширяя область исследований в выбранном направлении науки – изучении процессов химико-биологического узнавания. К этому времени он имел огромный опыт практической работы, который давал учёному солидный задел для теоретических исследований.

Таким образом, Меклер бросил очередной вызов – на этот раз существующей в стране научно-организационной системе, которая нанесла ему такой подлый удар. Правда, материальное обеспечение – 63 рубля в месяц его военной пенсии (третья группа инвалидности, а на вторую не хотел переходить, поскольку ещё надеялся на возврат к научной работе в институте) – позволяло лишь небольшие добавления к воде и хлебу. Но это невесёлое обстоятельство ничуть не сказывалось на научной продуктивности, и результаты последовали очень быстро.

В 1976 году вышли статьи, посвящённые завершению экспериментов по проверке справедливости собственной общей теории онкогенеза, в журнале АН СССР «Онтогенез». Статьи «Опухоль – помощник врача: о возможности использовать злокачественные опухолевые клетки для получения лекарственных веществ» и популярное изложение этой теории в статье «Что такое опухоль?» – напечатаны в журнале «Химия и жизнь». Статьи «Теория дифференцировки – развития – многоклеточных организмов» и «Почему и для чего мы спим?» (теория сна) были опубликованы соответственно в академических журналах «Онтогенез» и «Физиология человека».

В 1977 году появилась статья «Теория интерферона» в «Журнале общей биологии» АН СССР. Статья «Общая теория иммунитета» была направлена в английский журнал «Нейчур» – отсюда пришло предложение сократить её до 900 слов, но было категорически отвергнуто автором. Одновременно статью отправили и в наш академический журнал «Биофизика», где она была напечатана в итоге на двух языках. Статья «Опыт общей теории онкогенеза», обобщающая результаты проведённых экспериментов и дальнейшее развитие теории этого страшного заболевания, напечатана в академическом журнале «Успехи современной биологии».

В 1978 году вышла статья «Механизм образования опухолей с позиций общей теории онкогенеза» в «Успехах современной биологии», а также статья «Теория происхождения жизни» – в журнале президиума АН СССР «Вестник АН СССР», в разделе «На переднем крае науки».

В 1979 и 1980 годах Меклер организовал два специальных выпуска «Журнала Всесоюзного химического общества имени Д. И. Менделеева», посвящённых происхождению жизни и эволюции. Здесь главной его целью стало сопоставление собственных решений этих проблем с позиций открытого «общего стереохимического – генетического – кода» со взглядами виднейших советских и зарубежных учёных.

Вслед за этим началась интенсивная совместная работа по дальнейшему развитию открытого уже им универсального биологического кода с Розалией Идлис, которая, помимо профессиональных знаний из области математического программирования в их общую научную работу, привнесла в его жизнь новые семейные заботы, а в общий семейный котёл – небольшую зарплату инженера-программиста проектного НИИ. К 1987 году помимо себя им надо было кормить ещё и троих общих несовершеннолетних детей. Уму непостижимо, как в таких условиях мог работать человек. Ведь и доступа в научные библиотеки он был лишён, и на симпозиумах, научных конференциях мог выступать только по особой милости организаторов, а единственной формой контакта с научным миром стало приглашение коллег к себе домой да общение с некоторыми из них по телефону. Правда,

сочувствующие учёному друзья постоянно снабжали его оттисками последних научных статей по специальности.

Происходило это так. Раза два в неделю к нему домой привозили хозяйственную тележку со статьями. Меклер внимательно всё прочитывал, делал необходимые выписки, просил знакомых что-то скопировать, а потом возвращал обратно. Поступившая новая информация по биохимии, молекулярной биологии или генетике тут же шла в дело. Мозг Меклера обладал удивительной способностью держать огромный объём всевозможных фактов, гипотез, результатов экспериментов и постоянно использовать все их в анализе, размышлениях и выводах. Правда, всё это делалось в перерывах между приходами и уходами детей, научными и бытовыми спорами с Розалией Григорьевной, какими-то напряжёнными выяснениями отношений по телефону с тем или иным коллегой. А может, делалось одновременно – кто их поймёт, этих гениев. Но делалось! И как делалось! Похоже, что умопомрачительная, экстремальная обстановка, которую он отчасти сам себе создал, на научной продуктивности совершенно не сказывалась. Или, наоборот, сказывалась самым продуктивным образом!

Мне довелось относительно близко познакомиться с Лазарем Борисовичем в пору его глубокого отхода от официальной науки и на собственном опыте ощутить его нетерпимость, колючесть и максималистский характер. Итогом наших долгих бесед стала, как и планировал мой редакционный шеф, обширная статья о нём и его открытии. Я, как и положено в таких случаях, давал её учёному на просмотр для согласования, но он всё время пытался что-то добавить в моё произведение. От этого статья разрасталась до невообразимых размеров, но, главное, она всё более начинала походить не на журналистскую работу, а на какой-то заумный научный трактат, который я и сам едва уже понимал. Я начинал сопротивляться, убеждать его в неверности подхода, он продолжал гнуть своё. В итоге доходило до того, что мой герой, раскричавшись, швырял мне в лицо очередной её вариант, а я, громко хлопнув дверью, уходил в полной уверенности, что больше этим заниматься не буду и никогда сюда не приду. Но... проходило два-три дня, мы созванивались, встречались как ни в чём не бывало и продолжали свою работу. В итоге статья всё же вышла в свет (правда, не в моей «Литературке» и несколько в иной редакции, но вышла), и блокада молчания вокруг Меклера была наконец прорвана.

По аналогичному сценарию, насколько мне известны отдельные подробности его жизни, развивались и отношения с некоторыми другими людьми, с которыми Меклеру доводилось когда-то работать. Правда, в тех случаях период осознания растягивался на более длительный срок. Во время подготовки статьи и проведения мною разностороннего исследования жизни этого необычного человека мне пришлось поговорить с одной из тех его подчинённых, кому он в бытность работы в Онкологическом центре АМН СССР задерживал отпуск во время ответственного эксперимента и кто был использован руководством для увольнения Меклера. Её просто попросили написать заявление с жалобой на противозаконные действия завлаба. В разговоре со мной она не скрывала, что сделала это. А потом, после некоторого молчания, вдруг сказала каким-то совершенно неказённым, доверительным тоном:

– Вы знаете, теперь, по прошествии стольких лет, когда мне довелось поработать в разных местах с разными людьми и многое увидеть, я могу сказать, что период работы с Меклером был самым счастливым в моей жизни. Ибо именно тогда, под его руководством я занималась настоящей наукой. Я глубоко сожалею, что была втянута в ту неприличную и грязную историю и от всей души желаю, чтобы у Лазаря Борисовича всё было хорошо...

Я уверен, Меклер прекрасно понимал, что люди совершали подлости не по сути своей, не по зову души, а просто их ставили в такую ситуацию, когда, подневольные, они не могли поступить по совести, и он не таил на них зла. Хотя, конечно, подобные истории мало кому могут добавить энтузиазма. Но по большому счёту бороться ему приходилось с существующей в стране порочной и гадкой научной системой и её руководителями. И тут действительность являла куда более гнетущие примеры.

В науке хорошо известно, что единственным критерием справедливости любой теории является подтверждение её положений в эксперименте. Теория Меклера имела немало блестящих и порой самых

неожиданных проверок её на практике, но одна из них заслуживает особого внимания. Связана она с участием в судьбе Меклера и Идлис известного учёного, тогдашнего заместителя директора по науке академического института Биоорганической химии имени Шемякина, члена-корреспондента АН СССР Вадима Иванова.

В момент моего обращения к нему он и слышать ничего не хотел о Меклере, а было время, когда активно общался с ним, помогал делать копии нужных ему статей из зарубежных научных журналов, подолгу обсуждал с ним его оригинальные научные идеи. И вот после двух лет знакомства с Меклером, во время одного из визитов уважаемого членкора в домашнюю лабораторию учёных, когда они дали исчерпывающие ответы на очередные десятки вопросов гостя, произошёл примечательный разговор.

– Крыть нечем! Убедили, – подвёл итог член-кор респондент АН СССР Вадим Иванов.

– Что же будем делать, что будем делать с нами? – с надеждой спросили хозяева, наивно полагая, что наконец-то их титанический и самоотверженный труд будет вознаграждён и вот сейчас решится их судьба.

– Альтруистов не найдёте, – был ответ.

Быть может, именно это и есть главный ответ на вопрос: «Почему выдающееся открытие Меклера не получило права на официальную жизнь в Советском Союзе?». Понимай его так: каждый занят разработкой своей собственной научной жилы и кому охота горбатиться на чужого дядю – вот если бы что-то с этого получить...

Однако в Вадиме Тихоновиче ещё оставались какие-то зародыши порядочности и научного долга. Он решил доложить обо всём своему всесильному тогда шефу, академику Юрию Овчинникову (скончавшемуся от того самого рака, противоядие к которому сулили практические разработки теории Меклера), но прежде пожелал получить какие-то убедительные экспериментальные данные. Тогда Лазарь Борисович, выяснив что научный коллектив В. Иванова многие годы бьётся над созданием вакцины против тяжёлого заболевания крупного рогатого скота – ящура, поколдовал над ней дня три с помощью своей теории. И по прошествии этого времени продиктовал ему по телефону структуры трёх белковых соединений, которые, по его мнению, следует синтезировать и испытать в эксперименте, – какое-то из них непременно должно «заработать» против ящура.

Это и было сделано в лаборатории Иванова. В итоге один из синтезированных белков действительно заработал! Только сам Меклер узнал об этом совершенно случайно, от третьих лиц. Более того, заместитель директора серьёзного института В. Иванов, получивший год назад по телефону эту принципиально важную и специально оговорённую для экспериментальной проверки научную информацию, стал вообще отрицать участие Меклера в этом успехе. В вышедшей вслед за этим в академическом журнале «Биоорганическая химия» статье о первой победе в борьбе против ящура имён Меклера и Идлис в большом списке авторов не оказалось. Понятно, сам Иванов тот список возглавлял. Видать, сложившаяся и чуть ли не узаконенная в советской науке система повального присвоения себе руководителями авторства подчинённых задавила все имевшиеся в душе Вадима Тихоновича зародыши порядочности. Естественно, после этого он уже не посещал домашнюю лабораторию Меклера и Идлис.

Думаю, теперь немного легче понять нашего героя – одарённого учёного с максималистским от природы характером, поставившего перед собой сложнейшую научную задачу, над которой он самоотверженно бился, не щадя себя, и сталкивающегося с подобным отношением. Он сталкивался с ним в руководстве института, где когда-то работал, в ВАКе, куда обратился, чтобы получить заслуженную им научную степень. И вот теперь столкнулся в отношениях с имеющим власть и положение учёным, понимающим и отзывчивым поначалу, но на поверку оказавшимся откровенным научным вором. Под влиянием подобных стрессовых обстоятельств и сложился в итоге этот человек, о

котором даже друзья и истинные доброжелатели говорили с грустью примерно так: «Да, он сделал выдающееся открытие. Да, о нём следовало бы как можно скорее рассказать всему миру. Но... Меклеру невозможно помочь. Он сам не даёт этого сделать!»

Боже мой! Да потому и не даёт, что по уши нахлебался подлостей, обманов, интриг и поневоле стал подозрительным, неуступчивым и запредельным максималистом. В своём творческом полёте, направленном на достижение высочайших и благородных научных целей, бросивший отчаянный вызов всей окружающей его порочной научной системе, он пришёл к главному парадоксу своей жизни. Обрёл наконец практически полную творческую независимость, свободу мысли и в конце концов сделал выдающееся открытие, но в итоге стал фигурой не только вне научного общества, а практически и вне всего окружающего мира. Что есть всё происшедшее с Меклером – счастье или беда, – не берусь судить. Пусть каждый сам ответит на этот непростой философский вопрос.

Время, конечно, расставит всё по своим местам независимо от желаний, действий или противодействий различных лиц. Но в истории этого удивительного человека совершенно точно есть то, что заставило меня написать о нём в этой книге.

Внимательно проанализировав всё, что я знаю о Меклере, и вспомнив собственный опыт общения с ним, я вдруг увидел, что вся его жизнь – особенно научная, творческая – каким-то непостижимым образом связана с постоянными стрессовыми ситуациями. То есть с ситуациями, каждая из которых любого другого человека в один момент ввергла бы в пучину печальных размышлений, сильных переживаний и, возможно, отчаяния – скорее всего, сломала бы его. Меклеру же вроде бы всё нипочём. И даже, похоже, наоборот: чем сильнее его пытались уничтожить или выбить из-под ног почву, тем решительнее и твёрже шёл он к намеченной цели. Более того, порой у меня невольно складывалось впечатление, что он иначе и не может жить, творить, кроме как в экстремальных обстоятельствах. Что обстоятельства эти нужны ему были для полноценной жизни и творчества как воздух, и если таковых не хватало, то он их с успехом находил или... создавал.

Так было в период его работы в институтах, когда он мог в один момент испортить отношения с кем-то из коллег, заявив тому в глаза, что он «протирает штаны в науке». Так было в истории с диссертацией, когда вместо простого списка своих работ, о котором его и просили, он сделал и отправил в ВАК настоящее неординарное научное исследование, заставившее недоброжелателей попытаться подальше оттолкнуть его от науки (в конце концов кандидатскую степень ему всё-таки дали, но сколько это стоило трудов, времени и нервов?!). Так было и в его научном отшельничестве – перебивались с хлеба на воду или в лучшем случае жили на квашеной капусте, ничуть не расстраиваясь от этого, а, наоборот, рассматривая её в качестве бесценного источника витаминов зимой. Так было и в общении с журналистами, которые после первой публикации о нём зачастили в лабораторию теоретического естествознания, – и уж тут-то Меклер устроил всем такой сумасшедший дом, что враз испортил отношения не только с отдельными представителями второй древнейшей профессии, но и с целыми редакциями газет и журналов. Дело доходило чуть ли не до суда.

Так случилось и тогда, когда измученный всеми этими ситуациями, проблемами и нервотрёпками в России, проклиная на чём свет стоит и всю сложившуюся здесь научную систему, и пришедшую новую власть Ельцина, Меклер решил наконец попытать счастья за границей. И, получив немалые деньги в качестве научного гранта, уехал в 1993 году в Израиль с Розалией Григорьевной, детьми и несколькими помощниками, чтобы для начала запатентовать там кое-что из сделанного. И когда учёные местного университета, узнав о приезде в Тель-Авив столь известного коллеги, пригласили его на встречу с ними, чтобы узнать, над чем он работает и не могут ли они принять посильное участие в этих работах, он отколол такой номер, что бедные израильтяне не знали, что и думать.

Для начала он опоздал на назначенную встречу на полчаса, хотя жил всего в двадцати минутах ходьбы от университета, после чего начал её со следующих слов:

– Американские учёные ни черта не смыслят в этой проблеме и отстали в её решении лет на двадцать пять. А израильские учёные лижут задницу американским...

Понятно, что после такого введения нелегко было в чём-то убедить пришедших на встречу. Когда же один израильский профессор, занимающийся проблемой создания вакцины против гриппа, попросил у Меклера вычисленные им по оригинальной теории белковые структуры этой вакцины для проверки в собственной лаборатории, то Лазарь Борисович совершенно серьёзно заявил:

– В мире ежегодно болеет гриппом 50 миллионов человек. Допустим, одна доза вакцины будет стоить вакцинируемому 50 центов... Итого получается 25 миллионов долларов... Я готов дать вам эти структуры, но вы прежде заплатите мне за такую информацию... 10 миллионов долларов!

Создав, таким образом, враждебное или предельно отстранённое к себе отношение многих местных учёных, Меклер начал что-то делать из намеченного. Впрочем, очень скоро, несмотря на наличие достаточных средств и возможностей для этого, у него возникли проблемы иного рода. Израиль оказался для него не той страной, где он хотел бы работать, – всё там было не так: и лживый их строй, и складывающиеся человеческие отношения... Появились серьёзные сложности в отношениях с Розалией Григорьевной. В результате в момент моей последней с ним встречи в Израиле в мае 1995 года учёный Меклер (его имя по-еврейски звучит Лейзер Беркович), шинкуя на кухне помидоры, горестно и в то же время как-то отчаянно весело распевал на Земле обетованной:

Ещё немного, ещё чуть-чуть.

Последний бой – он трудный самый.

А я в Россию, домой хочу,

Я так давно не видел маму...

При этом он на чём свет стоит клял Израиль и при мне звонил тогдашнему послу России в этой стране с просьбой походатайствовать перед мэром Москвы о предоставлении ему условий для жизни и работы в российской столице, откуда он уехал, как тогда ему думалось, навсегда. В общем, искал и создавал себе новые проблемы для... работы.

Московского градоначальника, видать, не очень озаботили вопросы приоритета российской науки, а может, и сам посол не решился беспокоить такими мелочами главного хозяйственника России. Учёный проживал в полуподвальном помещении, существовал на местную пенсию и в разрыве с Розалией Идлис. С ним по-прежнему контактировала сплотившаяся вокруг него небольшая группа энтузиастов, пытающаяся найти какие-то средства для продолжения его удивительной научной работы и бескорыстно помогавшая ему. В октябре 2003 года Меклер умер на 83-м году жизни.

Сейчас работавшие с ним последние годы люди пытаются собрать воедино всё научное наследие учёного и довести начатое им дело до конца уже без него. Не знаю, чем в научном отношении увенчается десятилетняя одиссея Меклера на земле Израиля, но на планете Земля он совершил уже гораздо больше, чем может простой смертный. Я точно знаю, что этот необычный человек, гениальный учёный, был и в России, и в Израиле неизменно окружён массой проблем, в борьбе с которыми всегда двигалась его основная работа. Её результаты когда-то обязательно понадобятся людям. Они смогут его понять, оценить и будут благодарны российскому учёному, гражданину мира Лазарю Борисовичу Меклеру, смело бросившему вызов не только самым сложным загадкам природы, но и окружающему его бесчеловечному обществу и победившему в этой борьбе. Они будут благодарны ему за всё сделанное в науке, в служении которой он блестяще реализовал своё вселенское предназначение, дав человечеству не только своё замечательное открытие, но и великий пример жизни ради истины.

Глава 7. Любовь

Сильна жизнь, а любовь сильнее.

Узнай её – и забудешь всё!

Пантелеймон Романов «Зима»

Господи, сколько уже об этом поразительном чувстве говорено и написано! И всё равно волшебство его неисчерпаемо, непредсказуемо. Вдруг выплывает из бесконечной вереницы человеческих жизней такая история, что заставляет в очередной раз удивиться непостижимому чувству любви, пристальнее взглянуться в человека, окунувшегося во все страсти, радости и печали этого бесценного дара, испытать восхищение и гордость от того, что нам, людям, такое чувство дано.

Жил-был в прекрасном российском городе Нижнем Новгороде (в советские времена он стал Горьким, а потом в годы демократизации снова принял старое имя), что стоит на двух великих реках Оке и Волге,

обрусевший немец, талантливый инженер Густав Васильевич Тринклер – один из создателей отечественного двигателестроения, которым успешно занимался более 60 лет. Когда-то в Германии он слушал лекции великого инженера Рудольфа Дизеля, а потом в России начал осуществлять мечты этого всемирно известного изобретателя. И сам стал известен в мире как создатель смешанного цикла сгорания, носящего его имя в первых российских бескомпрессорных дизелях, – они выпускались в нашей стране в конце XIX века под названием «Тринклер-моторы». А потом под его руководством на советском заводе «Красное Сормово» спроектировали и построили первый в мире горизонтальный двигатель Дизеля мощностью в 750 лошадиных сил, затем – и первый советский дизель в 2100 лошадиных сил, которые успешно работали на речных судах. В 40-е годы он принимал активное участие в конструировании дизельного двигателя для танка Т-34, и, благодаря этой успешной разработке, наша знаменитая боевая машина не вспыхивала от попадания снаряда, как это происходило с бензиновой. В последние годы жизни доктор технических наук, профессор горьковского Института инженеров водного транспорта Густав Тринклер работал над созданием газового двухтактного двигателя, а в 1956 году в связи с 80-летием был награждён за свои заслуги орденом Трудового Красного Знамени. В семье Тринклера, помимо двух дочерей, рос сын Юрий, о котором и пойдёт речь.

Уже в школе, в которую он пошёл в 1931 году, мальчик сильно отличался от других ребят. В компаниях участия не принимал, был замкнут, мог неожиданно звонко и громко рассмеяться чему-то своему, когда остальным смешно вовсе не было. При этом с удовольствием занимался художественной самодеятельностью – под его режиссурой ставили в девятом классе чеховского «Медведя» – и редактировал классный журнал «Учебный год». Любил играть и хорошо музицировал на фортепьяно, пел песни Шаляпина. Из школьных предметов любил физику и химию, а на остальных, бывало, затыкал уши, отчего возникали конфликты с преподавателями. Однако успевал по всем предметам. Занимался в юннатских кружках: сначала в школьном, а потом при городском Дворце пионеров. Интересовался биологией и физиологией растений, в чём чувствовалось влияние мамы, которая была ботаником. А ещё в Юре постоянно жила поражающая многих детская непосредственность. Как-то раз, было это в 1939 году, он серьёзно и искренне спросил у своего товарища по классу:

– Слушай, а что, Сталин – Бог?..

«В общем, он был Тринклером!» – так охарактеризовал своего старого школьного друга этот человек много десятилетий спустя. Серьёзно увлекаясь некоторыми школьными предметами и многими неучебными видами деятельности, Юра, как ни странно, не имел никаких заметных увлечений противоположным полом. Может, потому и не имел, что серьёзно был занят совсем другим. Не имел, правда, до последнего школьного года. Но зато уж увлёкся так увлёкся! Со свойственной ему непосредственностью и страстью. Она была студенткой и соседкой по даче, старше его на два года. Девушке этой, конечно, было приятно страстное внимание школьника, но по большому счёту ей это было не нужно, так что любовь Юры Тринклера оказалась безответной. Он сильно страдал и когда через полгода открылся своей избраннице в надежде на ответное чувство, то услышал от неё, что она думает об их отношениях, – девушка предложила ему остаться друзьями. Дело происходило на школьном вечере, где он пригласил её на танец, а она отказалась и всё ему сказала. Это было выше Юриного разума.

Трудно понять, была ли у него такая любовь, какая бывает у взрослых людей, толкающая их на потерю контроля над собой и на всякие безумствования, но это было очень сильное чувство. Оно овладело всем существом восемнадцатилетнего юноши, подавив остальные помыслы и всякую критику. И когда он услышал окончательный приговор этому сжигающему его чувству, то мир померк перед ним и жизнь остановилась. Вернее, даже не остановилась, а покатила в тёмную бездонную пропасть. Всё для него было кончено. С этими тяжёлыми мыслями поехал он сразу после объяснения с любимой девушкой к себе на дачу в Зелёный Город в пригороде Горького, где жил в школьные каникулы и часто проводил время в лыжных походах по живописным окрестностям. Был морозный февральский вечер, и, когда уже на своей станции, выйдя из поезда, он пересекал по переходному мостику железнодорожные

пути, тяжёлые мысли о его несчастной безответной любви нахлынули с новой силой. Жизнь показалась ему пустой и бессмысленной. В этот момент к переходу приблизился другой поезд. Его шума Юра почти не слышал, зато отчётливо видел яркие огни сквозь искрящийся на морозе мелкий снег.

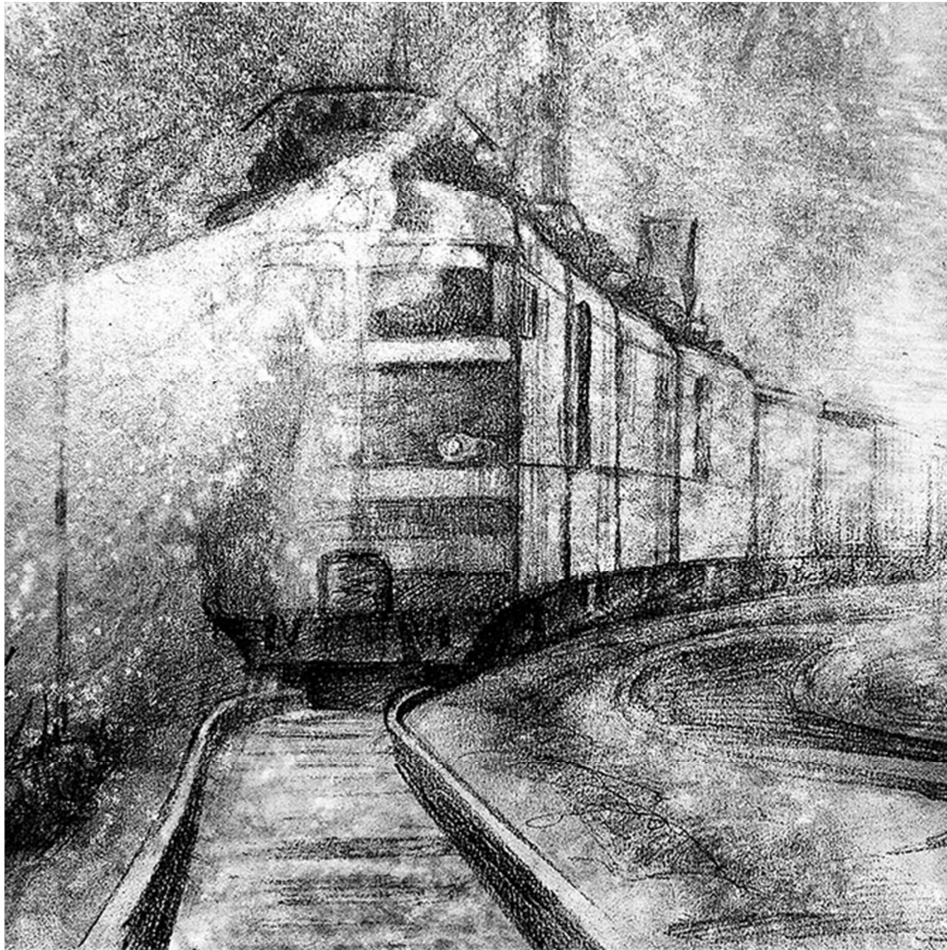
– Зачем жить, если всё в этой жизни так ужасно устроено, – совершенно неожиданно для себя подумал он.

И тут ему стало вдруг очень-очень легко, необъяснимая сила властно потянула к наплывающим, завораживающим огням, и, не в состоянии противиться ей, он бросился под поезд...

Если кто-то думает, что на этом поступке молодого человека, потерявшего от юношеской любви рассудок, заканчивается история его любви, то он сильно ошибается. Это только у героини Льва Толстого всё завершилось под колёсами поезда. А настоящая история любви и жизни Юрия Тринклера тут только начинается.

Он не погиб. Его спас сильный холод, царивший на улице, – хотя поезд катастрофически повредил обе ноги до бедра, кровь из тела ушла не сразу. И ещё удачей было то, что этим же путём в город возвращалась припозднившаяся влюблённая парочка. Они увидели израненного, но живого ещё человека, побежали на станцию, нашли там дрезину и быстро отвезли пострадавшего в Горьковский институт травматологии и ортопедии. Оперировавший его молодой хирург после ампутации ног пациенту сам оказался в таком гнетущем состоянии, что, закончив операцию, вынужден был пойти на долгую лыжную прогулку, дабы успокоить нервы, – слишком уж молод и красив был попавший на его операционный стол человек, ставший в одночасье глубоким инвалидом. У врача мелькнула даже мысль, что в такой ситуации, возможно, лучшим исходом для него была бы смерть прямо там, на рельсах, но он, понятно, ничего такого своему пациенту не сказал.

А Юре Тринклеру, чудом выжившему после своего безумного поступка, надо было жить дальше. И он начал жить. Перво-наперво раз и навсегда решил закрыть тему. Даже в больнице не сказал, что это была попытка самоубийства, и до последних своих дней никому не рассказывал ничего ни о ней, ни о своей безответной любви, толкнувшей его на страшный шаг. Не рассказывал даже самым близким родственникам. Только друзья, знавшие всю предысторию, могли догадаться об этом по некоторым разговорам с Юрой. Ещё в больнице, где он продолжил школьное обучение с помощью одноклассников, ему сделали протезы, но первая попытка встать на них закончилась падением. Привыкал к ним долго и только к концу лета смог выйти на протезах прогуляться на высокую волжскую набережную, что была недалеко от их дома. Но вскоре после выписки из больницы родители перевезли его на дачу, где Юра приспособил для передвижения свой бывший школьный портфель: внутрь клал доски, себя привязывал к нему ремнями, а отталкивался от земли взятыми в руки старыми детскими кубиками. Так он не только обрёл свободу движения, но и смог заниматься своими любимыми растениями, которых на участке было множество.

Школу удалось закончить без перерыва и притом весьма успешно, а вопрос о дальнейшем обучении был у него решён давно. Конечно же, на биологический факультет университета! Ещё на ногах он посетил его в день открытых дверей, и один из профессоров факультета, приятно удивлённый рассказами старшеклассника об увлечении физиологией растений, представил его своим коллегам как юношу, у которого «любовь к ботанике заложена в генах». Юра был абсолютно готов выдержать вступительные экзамены, но ещё не так хорошо освоился с протезами, чтобы ходить на них в университет. Потому отец обратился к министру высшего образования с просьбой принять сына в университет без экзаменов. В дальнейшем выяснилось, что к этой просьбе присоединился и встретивший его на дне открытых дверей профессор. Ректор весьма скептически отнесся к безногому студенту, но, получив разрешение от министра, вынужден был согласиться принять его. Правда, в связи с начавшейся войной вступительные экзамены и без того были отменены для всех. Юра Тринклер стал студентом биологического факультета Горьковского университета. Так молодой человек, едва не расставшийся с жизнью из-за несчастной любви к девушке и ставший из-за неё инвалидом, сделал первый, очень серьёзный шаг для реализации любви к науке, в изучение которой он погрузился со всей силой своего незаурядного характера и в которой сумел оставить очень яркий след.

Весной 1944 года, когда он заканчивал третий курс, предстояло определить тему для курсовой работы. Студент Тринклер, выбравший для своей будущей специализации кафедру физиологии растений, наивно полагал, что если с курса на кафедре оказалось шесть человек, то и тем курсовых будет столько же. Но всем была предложена одна, связанная с дымовой защитой растений, – та, которой занимался заведующий кафедрой. Каждый из шести кафедральных третьекурсников должен был разрабатывать её с разных позиций. Поскольку работу Юра предполагал проводить на дачном участке, а в тяжёлое военное время надо было сажать картошку, то он заложил три делянки с ней для своих будущих опытов. Но душа к навязанной сверху теме не лежала, и он признался в этом заведующему кафедрой. К

удивлению отказника, тот не стал настаивать на своём и предложил самостоятельному студенту другую тему – об израстании соцветий по работе известного немецкого ученого Бормана.

Тринклер с воодушевлением взялся за дело. По методике немецкого учёного надо было получить цветущие черенки, то есть черенки с соцветиями, и оставлять на них четыре половинки листа. Юра начереновал различные виды растений, в том числе и картофель. Черенки укоренились, он их пересаживал, однако шло время, а никаких израстаний соцветий не происходило. Курсовая работа оказалась под угрозой срыва. Спас удивительный случай, один из тех, которые нередки в науке, – достаточно вспомнить знаменитое яблоко, якобы упавшее Ньютону на голову во время его сидения в саду и приведшее к открытию закона Всемирного тяготения. Юрина мама очень любила цветы, но во время войны основным растением на даче по известной причине стала картошка. Однако она тоже цветёт, и вот мама нарвала букет картофельных цветов и поставила его в стакан с водой на обеденный стол. Через несколько дней все цветы опали, и женщина понесла стакан с букетом голых соцветий картофеля к помойке, но что-то её отвлекло. Она поставила этот стакан на пол балкона и... забыла о нём. Температура была не очень высокая, и он простоял там не менее недели. Проползая мимо на своём транспортном портфеле, Юра заметил какие-то соцветия в стакане и, любопытствуя, подполз поближе, чтобы рассмотреть, что это такое. Каково же было его изумление, когда на одной из веточек соцветия он обнаружил маленький клубенёк?! Но перед этим чудом природы оказался не просто интересующийся ботаникой мальчик, а начинающий специалист в области физиологии растений.

– Клубень мог образоваться только из почки, – сразу же сообразил он. – Следовательно, здесь сначала появилась почка, а это ведь и есть искомое мною израстание соцветия! Но почему же тут оно получилось, а у меня в опытном парнике ничего не выходит?..

Дальнейшие рассуждения, которые можно смело назвать первым научным прорывом в деятельности Юры Тринклера, привели его к ответу на поставленный вопрос:

– Там у меня на каждом черенке было по четыре половинки листа, а здесь, в стакане, соцветия были совсем без листьев. Получается, надо у цветущих черенков оставлять не четыре, а только одну половинку листа! И ещё, у меня в теплице постоянно тепло, а здесь, на северной стороне дома, черенки находились в довольно прохладных условиях. Значит, надо попробовать поддержать их в чулане.

Этот чудесный случай, заставивший третьекурсника Тринклера пересмотреть методику известного учёного Бормана и решившего таким образом поставленную в его курсовой работе задачу, определил направление его будущей научной работы и, как он сам выражался, «посадил» его на картошку на всю жизнь. В последующие дни он начал действовать по своей методике и уже в первый год работы получил искомые израстания соцветий у нескольких видов растений, в том числе и у картофеля. Если его цветущий черенок с почкой на соцветии помещался в чулан, где было темно и прохладно, то вскоре почка образовывала клубенёк. Тринклер выступал с результатами успешной разработки своей темы на студенческих и аспирантских конференциях, защитил по ней курсовую, а затем и дипломную работы.

– Это очень интересная тема, – одобрил выбор направления научной работы студента после одного из его выступлений знаменитый генетик Сергей Четвериков, работавший в то время в местном университете, – потому что в ней рассматривается растение на границе между вегетацией и цветением.

Свой диплом Юрий Тринклер защищал на одном протезе с костылями, поскольку на культе другой ноги было воспаление. В университет его привёз папа на грузовике, а после успешной защиты сыном научной работы с гордостью сказал, что в этом деле есть и его вклад, поскольку он возил на дачу навоз для картофеля. В ответ раздались громкие аплодисменты. Дипломная работа была опубликована в виде статьи в Учёных записках университета. Естественно, после окончания института в 1946 году Юрий Тринклер поступил в аспирантуру при своей кафедре, научная тема осталась та же, только к ней добавились исследования по биохимии экспериментальных растений. Перед ним лежала долгая, увлекательная, а главное, любимая дорога в науке. И тут, как это нередко бывает, одна удача, в науке,

привела к другой – в личной жизни. Он встретил настоящую любовь, которая шла рядом с ним до последних дней, помогала ему во всех трудностях и дарила радость и счастье, которые только и может дать человеку это удивительное чувство.

Его избранница и будущая жена Ольга, тоже биолог, окончила Ленинградский университет, проработала несколько лет в Казахстане на противочумной станции и поступила в аспирантуру Горьковского университета на два года раньше Юры. После её окончания осталась при университете работать секретарём по аспирантским делам. Вот на общих собраниях аспирантов они и познакомились. Девушка всегда уважала людей с сильной волей и, естественно, поначалу просто заинтересовалась молодым человеком без ног – ведь он сумел не только героически отучиться пять тяжёлых военных лет, когда чуть ли не каждый день ему надо было добираться до университета пешком в горку, но при этом ещё и серьёзно занимался наукой, так что остался в аспирантуре. Но вскоре отношения их перешли на совершенно иной уровень.

Как-то раз Ольге надо было уточнить Юрин план по аспирантской работе, и она вызвала его на собеседование. В комнате, где она работала, располагались ещё три секретаря, постоянно толпился народ и не было свободных стульев.

– Давайте выйдем на улицу и там спокойно обсудим ваши планы, – предложила она, понимая, что в таком кавардаке толку от их беседы не будет.

Благо погода была солнечная, тёплая. Он согласился, они вышли и расположились на свободной скамейке в университетском садике. Сидели, вели деловой разговор, как вдруг к ним подошла лаборантка с биофака.

– Ах, какая парочка! – удивлённо воскликнула она.

Молодые люди из «парочки» дружно засмеялись, после чего по-иному посмотрели друг на друга. И Ольга про себя отметила, что Юра очень красивый. А ещё подумала о том, что он ей нравится и она его... жалеет. Эмоциональное замечание лаборантки, как оказалось, не прошло даром и для юноши. Он стал присматриваться к Ольге и несколько раз пригласил в кинотеатр «Палас», который был рядом с биофаком.

– Это же ни к чему не обязывает, – прикинула она, – почему бы не сходить в кино с интересным человеком?

Но у Тринклера всё было очень серьёзно, и вскоре он решил познакомить Ольгу со своими родными, для чего придумал хитрый план. Он пригласил девушку в театр на оперу «Чародейка», куда, не сообщая ей, привёл маму и старшую сестру. Ольга этого не знала, но всё равно в комнате аспирантских секретарей, где она сидела, прошло оперативное совещание: идти ей или не идти? Большинство стояло на том, чтобы идти. И она пошла. Как на грех, провозилась со сборами, к началу спектакля опоздала, и первое отделение пришлось сидеть одной на галёрке. Юра было подумал, что она испугалась прийти, и был сильно обрадован, когда приглашённая появилась после антракта на своём месте в партере. Он представил всех друг другу, в следующем антракте они вышли в фойе с разговорами, но Ольга очень стеснялась и сердилась на своего кавалера за то, что он устроил нечто вроде смотрин. Однако сразу после окончания спектакля Юрины сестра и мама ушли, оставив их вдвоём. Когда молодые люди тоже пошли к выходу, то Юра в вестибюле поскользнулся и грохнулся на пол. Ольга страшно растерялась, не зная, что ей делать, но упавший моментально поднялся, проявив необычайную ловкость и силу. Ольге даже показалось, он нарочно упал, чтобы, ловко поднявшись, продемонстрировать ей, что он не такой уж и беспомощный.

А сила и ловкость у Юры и впрямь были необычайные. Не зря же он пять лет самостоятельно на протезах добирался до учёбы и никаких поблажек себе ни в чём не давал. В реальной жизни, в которой человек без ног продолжал полноценно жить, ему приходилось постоянно проявлять настоящие

акробатические способности. Так, однажды, когда в безработное послеаспирантское время он подрабатывал публичными лекциями, занятый случай произошёл с ним в городском Дворце культуры имени Ленина. Там на сцену вели очень узенькие ступеньки, по которым на протезах ему забраться было невозможно. Что делать – просить собравшихся помочь лектору занять место на трибуне? Нет, не таков был Юрий Густавович Тринклер! Он повернулся спиной к сцене и, подскочив на руках, сначала сел на неё, а затем встал на ноги.

– Прошу прощения за вынужденный цирковой номер, – обратился он к поражённой этим действием аудитории, после чего элегантно раскланялся и непринуждённо приступил к лекции о происхождении жизни.

Конечно, особенно сильны у него были руки – видимо, оттого, что приходилось очень много ими действовать для передвижения без ног, да и во время исследовательской работы на дачном участке основная физическая нагрузка падала на них. Он мог, например, от полноты чувств легко забросить свою жену Ольгу в сугроб после возвращения из театра или кино. Мог запросто вскочить на стол, используя одни лишь руки. Чуть ли не до последних своих дней регулярно выходил зимой во двор расчищать снег – у него это называлось «двигать кишки» – и строить малышам ледяную горку. Но этими же самыми могучими руками он умудрялся проводить тончайшие операции по опылению цветов картофеля, которые приходилось постоянно осуществлять на опытных делянках. А ещё ими он прекрасно играл на пианино, для ножных же педалей у него было сделано хитрое приспособление, чтобы работать ими культёй через дощечку, – сей особый приводной механизм назывался «пятая нога». Ольга тоже прилично играла на фортепьяно, так что музыка объединяла их. У Юры был хороший баритон, и она аккомпанировала ему, когда он пел некоторые романсы. Ещё оба они оказались театралами и посмотрели почти все спектакли Горьковского драмтеатра за 1947 год.

Да... всё это зависит не от ног, которых может не быть, и не от рук, сила которых действительно может удесятериться из-за отсутствия ног. Всё это идет совсем из других областей человеческого тела: из головы и от сердца. Именно эти органы у Тринклера работали особым образом! Он был очень цельным человеком, которым владели сильные чувства. Потому, наверное, и случилась с ним та страшная история с неразделённой любовью. Потому и сумел он не только пережить эту жуткую трагедию, получить образование, к которому стремился со школьных лет, и пройти серьёзный путь в науке, но и прожить полноценную, интереснейшую жизнь, наполненную радостью и любовью. Любовью к своей дорогой науке и картошке в ней. Любовью к жене, детям и внукам, которые платили ему тем же. Он умел по-настоящему любить и дарить любовь! И жизнь отвечала ему тем же. Видимо, именно этот редкий дар и ощутила бессознательно в своём друге Юрии девушка Оля, и отсутствие у него ног её не испугало. А вот её родители очень расстраивались из-за знакомства дочери с физически ущербным человеком.

– Всё это очень хорошо, пока молодые: музыка, театры, – говорил ей отец, – а что будет в старости?..

«Но он сильно ошибался, – напишет Ольга много-много лет спустя, – так как в старости лучшего мужа, как Юра, на всём белом свете не было».

Эти слова, постоянно подтверждались жизнью. До последних дней они называли друг друга ласковыми и трогательными словами, как в первые дни знакомства. Читали книжки вслух, в том числе и в присутствии детей, на ночь желали друг другу спокойной ночи, обменивались поцелуями. А когда в возрасте 76 лет она упала и сломала шейку бедра, 71-летний муж регулярно массировал ей ноги, помогал снимать чулки.

Но всё это было потом, а в самом начале знакомства их роман развивался бурно и стремительно, как всё у Тринклера. Как-то в разгар весны 1948 года Ольга зашла к Юре с нужной ему книгой. Он сидел за столом и сильно нервничал, перебирая бумаги. Вдруг он сказал: «Оля, выходи за меня замуж». Она сразу ответила согласием, так как этот человек ей очень нравился и она уже имела представление о его

характере. И не ошиблась в своём выборе. Вот что она написала об этом важном моменте жизни в своих мемуарах, когда уже не было на свете её мужа и жизнь фактически была пройдена:

«Несмотря на то, что я почти на 6 лет была старше Юры, я была очень добропорядочной девушкой, к которой за все прошедшие годы ничего дурного не пристало. Очевидно, это заслуга моих родителей, которые правильно меня воспитали. Так получилось, что Юра был единственным мужчиной во всей моей жизни. Он был тоже неспорченным юношей в силу своей инвалидности. Так мы образовали пару, где всё было искренне и любовно. Так началась наша жизнь: я работала, Мария Евгеньевна (мама Юры) болела, а Юра на даче занимался научной работой к кандидатской диссертации. Я ездила к нему и помогала в работе: ведь мы оба были биологи, и потому у нас было много общего... Мы были такие наивные, жили счастливо, ни о чём не думали, а Нина (сестра Юры) заметила, что я в положении, и стала меня просвещать. Вот так неожиданно 26 марта 1949 года родилась у нас доченька, которую назвали Вероникой в честь голубенького цветочка, с которым работал Юра».

«Бесценная моя картофелинка, – написал жене в роддом счастливый отец, – спасибо тебе за цветочек. Передай дочке поздравления и поцелуй».

Искренность и нежность всегда шли рядом с ними, и Юра никогда не жалел самых тёплых слов для своей подруги. Но особенно это проявлялось и было очень важно в трудные для неё моменты. На восьмой год их совместной жизни Ольге пришлось перенести тяжёлую операцию. Юра постоянно приходил в больницу, а когда не мог, писал ласковые письма. Вот строки одного из них.

«Радость моя, любимая моя Олунчик! Спасибо тебе за записочку для меня. Я сейчас не нервничаю и не взвинчиваю себя, а наоборот, я сейчас счастлив, оттого что познал, как сильно тебя люблю, ласточка моя дорогая. Помнишь, ты спрашивала меня, люблю ли я тебя. Я тогда говорил, что сильно люблю, но меру этой любви я только теперь познал, ведь я так волновался за тебя, потому что раньше очень сильно любил и, только любя так сильно, и можно мечтать о своей жене, с которой уже прожил без малого 8 лет... Я тебе, моё солнышко, об этом писал потому, что привык с тобой делиться всеми своими мыслями и переживаниями. Твоим сообщениям о том, что ещё пять дней тебе надо лежать, я очень огорчился, но, конечно, надо потерпеть. Пока крепко-крепко целую тебя, твои милые рученьки, глазоньки и швы твои, из которых я познал глубину в любви моей. Горячо любящий тебя, твой муж Юра».

Привожу эти очень личные, немного наивные, но в то же время чрезвычайно человеческие и трогательные записки, чтобы можно было понять, откуда возникло и как существовало то прекрасное, что было в жизни этих людей. И хотя их обоих давно уже нет на земле, оно – это удивительное чувство, появившееся между ними когда-то, – будто продолжает существовать, светить другим, вызывая удивление, восхищение и зависть у живых. Возможно, оно поможет кому-то обрести счастье...

Но они-то, конечно, не думали об этом вечном значении чувств, которые были им дарованы. Они просто жили рядом и любили друг друга, занимаясь каждый своим делом. Она сумела защитить диссертацию и, распрощавшись с аспирантским секретарством, стала работать сначала ассистентом, потом доцентом кафедры зоологии в педагогическом институте. Одновременно занималась домом, ухаживала за больной мамой мужа. Вскоре вслед за дочерью появился и сын Олег. Юрию же приходилось сложнее, потому что, во-первых, он всё-таки был инвалидом и во многих местах его просто боялись брать на работу. Во-вторых, его научная работа была на стыке селекции и генетики, а в то время в биологии наступила эра Лысенко и Тринклер со своими исследованиями мог оказаться за бортом. Он очень переживал, что после окончания аспирантуры его защиту отложили и он не может найти работу, – ведь у него уже была семья. Через лекционное бюро начал читать платные лекции: и на даче, и в домах отдыха, и в городе. Наконец удалось найти штатную работу преподавателя биологии в физкультурном техникуме. Некоторые занятия проводились на стадионе «Водник», где хозяйничал бывший чемпион по конькам Евгений Иосифович Лечфорд. Он очень удивился, зачем это приезжает на стадион инвалид без ног в велоколяске, и наконец спросил его об этом. Узнав, что это преподаватель

физкультурного техникума, экс-чемпион не сдержал своего недоумения и даже выругался по этому поводу.

С защитой диссертации помог опять же случай. После печально известной сессии ВАСХНИЛ в августе 1948 года и последующих репрессий на генетиков – из Горьковского университета был уволен выдающийся учёный Сергей Четвериков – научный руководитель Тринклера сильно беспокоился, что его тема не подойдёт к лысенковским догмам, и потому отодвинул защиту на неопределённое время. Но в пролысенковском журнале «Агробиология» вышла статья правой руки Лысенко академика Авакяна, в которой автор описывал образование луковичек в соцветии лука и чеснока и называл растения из таких луковичек омоложенными. Тринклер занимался подобными же исследованиями на картофеле, и его статью на эту тему из стратегических соображений послали в этот журнал, где она вышла через год под названием «Омоложение картофеля». Так Юрий Густавович Тринклер получился «лысенковцем», и на защите его кандидатской диссертации, состоявшейся в 1952 году, присутствующие побаивались задавать вопросы, хотя раньше все его выступления вызывали живой интерес. Защита прошла успешно. Как-то в 1972 году, незадолго до защиты уже докторской диссертации, на всесоюзном симпозиуме по проблемам индивидуального развития сельскохозяйственных растений в Одессе он вышел во время перекура в коридор пообщаться с другим его участником и разговор коснулся принадлежности к тому или иному течению в этой науке.

– Одни обвиняют меня в том, что я лысенковец, другие – что антилысенковец. А я ни тот ни другой. Я Тринклер!

Собеседник мило улыбнулся, отечески похлопал его по плечу и сказал: «Вот защитите докторскую, тогда и будете Тринклер...»

Важной вехой в его научной деятельности стал выход в 1960 году в журнале «Физиология растений» статьи «О большом цикле развития картофельного растения», в которой он впервые поставил вопрос о важности для всего сельского хозяйства замены вегетативного – клубневого размножения картофеля на половое, то есть семенами. Вместе с целым рядом прочих преимуществ это был бы радикальный приём борьбы с вырождением культуры, которое неизбежно идёт при выращивании её из клубней, и нужно лишь создать новые сорта картофеля, приспособленные к такому размножению. Юра ещё в школе знал об этой серьёзной проблеме и говорил с жаром: «Давно пора прекратить зарывать картофель в землю – пора выращивать его семенами!» И вот через двадцать лет он вернулся к этому вопросу, но уже в ранге кандидата наук, вооружённый необходимыми для этого знаниями и с неукротимым желанием претворить задуманное в жизнь. Вся его дальнейшая научная деятельность была посвящена выведению сортов картофеля, который можно размножать семенами. И ещё через двадцать лет такой картофель был получен!

Мне посчастливилось познакомиться с Юрием Густавовичем незадолго до его смерти. Встреча наша произошла на знаменитой отцовской даче, где он проводил свои опыты с картошкой, и первое, что я ощутил, – это потрясающую силу его рук, когда он встретил меня рукопожатием. Меня интересовали все подробности непостижимой для здорового человека жизни без ног, и я спросил своего собеседника о его личном восприятии этого состояния – того, что фактически всю жизнь ему приходится существовать и работать в экстремальной ситуации.

– У нас был студент без одной руки, – начал издали учёный, – и как-то в моём присутствии он производил взвешивание на аналитических весах. Кончилось тем, что он всё там перевернул и едва не сломал. Всё же для человека первое дело – это голова, затем – руки. И только потом – ноги, способ передвижения. Но самое главное, что эту экстремальную ситуацию в моей жизни я никогда не замечал. Картошка была моей жизнью! Когда я приезжал к ней на дачу в плохом самочувствии, то сразу выздоравливал.

Бывало, его спрашивали, а как же он отдыхает, потому что всё время видели его работающим. И он, смеясь, отвечал: «Под домом отдыхаю!» Имелось в виду то, что приходилось много времени уделять построенной в 1937 году отцом даче, которая требовала ремонта. Как-то его жене попала в руки маленькая книжечка «Ремонтируйте сами» и она показала её мужу. Книжечка так понравилась Юре, что он сам принялся делать ремонт. Выложил каменный фундамент взамен сгнившего старого, деревянного, новые каменные столбы под печками и устроил новый кирпичный верх колодца. С помощью сына залил стены дома смесью шлака с бетоном. Это и был для Тринклера полноценный отдых от работы. Работой же он считал свои исследования с картофелем, написание научных статей в журналы. Но и тут большую часть времени приходилось проводить на даче, где на грядках росли экспериментальные растения, а в подполе хранились бесценные семена, клубни картофеля и проводились многие эксперименты с ним. Однако счастье этого человека не заканчивалось любимой работой. Как-то Тринклер сидел на улице, на лавочке, ожидая детей и жену, чтобы пойти с ними в кино. К нему подседа какая-то женщина и, увидев, что человек без ног, начала его жалеть, дескать, как же ему тяжело без них жить. В этот момент появилась его жена Ольга с детьми.

– Вот они, мои ноги! – ответил он, весело рассмеялся и, бодро поднявшись с лавочки, отправился со своими родными в кинотеатр.

Можно очень много рассказывать о научном и человеческом подвиге этого незаурядного человека. О том, как, несмотря на постоянное отсутствие казённых возможностей для практической работы, он

продолжал исследования на своей даче, ползая без ног между грядками картофеля, чтобы подарить людям новый способ выращивания этой важнейшей в их рационе культуры. Как, с огромным трудом получив должность старшего преподавателя в Горьковском сельскохозяйственном институте, ездил на протезах на занятия на другой конец города, но не просил для себя никаких послаблений. Как, не обращая внимания на многочисленные трудности, завершил-таки свою докторскую диссертацию и успешно защитил её, став потом профессором. О том, как наконец появились первые семена нового картофеля и после публикаций об этом в научных журналах он стал получать письма со всего света. А после коротенькой статьи в журнале «Приусадебное хозяйство» к нему пошли тысячи писем с просьбой прислать семена, и он их рассылал просителям, сколько мог, не беря за это ни копейки. А ещё о том, как в 1992 году из-за окурка пьянчуги сгорела его замечательная дача и погибло 80 процентов бесценных семян картофеля, но он и в этой ситуации не упал духом и продолжал свой труд на пепелище. В сущности, Юрий Тринклер сделал огромное дело – создал культуру полиплоидного растения, размножающегося семенами, что является великим достижением и в науке, и в сельскохозяйственной практике. Однако все его работы ухнули куда-то во тьму бюрократии и бестолковщины, и совершивший такой подвиг учёный по большому счёту остался недостаточно известен и обласкан государством.

Ну да бог с ней, несправедливостью. Не об этом последняя глава моей книги, а о великом достоянии, которое люди получили, благодаря наличию у них разума и души, о непостижимом волшебном чувстве любви, без которого жизнь теряет, возможно, главную свою прелесть и ценность. Мой герой получил его сполна, и жизнь его, безусловно, удалась, несмотря на то, что сначала из-за сильной юношеской любви он с ней едва не распрощался и стал инвалидом. Зато потом это чувство вошло в его жизнь, и освещало её, и давало силы на трудном пути к поставленной цели. Мой рассказ о его любви к дорогому для него делу и о любви к дорогому человеку, которые он пронёс через всю жизнь. И о той любви, которую получал в ответ. Незадолго до смерти, когда физические силы постепенно оставляли тело, он заботливо делал своей жене Ольге массаж повреждённой при падении ноги и одновременно продолжал работы с семенным материалом картофеля, большая часть которого погибла при пожаре на даче.

«Рабочая смерть приближается неумолимо, – писал он в своём дневнике за несколько недель до ухода из жизни. – Руки болят, и зимой даже не вылезал сгребать снег. Пять сеянцев картофеля уже вывёртывают первые листочки. Скоро посев и в плошке. Но смогу ли их высадить и вырастить из клубней – трудно уверять...»

В итоге две эти любви тесно переплелись в жизни Юрия Густавовича Тринклера, дополняя одна другую, принесли счастье двум людям и позволили ему сделать очень большое дело в науке, которую он любил с детства.

У знаменитой английской группы «Битлз», совершившей прорыв в рок-музыке XX века, заслуженно снискавшей безмерную любовь всей планеты и ставшей культовой для разных поколений людей во многих странах мира, есть песенный альбом «Эбби Роуд». Последний и, несомненно, лучший из всех, записанных музыкантами за почти десятилетнее существование неповторимой ливерпульской четвёрки. После этого альбома группа распалась, её знаменитые участники, ставшие при жизни легендой, пошли каждый своим путём. В самом конце этого альбома оказалась очень коротенькая песня. Впрочем, песней-то её не назовешь, и вовсе не потому, что состоит она всего из двух коротких строчек, – это нечто совершенно иное. То – предельно спрессованный смысл всего многолетнего творчества любимых во всём мире Битлов, и его можно считать высшей формулой духовного существования человека. Песня так и называется «Конец». Вот перевод с английского её простых и удивительных слов:

*В конце концов, любовь, которую ты получаешь,
Равна той любви, которую ты отдаёшь...*

Возможно, в чьей-то жизни это зыбкое равенство смещено в ту или другую сторону. Но я уверен, если проследить жизни всех людей разных времён на всём их протяжении и поместить всю полученную и всю отданную ими любовь на чаши одних весов, то они уравниваются. Потому что наряду с фундаментальными физическими формулами законов устройства нашего мира это предельно простое, но одновременно и высшее моральное уравнение имеет абсолютное значение и огромный смысл. А без любви жизнь человека бессмысленна.

Любите, люди, и будьте любимыми!

Заключение

Я оглядываюсь на своих героев, и их поведение в необычных обстоятельствах вызывает во мне удивление, восхищение, желание поступать так же, как они, и радость, гордость за то, что люди способны на такое. Все они в непривычных для них, а порой и по-настоящему экстремальных ситуациях проявляют самые высокие моральные и духовные качества. Рискуя своим здоровьем и жизнью ради познания человеческих возможностей, ради жизни других людей, ища и находя разумный

выход из тяжёлых жизненных коллизий, они зачастую действуют за чертой инстинктов, присущих нам как представителям животного мира. Но каков итог, какова социальная значимость этих действий!

Собака, скорее всего, не полезет в смертельный огонь ради спасения своих щенков – сильнейшие природные инстинкты сохранения жизни и продолжения рода заставят её не рисковать собственной жизнью, чтобы потом произвести на свет новых щенят. А женщина почти наверняка бросится в огонь ради своего ребёнка, забыв о себе. И, как оказывается, точно так же могут позабыть о себе и действовать за чертой спасительных инстинктов многие другие люди, – даже ради чужой жизни. И даже ради коллективных, не только материальных, но и идейных ценностей!

Да, конечно, все мы разные – одни могут повести себя в таких обстоятельствах подобно животным, а другие, как было рассказано в первой книге этой трилогии «Шаг в сторону», даже хуже животных. Однако есть среди нас такие, чьё поведение в необычных ситуациях связано с самыми высокими проявлениями сути разумного существа – силой его духа и сознания. Присутствие в человеческом обществе таких людей вселяет веру в то, что наш биологический вид идёт правильным эволюционным путём и на этом пути, на котором, благодаря разуму и силе духа, он уже совершил немало поразительных открытий и многого достиг, его ещё ждут большие прорывы и великие свершения. О первых шагах человечества в одном из таких прорывов – освоении космоса, об особых испытаниях, выпавших на долю его первопроходцев и всех тех, кто оказался причастен к нему, рассказывается в следующей книге.

